

Анн Анселин
Шутценбергер

Синдром предков

*Трансгенерационные связи,
семейные тайны, синдром годовщины,
передача травм и практическое использование
геносоциограммы*

Anne Ancelin Schützenberger

AÏE, MES AÏEUX!

**Liens transgénérationnels, secrets de famille,
syndrome d'anniversaire,
transmission des traumatismes
et pratique du génosiciogramme**

15e édition
revue et augmentée

La Méridienne
Desclée de Brouwer

Анн Анселин Шутценбергер

СИНДРОМ ПРЕДКОВ

**Трансгенерационные связи,
семейные тайны,
синдром годовщины,
передача травм
и практическое использование
геносоциограммы**

**Издательство Института психотерапии
Москва
2005**

ББК 88
УДК 159.9.072
Ш 97

Перевод с французского: И.К. Масалков

Шутценбергер А.А.

Ш 97 Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. — 256 с.

*Эксклюзивное право издания книги на русском языке
принадлежит Институту психотерапии. Все права защищены.
Любая перепечатка издания является нарушением
авторских прав и преследуется по закону.
Опубликовано по соглашению с автором.*

Все мы являемся звеньями в цепи поколений, и порой нам приходится, к собственному удивлению, «оплачивать долги» прошлого наших предков. Эта своеобразная «невидимая преданность семье» подталкивает нас к неосознанному повторению приятных ситуаций или печальных событий. Мы менее свободны, чем полагаем, но у нас есть возможность отвоевать свою свободу и избежать роковых повторений в нашей семейной истории, поняв сложные хитросплетения в собственной семье.

Эта книга во Франции выдержала 15 изданий. Она является результатом двадцатилетней научной деятельности и клинической практики Анн Анселлин Шутценбергер. Случаи, которые она приводит, по драматизму, «эмоциональному градусу» и таинственности превосходят самые смелые фантазии авторов готических романов. Иногда они шокируют, иногда пронзают острой болью и всегда напоминают о том, что каждый из нас является частью общей для всех истории и даже самые отдаленные события гораздо ближе к отдельному человеку, чем можно себе представить.

Исследовательский и терапевтический аспект книги представляет обоснования тех явлений, с которыми автор работает с помощью своего метода — трансгенерационной психогенеалогической контекстуальной терапии. Один из основных его «инструментов» — геносоциограммы — позволяет распутать сложный клубок семейных историй, выявить связи между поколениями и прервать цепь бессознательных повторений, чтобы человек мог осознать собственное предназначение и использовать свой шанс в жизни.

ISBN 5-89939-051-4

© А.А.Шутценбергер, 1993

© Издательство Института психотерапии, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЖИВУЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ПОПУГАЙ ДЕДУШКИ	10
ОТ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО К ГЕНОСОЦИОГРАММЕ	13
Уже Фрейд.....	14
Юнг, Морено, Роджерс, Дольто и другие	16
Мои профессиональные «родственные связи»	19
Этот незнакомец Морено	19
Генограмма и геносоциограмма	22
Фрейд и «тревожащая странность»	23
СЕМЕЙНАЯ ТЕРАПИЯ	
И ГЕНОГРАММА/ГЕНОСОЦИОГРАММА.....	26
Группа Пало Альто	27
Стратегическая системная терапия	28
Структурная семейная терапия	29
Семейная психоаналитическая терапия	30
НЕВИДИМЫЕ ЛОЯЛЬНОСТИ	31
Концепция Ивана Бузормени-Надя	33
Парентификация	33
Семейный миф или сага о семье	35
Личный пример	36
Семейная «бухгалтерия». Базовая безопасность.	
Несправедливость	38
Обида	41
Несправедливость судьбы	42
Трансгенерационный страх	
Травматизм «ветра пушечных ядер»	43
«Это несправедливо...» Пережитая несправедливость,	
«настоящая справедливость»	43
Пассивная агрессивность	44
ПСИХОСОМАТИКА/СОМАТОПСИХИКА	45
«Body mind connection»	45
Трансгенерационные связи. Бухгалтерия долгов и заслуг.	
Пережитая несправедливость	46
«Зубастые подарки»	51
«Гроссбух» святого Николая	54
Мы все приходим из «смешанных пар»	56

Индивид и семья	57
Синхронная карта семейных событий	59
Контекстуальный и интегративный подход	61
Семейные правила	62
Быть лояльным членом группы	65
Контекст и классовый невроз. Провал в школьной учебе	66
СКЛЕП И ПРИЗРАК	69
Непризнаваемая, неуловимая тайна	71
Охотник за бабочками	73
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ	76
Эрже и Тентен	76
Семейные бессознательные повторения в день годовщины:	
несчастный случай со вдовцом	77
Болезнь приемного ребенка	78
Тайна смерти родителей и своего происхождения:	
дети депортированных	78
Случай Робера — разрывы и тайны	79
Геноцид и пережитая несправедливость:	
рабство, депортация, массовое бегство	81
МОИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНОСОЦИОГРАММ	
И СИНДРОМА ГОДОВЩИНЫ	88
Открытие синдрома годовщины	90
Обмены и взаимодействие	92
Мой стиль работы	93
Синдром годовщины	99
«Невидимые лояльности» и «фракталы»	103
КАК СТРОИТЬ ГЕНОСОЦИОГРАММУ?	106
Условные обозначения	106
Биографическая реконструкция. Метки, ключи,	
границы памяти и ограничения метода	110
Основы идентичности: имя и фамилия.	
Фамилия или отчество: «Как тебя зовут?»	113
Значимость имени. Нить Ариадны	117
Важность контекста	
(исторического, экономического, культурного)	118
Жизненный контекст (учеба, путешествия,	
проживание в дальних краях). Имя-код,	

имя-травести, имя-криптограмма	120
Мы все метисы? Наследники двух культур	121
Внебрачные дети, побочные дети. Примеры социального и семейного «стыда»	122
Задачи геносоциограммы	123

МОЯ КЛИНИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

В ТРАНСГЕНЕРАЦИОННОМ МЕТОДЕ	125
Группа, Мари и другие	128
Вновь обрести свою идентичность. Передача	134
Запас прочности	135
Базовая безопасность. Жизненный порыв	135
Трансгенерационное и интергенерационное. Память, к которой вновь обращаются: живая память или провалы памяти	139

КЛИНИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ

С УПРОЩЕННЫМИ ГЕНОСОЦИОГРАММАМИ	141
Шарль: синдром годовщины и невидимая лояльность семье	141
Марк: семейное повторение несчастных случаев	145
Жаклин: армянский геноцид	149
Валери и Роже: существует ли наследственная предрасположенность к дорожно-транспортным происшествиям?	153
Семейная конфигурация и синдром «двойной годовщины»	156
Годовщина — период уязвимости, «стресс годовщины»	157
Два брата, выживший и умерший	158
Люсьен и мадам Андре: генеалогический инцест	160
Две молодые мадам Раванель: непроясненный генеалогический инцест	162
«Цепочка» семейных союзов	167
Переданное наследство и структура семьи	169
Семья де Мортелак: смерть детей в раннем возрасте в нескольких поколениях	170
Предсказания и проклятия в истории	172
Эффект «сильного слова». Проклятие Катона: «Delenda Carthago est»	174
Священник: эффект плохо понятого «сильного слова»	176

Ван Гог, Дали и Фрейд: замещающий ребенок и ребенок восстанавливающий	181
Сандрина и другие: помечающая — помеченная годовщина	184
Четыре других примера: мусульмане; Жак/Жаклин; понедельник на Пасху 1965 г. — след Севастополя; Изабель	187
Ноэль: конфликты пищевых привычек и «диетической идентичности»	189
ВЫВОДЫ: ВЕРХНИЙ ЯРУС ТРОПИЧЕСКОГО ЛЕСА И ЧЕЛОВЕК	193
ПРИЛОЖЕНИЯ	204
Определение «склепа» и «призрака» по Никола Абрахаму и Марии Тёрёк	204
Статистические исследования синдрома годовщины, проведенные Жозефиной Хилгард (работы с 1952 по 1989 гг.)	207
О душе женщины	216
Пример субституционного инцеста, взятый из истории литературы	216
«Я припоминаю»: Стигматы семейной памяти о не совершённом трауре	218
Травматизм «ветра пушечных ядер»	219
Инцест и инцест второго типа	221
Синдром годовщины	222
Два клинических случая синдрома годовщины	224
Фрейд, или «Оно говорит с другой сцены»	227
Синдром годовщины, «столкновение времен» и национальные трансгенерационные травмы в истории (<i>Косово — 28 июня 1389 г. — 28 июня 1914 г. — 28 июня 1989 г.</i>)	227
Семейное и групповое со-бессознательное (Дж.Л. Морено). Социальное и межличностное бессознательное (Эрих Фромм, Карен Хорни, С.Х. Фулкс)	230
Типовая рамка для генеалогического древа	231
Типовая рамка для семейной геносоциограммы	232
НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ	234
БИБЛИОГРАФИЯ	238

*Моей дочери Элен
и моим внукам Ог, Пьеру и Франсуа.
Моим стажерам, больным и студентам
с благодарностью за то,
что благодаря им я столько узнала
о передаче, научении и повторениях событий
от поколения к поколению.*

*«Мертвые невидимы,
но они не отсутствуют».
Блаженный Августин*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В последнее время стало модным использовать трансгенерационный метод. В практическом плане он хорошо вписывается в терапию и учебные курсы, поэтому необходимо, чтобы те, кто занимается как клинической практикой, так и преподаванием, имели более четкие представления о том, какие связи существуют между эмоциями, биологией и явлением трансгенерационной передачи.

Иными словами, многие люди без аналитического и/или психотерапевтического образования считают возможным самостоятельно использовать трансгенерационный метод.

В этом и заключается реальная опасность, о чем должны быть предупреждены пациенты и клиенты.

*Анн Анселин Шутценбергер,
почетный профессор ряда университетов,
психодраматист, психотерапевт,
групповой аналитик*

ЖИВУЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ПОПУГАЙ ДЕДУШКИ

Было прекрасное летнее утро.

Я приехала на каникулы к коллегам и друзьям на юг Франции.

Проснувшись рано, я бесшумно вышла в сад посмотреть на восход солнца над горами позади Сен-Бом^{*}. Не зная привычек хозяев дома и не желая причинить беспокойство, я затаилась около бассейна под кронами сосен.

Отовсюду веяло спокойствием... Везде чувствовались порядок и красота... роскошь, спокойствие и нега.

«За стол! — неожиданно прокричал вдалеке властный голос. — За стол! Быстро, быстро, быстро, за стол!..» Собаки, а следом за ними и я устремились в просторную столовую. Однако там... не оказалось ни души.

Твердый мужской голос, уверенный в своих особых правах и привыкший давать указания, повторял: «За стол! Моника, быстро! За стол! И держись прямо!» Я инстинктивно выпрямилась.

Собаки, ориентируясь на голос, остановились перед... клеткой с попугаем, подождали, сделали «служить»... и удалились на прежнее место. Я была озадачена не меньше, чем они, и в ожидании завтрака вернулась в сад.

Позже, за настоящим воскресным завтраком, с его теплой и дружеской расслабляющей атмосферой, мой друг Мишель объяснил, что после смерти дедушки унаследовал попугая — столетнюю птицу, которая иногда «говорила» так, как говорили прежде в семье, приводя всех в изумление.

* Сен-Бом — гора на юге Франции. — Прим. переводчика.

Это мог быть то голос дедушки (врача), зовущий всех домашних, — главным образом внуков к столу, или кого-либо иного из членов семьи или друзей. Никто не знал, что будоражило память попугая и кто должен был из нее появиться.

Для моих друзей «семья» всегда оставалась рядом. Какое ощущение соприсутствия, какую теплоту, дружественную атмосферу приносил этот попугай, какое чувство преемственности поколений и успокаивающую уверенность! Но в то же время какие тайны могли бы появиться на свет, какие «невысказанные» запреты, какие приказы возникали из памяти?

Это было прошлое, прошлое живое, вечно живое и взаимодействующее с настоящим.

Эта история открыла мне доступ к *прошлому-настоящему, происходящему-становящемуся (allant-devenant)*.

«Мертвец хватает живого», — испокон веков говорят нотариусы, повторяя римскую максиму.

Мы продолжаем цепочку поколений и оплачиваем долги прошлого, и так до тех пор, пока «грифельная доска» не станет чистой. «Невидимая лояльность» независимо от нашего желания, независимо от нашего осознания подталкивает нас к повторению приятного опыта или травмирующих событий, или несправедливой и даже трагической смерти, или к ее отголоскам.

Ницца—Иер, 1989

Мне хотелось бы поблагодарить Фрагу Томази, без которой эта работа не появилась бы на свет, и Лолиту Лопес — аспирантку из Ниццы, которая любезно и терпеливо печатала и перепечатывала на своем компьютере дюжину правленных версий этого текста.

За появившиеся одно за другим 15 изданий я хотела бы вынести особую благодарность Иву Раффнеру из издательства Desclee de Brouwer, так же как и моей переводчице на английский язык Анне Трагер, Кейт Хейс, Кейт Шевени-Тренч из издательства Routledge (Лондон и Нью-Йорк, 1998), а также Эвелин Темфрой-Бюссон за перевод на испанский язык для Аргентины.

*Париж, Аржантьер и Ницца,
15 июня 2002 года*

ОТ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО К ГЕНОСОЦИОГРАММЕ

Жизнь каждого из нас является романом. Вы, я — все мы опутаны невидимой паутиной, одним из создателей которой являемся мы сами. Если бы мы научили наше «третье ухо»¹, «наш третий глаз»² схватывать, лучше понимать, слышать, видеть эти повторения и совпадения, существование каждого из нас стало бы более ясным. Мы были бы более чувствительны к тому, что мы собой представляем, к тому, кем мы должны были быть. Так ли уж прочны эти невидимые нити, действительно ли мы не можем избежать этих «триангуляций», этих повторений?

Можно с уверенностью утверждать, что в своей жизни мы *менее свободны, чем полагаем*. Однако мы можем *отвоевать нашу свободу* и избежать повторений, *понимая* происходящее, осознавая эти нити в их *контексте* и сложности. Таким образом мы сможем наконец прожить «свою» жизнь, а не жизнь наших родителей, или бабушек и дедушек, или, к примеру, скончавшегося брата, которого мы «заменяли», порой даже не осознавая этого...

Эти сложные связи поколений можно увидеть, прочувствовать или предвосхитить по крайней мере частично. Но чаще всего мы не говорим о них: они проживаются как *неуловимые, несознаваемые, невысказанные или тайные*.

Тем не менее можно формировать и эти связи, и наши собственные желания, чтобы наша жизнь соответствовала тому, что мы хотим, т.е. нашим подлинным желаниям, глубинным мечтам, потребностям, а не тому, чего нам «желают», чтобы было.

¹ Reik Th. Ecouter avec la troisième oreille. Paris, Epi, 1976.

² Rosny, Eric de. Les Yeux de ma chèvre. Paris, Plon, 1981.

Если не принимать во внимание ни крайние случаи, ни экстремальные ситуации, то можно использовать свой шанс в жизни, осознать свое предназначение, «обратить в нужное русло неблагоприятную судьбу» и *избежать ловушек бессознательных трансгенерационных повторений*.

Сделать нашу жизнь выражением нашей глубинной сущности — в этом и состоит задача психотерапии и (пере)обучения. Обратившись к самому себе и познав самого себя, психотерапевт в состоянии лучше услышать, воспринять, увидеть и почти разгадать то, что едва выражено у клиента, что иногда проявляется через боль, болезнь, молчание, язык тела, провалы памяти, ошибочные действия, повторение, «несчастья» и экзистенциальные затруднения. И тогда, используя свои знания во всей полноте (хотя речь идет в не меньшей мере об *умении быть*, об *умении быть с другим* и слышать его, чем об *умении делать* или о теоретическом *знании*), терапевт может стать «*go-between*» — посредником или проводником между «Я» и «самостью» (*le je et le moi*) клиента, между тем, кого он ищет в себе и тем, каков он (клиент, другой) есть на самом деле, стать его «*акушером*» или его «*знахаркой*», как говорил Сократ.

Уже Фрейд...

Исходя из своей проблематики и своих собственных страданий, тревог и вопросов к самому себе, Фрейд³ обнаружил эту «другую сцену», которую каждый человек несет в себе, свое «невывыказанное» или «невыраженное», (*das Unbewusste*, плохо переведенное в то время как «*бессознательное*»); эту бездну, «черную дыру, соединяющую нас с другими» (членами семьи, близкими, обществом во всей его совокупности) так же, как интер- и интрапсихическое окружение, *контекст*. Именно это формирует нас, выстраивает, слепо влечет в равной мере к приятному или трагическому, а иногда даже играет с нами злые шутки.

³ Gay P., Freud, une vie, Paris, Hachette, 1991.

Можно ли найти глубокий смысл в безобидных и банальных вещах повседневной жизни — провалах памяти, оговорках, ошибочных действиях, снах, импульсивных действиях? Какое значение придавать нашему поведению и нашим реакциям, прежде всего нашим болезням, несчастным случаям, значимым и «нормальным» событиям жизни, таким как вступление в брак (число браков, возраст), выбор профессии, количество детей, «выкидышей», смерть (в каком возрасте она наступает)? Без помощи (хорошего) психотерапевта здесь не обойтись.

Верно ли это?

Скорее нет, но отслеживая подобные явления, накапливая информацию, можно быстро проникать в то «нечто», что работает внутри нас. Может быть, вы обнаружите у себя талант писателя, как это произошло со многими английскими романистками, или пианиста, или талант садовника, или же разрешите себе заняться учебой, или же позвольте себе (наконец-то) предаться удовольствиям.

Само собой разумеется, что работа с тремя — пятью поколениями отсылает нас к бессознательному и его проявлениям, а значит, к Фрейду и психоаналитической клинике. Я бы хотела порекомендовать читателю обратиться к Фрейду и, в частности, к его *«Введению в психоанализ»*, *«Новым лекциям по психоанализу»*, *«Пяти психоанализам»* и *«Тревожащей странности»*, и Гроддеку — *«Книге об Оно» (Le livre du Ça)*.

Вспомним утверждение Фрейда о выборе имен для своих детей: «Я придерживался того, что имена не выбирались под влиянием моды дня, а определялись воспоминанием о дорогих нам людях. *Имена делают из детей призраков»* (Фрейд [1900], *«Толкование сновидений»*, 1976).

Фрейд напоминал, что:

«Архаичная наследственность человека не включает в себя исключительно предрасположенности, а несет также идеативное содержа-

ние следов в памяти, которые оставлены опытом, полученным предшествующими поколениями» (Фрейд З. «*Mousses et monothéisme*», 1939, p. 134, Gallimard, Poche, Collection Idées, 1948).

«Мы постулируем существование коллективной души (...) [и то, что] чувство как бы передается от поколения к поколению в привязке к той или иной ошибке, которую люди больше не держат в сознании и о которой вспоминают меньше всего» (Фрейд З. «*Totem et tabou*», Petite Bibliothèque Payot, 180).

История психоанализа⁴ меньше всего напоминает течение спокойной реки. Как и во всяком открытии и важнейшем направлении исследований, здесь имеются столкновения, интерпретации, толкования, поиск вслепую, разрывы, исключения, находки, прозрения.

Юнг, Морено, Роджерс, Дольто и другие

Вспомним, что в своей работе «*Totem et tabou*» Фрейд говорил о «коллективной душе», в то время как Юнг⁵ упоминал о «коллективном бессознательном».

Разрыв Фрейда со своим «дофином» (так в окружении Фрейда называли Юнга) был крайне резким: чтобы так возненавидеть, надо было сильно любить друг друга. Бруно

⁴ Robert Marthe, *La Révolution psychanalytique*. – Paris, Petite Bibliothèque Payot, 2 vol., 1989; et Roudinesco Elisabeth, *Histoire de la psychanalyse*, 2 vol. – Paris, Le Seuil, 1986.

⁵ Jung C. G., *Essai d'exploration de l'inconscient*. – Paris, Gallimard, rééd. (1988), Folio, *Essai, et Dialectique du moi et de l'inconscient*, Paris, Gallimard, rééd. (1986), Folio, *Essai*. В одном из американских информационных бюллетеней 1980-х годов Бруно Беттельгейм вновь обращается к «подлинным этическим причинам» разрыва Фрейда с Юнгом и освещает его в свете жалоб травмированных клиенток — и, в частности, Сабиньи Шпильрейн: Фрейд не одобрял, что терапевт «встречается» со своими молодыми клиентками, — упрек, который Юнг якобы плохо воспринял. Об этом см.: Spielrein Sabina (1980), *Entre Freud et Jung, textes commentés de Sabina Spielrein; dossier découvert par Aldo Carotenuto, Carlo Trombetta; édition française par Michel Guibal et Jacques Nobecourt; trad. de l'all., Paris, Aubier.*

Беттельгейм из Чикагской школы незадолго до своего ухода на пенсию и смерти напоминал, что этот разрыв был, видимо, основан на этической некорректности, в которой Фрейд упрекал Юнга. Юнг называл этот разрыв теоретическим разногласием вокруг теории влечений.

Как бы то ни было, Юнг дополняет работы Фрейда выявлением *синхронии** и того, что он называет «коллективным бессознательным».

Согласно Юнгу, это «работающее» в нас коллективное бессознательное, передаваемое в обществе от поколения к поколению, аккумулирует человеческий опыт. Оно дано от природы и, таким образом, существует вне всякого вытеснения и личного опыта. Это понятие будет иметь большое значение как для теории, так и для клинической практики.

Несмотря на то, что мой выбор был сделан под влиянием фрейдистского образования, я думаю, что время противостояния школ уже позади. Таким образом, в мои намерения не входит отстаивать позицию за или против Юнга. Но что следует отметить, так это идеи передачи из поколения в поколение и *синхронии*, или *совпадения дат*.

Следует также напомнить, что если Фрейд открыл бессознательное, *невыраженное*, «коллективную душу», а Юнг ввел понятие *коллективное бессознательное*, то Морено сформулировал постулат *со-сознательного* и *со-бессознательного* в семье и группе. Приблизительно в то же время, в 1960 – 1970-е годы, Франсуаза Дольто**, Николя Абрахам и их ученики, а также Иван Бузормени-Надь, ставят сложную проблему *трансгенерационной передачи* не полностью разрешенного конфликта (ненависть, месть, вендетта), тайн, «невысказанного», преждевременных смертей и выбора профессии.

* *Синхрония* — явление, в котором событие во внешнем мире значащим образом совпадает с психическим состоянием человека. Это повторяющиеся переживания, отражающие события, которые не подчиняются законам времени, пространства и причинности. — *Примеч. ред.*

** Франсуаза Дольто прошла в Париже психоанализ (1934 – 1937 гг.) у Рене Лафорга, которому принадлежит открытие трансгенерационного поля.

Знание выстраивается в результате накопления, а новое видение появляется в одно мгновение. В процессе психоанализа продвижение идет в неизвестном направлении и затем вдруг появляется *смысл*.

Лакан сравнивал появление смысла с внезапным появлением на поверхности острия швейной иглы, пронизывающей и соединяющей несколько слоев прожитого.

Каждый терапевт, будь он психоаналитиком или сторонником других направлений, является частью *системы преемственности*, из которой он черпает свои теоретические основы. Однако клиника часто действует наперекор догмам, и на практике мы идем на уступки, признавая это или нет⁶. Особое значение имеет способ, с помощью которого терапевт принимает, слушает, понимает и наблюдает своего клиента⁷. Терапевт должен «слышать» клиента и взаимодействовать с ним. Гриндер и Бэндлер показали значимость различных способов восприятия⁸, состояния эмпатии⁹, для того чтобы бессознательное одного человека коммуницировало¹⁰ с бессознательным другого. При этом возникает то, что Морено называет «со-бессознательным». Самый блестящий психолог и самый крупный ученый никогда не будут настоящими терапевтами, если они не в состоянии слышать другого в его (клиента) собственном контексте».

Поэтому часто именно в тот момент, когда слово зависает в воздухе, происходит самое важное, и наиболее зна-

⁶ См.: La Famille: l'individu plus un, Marseille, Hommes & Perspectives, 1991. В этой поучительной книге о психоаналитическом и системном подходах в семейной терапии Роберт Песслер утверждает: «Психоаналитики и сторонники теории систем приближаются друг к другу (не сливаясь однако), когда речь идет о том, чтобы рассматривать семью в клинической практике... Клиника должна по необходимости поставить себя выше поляризации и взаимного исключения».

⁷ *Клиент* — термин, введенный Карлом Роджерсом, который отдает ему предпочтение перед терминами «субъект» или «больной», чтобы обозначить того, кто спрашивает совета или приходит на терапию, подчеркивая свободную связь.

⁸ См. работы Гриндера и Бэндлера: каждый из нас ориентирован преимущественно на визуальное, слуховое или кинестетическое восприятие.

⁹ *Эмпатия* — это еще не значит симпатия.

¹⁰ *Со-бессознательное* (по Морено) уже предчувствовал Фрейд, когда говорил о плавающем внимании терапевта.

чимым оказывается сказанное «в дверях», «на пороге дома».

Психоаналитики имеют основание утверждать, что их профессия не такая, как другие: она не заучивается, она *передается*. Это в такой же мере искусство, как и наука, и способ бытия в этом мире.

Мои профессиональные «родственные связи»

Анализируя сущность процесса «передачи», мне хотелось бы упомянуть свои «родственные связи». Фрейдовскому психоанализу меня обучали два француза — Робер Жессен (директор Музея человека в Париже, который сопровождал Поля-Эмиля Виктора на Северный полюс) и Франсуаза Дольто, а психодраме — в Америке Дж.Л. Морено (Beacon, N.Y) и Джеймс Эннеис (St. Elisabeth's Hospital, Washington D.C.). Именно им я обязана своим умением иногда делать «из лягушки принцессу»¹¹. С тех пор мою практику и мое восприятие обогатили и другие подходы.

Я многим обязана Леону Фестингеру, Маргарет Мид, Грегори Бейтсону, Эрвину Гоффману, Карлу Роджерсу и немного терапевтам из группы Пало Альто, Рэю Бердвистелю, Полу Вацлавику и Юргену Рюэшу, а также Луи и Диане Эверстайн. Однако именно Морено способствовал развитию моего творческого воображения, желания идти «навстречу другому» и упорства в стремлении помогать тем, кто страдает.

Этот незнакомец Морено

Во Франции Морено всегда воспринимался как немного незнакомый. Отчасти это можно объяснить, с одной стороны, его позицией по отношению к Фрейду, выглядевшей

¹¹ См. Richard Bandler et John Grinder, Les Secrets de la communication: changer sans douleur, Montréal, Le Jour, 1983, перевод de Frog into Princess.

почти психодрамой во время его полемики с Абрахамом Бриллем на 1-м Конгрессе американской психиатрической ассоциации в 1932 г., а с другой — опубликованной в 1967 г. монографией «*The Psychodrama of Sigmund Freud*»¹². На самом же деле это два великих творца, которые дополняют друг друга. В 1956 г. по случаю столетия со дня рождения Фрейда Морено напишет, что если XX век в психологии несомненно принадлежал Фрейду, то XXI век будет принадлежать Морено. Не выглядит ли это в некотором роде убийством отца, от которого хотят отмежеваться и которого хотят превзойти?

Это наскоро сделанное «открытие» в области языка бессознательного — точнее, бессознательного терапевта и бессознательного клиента, которые особым способом общаются как на кушетке, так и вне ее, или «где-то там», во времени, ставшем, таким образом, замкнутым (*circulaire*). Формы его проявления изучаются сегодня с помощью *геносоциогаммы и трансгенерационного подхода*, что также связано с Морено и позволяет именно о нем говорить как об одном из отцов-основателей.

В этом исследовании среди ключевых понятий, использованных Морено, назовем прежде всего понятие «теле»* («смесь эмпатии», переноса и «настоящей коммуникации», коммуникации положительной или отрицательной, бессознательной, на расстоянии, между людьми).

Далее укажем, что Морено предложил образное понятие «*социальный атом*» для обозначения наиболее значимых отношений в жизни каждого. Социальный атом — это лица, составляющие «личный мир субъекта»: его семья, друзья, близкие, соседи, коллеги по работе или спорту, те,

¹² Более подробно см.: Marineau René J.L. *Moreno ou la Troisième révolution psychiatrique*. — Paris, A. M. Métailié, 1989.

* Если попытаться дать рабочее определение этому термину, можно сказать, что «теле» проявляется как мгновенное невербальное общение (например, когда двух людей в толпе по загадочным причинам тянет друг к другу) или как бессознательная взаимная приязнь. Согласно Морено, «теле» является фактором, влияющим на степень неслучайности социальных конфигураций. — *Примеч. ред.*

кого любят или ненавидят, независимо от того, умерли они или нет. Обычно главное действующее лицо (протагонист) — тот, кто работает «у доски» во время сессии, располагает этих лиц в виде схемы, на *социально определяемых расстояниях*¹³, соответствующих каждому виду отношений. В этой конфигурации можно, например, послать к черту (т.е. поместить в дальний угол доски) тещу, которая причиняет вам неприятности, и вписать рядом с собой умершую бабушку, любимую и всегда присутствующую. В «социальном атоме» субъект в большинстве случаев начинает находить место для себя и фиксировать его («здесь — именно я»), и только потом находит место для других, уже после своей семьи.

«Социальный атом» отображает одну жизнь, ее ответвления, интересы, мечты или тревоги.

Можно сказать, что «социальный атом» — это *геносоциограмма*¹⁴ «здесь и теперь». Он дополняется для приверженцев Морено *социометрической сеткой* (аффективной) и *социометрическим статусом* («рангом любви» индивида в своей группе). Именно аффективные проекции составляют «социальный атом». В работе «*Кто выживет*» Морено дает определение «социальному атому», этому представлению личностного мира человека: «Внутреннее и внешнее ядро, состоящее из лиц, эмоционально связанных с субъектом».

¹³ «Социальное расстояние» — понятие социальной психологии, указывающее, в какой мере то или иное лицо расположено психологически ближе или дальше от другого лица, без учета географического расстояния. Например, Бразилия и ее карнавал более близки жителям Ниццы, чем Германии или Бельгии, или же мой умерший дедушка для меня является более «присутствующим», чем мой сосед по лестничной площадке.

¹⁴ *Геносоциограмма* — от генеалогия (генеалогическое древо); социограмма (представление связей, отношений) — генеалогическое древо с его значимыми фактами, важными событиями жизни и графически представленными эмоциональными связями. *Генограмма* — генеалогическое древо с комментариями, с несколькими метками; используется главным образом в системной терапии и социологами, которые не являются психоаналитиками и, таким образом, меньше «копаются» в рассказах о жизни в поисках скрытых или бессознательных связей, что делаем мы в геносоциограмме. Геносоциограмма является той же генограммой, но с большей глубиной проработки.

Генограмма и геносоциограмма

Напомним, что профессор Анри Коллоб¹⁵ разработал в Дакаре (и привез в Ницу в 1978 г.) технику *геносоциограммы*, основанную на размышлениях Морено, которые мы развиваем.

Геносоциограмма позволяет получить наглядное *социометрическое (аффективное) представление о генеалогическом семейном древе* с его характеристиками фамилий, имен, мест, дат, связей и *главных событий жизни*: рождений, бракосочетаний, кончин, значимых болезней, несчастных случаев, переездов, выборов профессий, выходов на пенсию. *Геносоциограмма является комментированным представлением генеалогического древа (генограммы)*. На ней с помощью социометрических стрелок выделены различные *типы отношений* субъекта со своим окружением и связи между различными персонажами: сопричастие, сожительство, содействие, диады, треугольники, исключения — «кто с кем живет под одной крышей» и «ест из одного котла», кто чьих детей растит, кто и куда убегает, кто прибавляется (рождается, приезжает) в тот момент, когда другой уходит (умирает или уезжает), *кто кого заменяет* в семье и как происходит раздел... особенно после смерти (наследства, подарков), одаренные, обделенные, «*несправедливости*» (семейные и социальные счета), повторения...

Обычно происхождение генограммы связывают с конференцией по семейной терапии Мюррея Боуэна (1967). Однако иногда утверждают, что генограмма берет свое начало в ранних размышлениях Морено о семейных комплексных связях и «*социальном атоме*». Большинство же практиков из области системной семейной терапии и генограммы вообще не обращались к этой «*исторической генеалогии*».

¹⁵ Collomb Henri (1977), «La mort en tant qu'organisateur de syndromes psychosomatiques en Afrique», Psychopathologie africaine, XII, 2: 137–147.

Профессионалы, использующие генограмму, в большей или меньшей степени углубляют аспекты, связанные с отношениями, связями, смежными областями.

Я работаю с тем, что называю *геносоциограммой*, при этом иду гораздо глубже и в более широком контексте, часто восстанавливая прошлое на протяжении двух веков (от семи до девяти поколений), а иногда и более того.

Психосоциальная и психоаналитическая интерпретация, дополненная «обращением к эффекту соучастия», а также отслеживанием изменений самого субъекта, его «дыхательного ритма», углубляет и обогащает исследование с помощью генограммы и выводит на подлинную *геносоциограмму*. Таким образом, выявляется сказанное и неслышанное, текущие и прошлые социально-аффективные связи и отношения. Мы работаем с вербальным и невербальным, «провалами», «забвениями», разрывами, «изломами души», синхронией и совпадениями дат рождения, смерти, бракосочетания, разводов, несчастных случаев, появлением болезней, провалами на экзаменах, сближениями, годовщинами или значимыми для личности субъекта датами, с его семейным («социальным атомом») и социально-экономическим окружением, с личной психологической реальностью. И все это для того, чтобы человек лучше понял свою жизнь и смог *придать ей смысл*.

Фрейд и «тревожащая странность»

Иногда увиденное и услышанное в психотерапии даже опытным психотерапевтам может показаться странным.

Но когда мы слышим о таких странностях по несколько раз и от различных больных, когда мы непредвзято и внимательно слушаем и одновременно нейтрально и доброжелательно относимся ко всему тому, что человек может рассказать, эти странности *обретают смысл* — субъективный для страдающего субъекта и особый смысл для терапевта, если при этом извне не «навязывается» теория, которая, вероятнее всего, будет редукционистской в отношении того

нового и неожиданного, что может появиться. И потом и только потом могут открыться новые парадигмы, которые, возможно, станут клиническими, а затем и научными фактами (создавая смысл в новых референтных рамках).

Фрейд так описывал *тревожащую странность* (*Das Unheimlich*, 1919¹⁶):

«...Все то, что в людях, вещах, сенсорных ощущениях, событиях или ситуациях пробуждает в нас чувство тревожащей странности и [позволяет] из этого выводить характер, скрытый и общий по всем этим случаям.

Тревожащая странность будет этим чем-то пугающим [выделено нами], имеющим привязку к известным вещам, давно известным и всегда близким. [...] Наше исследование было проведено на серии особых случаев. [...] И только в последствии оно получило подтверждение». (Freud, S. E., XVII, pp. 219 et s., The «Uncanny», опубликовано в 1919).

Фрейд определяет *тревожащую странность* как «неожиданное возвращение элементов, которые должны были быть уже давно преодолены или вычеркнуты и которые как бы достались нам от прошлого, от первобытного человека. Это возвращение архаического или же элементов, которые могли и должны были быть вытеснены... поскольку связаны с ужасом, отвращением, тревогой, чем-то пугающим [...] связаны со временем, в котором мы живем» (*ibid.*, 220). (Написано в конце Первой мировой войны, опубликовано в 1919 г.)

Вслед за Марией Тёрёк мы можем распознать¹⁷ в «тревожащей странности» *длительный и навязчивый эффект*

¹⁶ На основе литературного текста E. T. A. Hoffmann, *L'Homme au sable*, (Freud, S. E., XVII, 233 et 219–220, 247..., London, Hogarth).

¹⁷ Текст Фрейда, использованный Николая Абрахамом, Марией Тёрёк и их учениками.

семейной тайны (неотступность семейной тайны), или *неожиданное возвращение вытесненного*, или травматизм военных ужасов (Фрейд лечил раненых при Вердене).

В этом, я думаю, и заключается одна из теоретических основ Фрейда, подтверждающая выводы, сделанные как мною, так и другими терапевтами, использующими трансгенерационный метод. Суть этих выводов состоит в следующем: в тревогах, в приступах «смертельного холода» (близкого к синдрому Рейно) и ужаса проявляются повторяющиеся кошмары *потомков тех, кто пережил грамы, катастрофы и бесчисленные ужасы войны*. Эти симптомы часто прослеживаются в *дни поминания и/или годовщины*, если реальные факты замалчивались, не оглашались или скрывались. Сюда относятся *тайны*, а также *несказанное* или *исторически известное, но не проговариваемое в семье*: воспоминания о войне, лагерях, бомбардировках, стихийных бедствиях.

Все это знаки, близкие к «травматизму ветра пушечных ядер». (См. стр. 43).

СЕМЕЙНАЯ ТЕРАПИЯ И ГЕНОГРАММА/ГЕНОСОЦИОГРАММА

Появление кино- и видеосъемок в семейной терапии позволило выявить значимость связей и способа взаимодействия в семье для ее здоровья или ее болезненности, уточнить и концептуализировать геносоциограмму как инструмент исследования и лечения, даже «придать ей лоск».

Под семейной терапией мы будем понимать то, что вытекает из исследований Фриды Фромм-Райхманн¹ (1889—1957), которая с 1948 г. работает с шизофрениками и их семьями, используя видеосъемки.

Если сновидение, согласно высказыванию Фрейда, было «королевским путем к бессознательному», то взаимодействия семьи шизофреника, отснятые на пленку и изученные в замедленном режиме, по мнению Фромм-Райхманн, помогут декодировать внутренний мир семей, стили и способы вербальной и невербальной коммуникации.

К 1956 г. в Стенфордском университете и в Пало Альто (Калифорния) вслед за Фридой Фромм-Райхманн другие

¹ Доктор Фрида Фромм-Райхманн работала с Дж.Л. Морено и выпустила вместе с ним книгу «Progress in Psychotherapy», 1956, N. Y., Grune & Straton. Это «доктор Фрайд» в автобиографическом романе Ханны Грин (Hanna Green, I Never Promised You a Rose Garden, Holt, Rinehart, Winston, New York, 1964), переизданном под ее настоящим именем Джоанны Гринберг (Signetbook, New American Library, N. Y.). Роман, а затем и фильм воспроизводят случай терапии одной больной, на которую навесили ярлык шизофренички. Фрида Фромм-Райхманн провела один год (1955-1956) в Стенфорде в Center for Advanced Study на отделении The Behavioral Sciences, а также долго работала в знаменитой психиатрической психоаналитической клинике Chestnut Lodge, и в сотрудничестве с Гарри Стаком Салливаном и при супервизорстве Джозефины Хилгард. Она также предложила в 1956 г. антропологам и психиатрам снимать семьи шизофреников в их взаимодействии.

исследователи из окружения Грегори Бейтсона², Джея Хейли³, Джона Уикленда, Дона Джексона, а затем Пола Вацлавика⁴ и известного семейного терапевта Вирджинии Сатир⁵ начали проводить исследования в этом направлении. Можно даже сказать, что благодаря счастливому стечению обстоятельств люди такого высокого уровня и столь разных направлений собрались вместе в Пало Альто, чтобы сопоставить различные точки зрения. Именно так образовалась группа Пало Альто.

Группа Пало Альто

Так называемая группа Пало Альто содержательно связана с гипотезой «двойной связи», «двойного принуждения» (*double bind*) — серьезным нарушением общения в семье, когда высказываются более чем противоречивые послания. Они структурируются таким образом, что на словах утверждается что-нибудь одно, а иным способом, скажем с помощью языка тела, утверждается другое. Таким образом, два утверждения взаимоисключаются или блокируются. Это так называемая «двойная связь» — «двойное послание с двойным принуждением». Поэтому, если послание является приказанием, то чтобы подчиниться, ему не следует подчиняться.

Кроме того, *запрещено говорить* о том, что приказание запутанно, противоречиво и «обязательно».

Человек, попавший в положение «двойного принуждения» рискует, таким образом, оказаться наказанным (или почувствовать себя виноватым), когда воспринимает вещи «правильно», и прослыть в семье «злым» или «безумным» («больным по воле других») за то, что показал имеющееся несоответствие (диссонанс) между тем, что он видит (вос-

² Perceval le fou, Autobiographie d'un schizophrène. — Paris, Payot, 1976.

³ Tacticiens du pouvoir: Jésus-Christ, le psychanalyste, le schizophrène et quelques autres.— Paris, ESF, 1987.

⁴ Une Logique de la communication. — Paris, Le Seuil, 1972.

⁵ Thérapie de couple et de la famille, Paris, Epi, 1983.

принимает), и тем, что он «должен был бы» видеть или испытывать.

Классическая семейная терапия, пришедшая от группы Пало Альто, в своем теоретическом подходе опирается на идеи «системы» и «гомеостаза», то есть равновесия, и «правил семьи». Такие практики из Института исследования психики, как Вацлавик, а также Витакер и Непье уже говорят о «призраке», который во время лечения пациента появляется из его прошлого, о системной семейной терапии, а спустя 20–30 лет они используют генограмму.

Стратегическая системная терапия

Рассмотрим течение семейной межгенерационной терапии*.

Представители теоретической школы, называемой *стратегической системной терапией*, используют парадокс, то, что его провоцирует, «больного по воле других» и его семью. Они считают, что реальная проблема больного известна ему самому и его семье. Базовый принцип этих специалистов заключается в том, что *каждый может определить свою собственную реальность*. Разрешение трудных жизненных ситуаций, связанных со здоровьем как физическим, так и психическим, становится сущностной проблемой. Вмешательство терапевта направлено на *переопределение реальности, но более функциональным способом*. Выражаясь языком Гоффмана⁷, можно сказать, что надо суметь увидеть, воспринять, поместить событие в иную перспективу, в иную рамку, в другой контекст, то есть осуществить *рефрейминг*.

* Семейная межгенерационная терапия с Мюрреем Боуэном, Иваном Бузормени-Надем, Маурисио Андолси, Хельмом Стаерлином (Гейдельберг), которые развивают понятие «делегирования», например, «долга, который передают от одного поколения другому, как горячую картошку».

⁷ Asiles: étude sur la condition sociale des malades mentaux, Paris, Minuit, 1968, La Mise en scène de la vie quotidienne, Paris, Minuit, 1973.

Структурная семейная терапия

Структурная семейная терапия — другая отрасль системной терапии — ставит задачу изменить привычки выстраивания отношений в семье, отношений, ставших стереотипными.

Именно в Филадельфии в Детской консультативной клинике в ближайшем окружении С. Минухина «системщики» создали свою школу и широко использовали свои техники, главным образом в детской терапии.

Важно отметить, что речь идет о подходе, основывающемся на принципе «здесь и теперь». Мюррей Боуэн, известный благодаря введенному им понятию «совокупного семейного Я»⁸ (*masse de moi familial*) и благодаря своим техникам превращения трехсторонних конфликтов (*триангуляции*) в конфликты двоих (диады), поднимает проблему *передачи тревоги* от одного поколения к другому, если триангуляция не разорвана.

В интервью 1991 г. журналу «Тайм» по поводу своей постановки пьесы Стринберга «*Мадемуазель Жюли*» в Королевском драматическом театре Стокгольма Ингмар Бергман сказал:

«В этой пьесе говорится о трех психических ранах мадемуазель Жюли... В этом мире есть люди, которые решили взять на себя вину других, и она принадлежит к их числу».

Бесспорно, что в основу этой пьесы, так же как и других произведений Стринберга, положен автобиографический материал и говорится о тревоге сына служанки и повторяющихся семейных драмах в жизни самого автора. Это как туника Несса, которая прилипает к телу того, кто накапливает тревогу предков.

⁸ Понятие связано со *шкалой дифференциации Я (soi)* вне «сплавленной», нерасчлененной массы семейного Эго, где на самом верху находятся лица со структурированным и дифференцированным Я (soi), а в самом низу — лица, которые живут под влиянием этого Эго и не могут дистанцироваться от прожитого.

Семейная психоаналитическая терапия

Однако нас больше всего интересует направление семейной терапии, которое, основываясь на психоанализе, пытается распространить его понятия и аналитические инструменты на семью, рассматриваемую как серию диад (Натан Аккерман, Иван Бузормени-Надь и во Франции Николя Абрахам и Мария Тёрёк⁹). Н. Аккерман¹⁰ использует в своей практике дуальные беседы, чтобы помочь семье осознать неверные идеи и особенно «остаточные явления» прошлого.

⁹ А потом и А. Эгер, А. Руффю, Е. Гранжон, П.-С. Ракамье, Д. Анзье, Г. Дершерф, С. Тисрон, И. Пюрже.

¹⁰ Напомним, что Натан Аккерман работал в психодраме с Дж.Л. Морено, который с 1930 г. лечил пары и семьи с помощью психодрамы и групповой психотерапии.

НЕВИДИМЫЕ ЛОЯЛЬНОСТИ

К терапевтам филадельфийской школы, которая внесла свой вклад в развитие трансгенерационного подхода, относят психоаналитика венгерского происхождения Ивана Бузормени-Надя¹. Для Ивана Бузормени-Надя отношения являются гораздо более значимой связью, чем трансгенерационные модели коммуникации (и именно эта концепция четко отличает его от школы Пало Альто²). Отношения должны учитывать дух закона *правоты и справедливости внутри семьи*. Через эти отношения предки завещают нам жизнь, их жизнь, которую мы и передаем дальше, своим потомкам. И. Бузормени-Надь³ побуждал клиентов долго рассказывать о своей жизни, потому что для него целью и одновременно силой терапевтического вмешательства было восстановление этики трансгенерационных отношений.

Меня поражает то, что все терапевты — создатели трансгенерационного подхода происходят из Восточной и Центральной Европы, хотя проблематика отношений к «родителям родителей», то есть связи с предками, пронизывает тем или иным образом рефлексии и терапевтическую практику начиная с Фрейда. (Может быть этим мы обяза-

¹ См.: диссертацию Магды Хайреман (Magda Heireman: *Du Côté de chez soi: la thérapie contextuelle d'Ivan Boszormenyi-Nagy*, Paris, ESF, 1989).

² Школа Пало Альто (1956) объединила в Калифорнии около Стенфорда вокруг английского антрополога Грегори Бейтсона (бывшего мужа и коллеги Маргарет Мид) первых исследователей, использовавших изображение, фотографии, фильмы, видео, чтобы наблюдать за взаимодействиями семей в их контексте, за разговорным языком и невербальным общением, и почувствовавших «двойную связь» в семьях шизофреников. Их группа основала Институт психических исследований, где в настоящее время в числе прочих работают Пол Вацлавик, Диана и Луи Эверстайн.

³ Я не являюсь ученицей Ивана Бузормени-Надя, которого я не (или еще не) встречала (за кратким исключением в 1994 г.).

ны наследию эмиграции и двойной культуре?) Может быть это является лишним доказательством укорененности каждого в своей «культуре», в своих «корнях» — сознательно-го или, скорее, бессознательно-го.

В странах Востока и Центральной Европы, как в России, так и вокруг Средиземного моря, семья представляет собой очень сильный «социальный атом», гнездо, спаянный клан, «матрицу», исходя из которой индивиды выстраивают себя, находят свою идентичность.

Для меня это очевидно, тем более что я выросла в Париже, с ранних лет воспитывалась в государственной французской школе и университете (лицей Мольера и Сорбонна), меня убаюкивала (в Париже) славянскими сказками моя русская прабабушка Елена, но образование я получила в США (в Мичиганском университете: Анн Арбор, Исследовательский центр групповой динамики). Далее был Морено, также выходец из Европы (которая передала ему по наследству созидательное воображение и открытость иному, незаурядному). Я чувствую, что стала тем, кто я есть, именно благодаря моим множественным корням, которые пронизывают несколько культур, языков и традиций*. Это созидаящая тишина (как во время аналитического сеанса, где все и происходит). Я бы даже пошла дальше, сказав, что Франсуаза Дольто-Маретт — одна из моих аналитиков, была столь неординарным терапевтом, может быть, потому, что ее муж Борис разделил с нею эту славянскую харизму, излучаемую всем его существом, всем телом. Харизму, которая была завещана предками (среди очень далеких предков была женщина индейского происхождения, которой, по ее словам, она обязана своей интуицией).

* Наш дом был сожжен немцами в воскресенье 5 июня 1944 г. в Лозере, так как в нем пряталось оружие для партизан. Я не была на них в обиде, так как в моих глазах это была «настоящая война». Вместе с другими я потеряла все, включая документы, записные книги с адресами, ежедневниками... Как же я была удивлена, когда у меня украли мою сумку со всем содержимым 5 июня 2000 г. (неожиданный синдром годовщины). Мы об этом никогда не говорили, чтобы не усугублять ненависть. Франсуаза Дольто говорила: «Все, что замалчивается в первом поколении, второе носит в своем теле».

Концепция Ивана Бузормени-Надя

После краткого личного экскурса мне бы хотелось проанализировать понятие *лояльность*⁴, одно из ключевых в концепции Бузормени-Надя⁵, которое отсылает нас к двум уровням понимания. Уровню системному, то есть к социальной системе, и уровню индивидуальному, то есть психологическому. *Лояльность* предполагает социальное единство, которое зависит от лояльности группы, лояльности ее членов и от помыслов, мотивации каждого члена группы как индивида. Отсюда вытекают понятия справедливости и *семейной справедливости*. Когда справедливость не соблюдается, это проявляется в неверии, эксплуатации одних членов семьи другими (иногда в бегстве, реванше, мести), даже в болезни или в повторяющихся несчастных случаях.

И наоборот, когда справедливость соблюдается, существуют привязанность, взаимное уважение членов семьи, «*семейные счета*» ведутся аккуратно. Можно говорить о «*балансе семейных счетов*» и «*семейном гроссбухе*», где видны кредит и дебет, долги, обязанности, заслуги. В противном же случае мы имеем ряд проблем, повторяющихся из поколения в поколение.

Парентификация

Еще одним фундаментальным понятием в концепции Бузормени-Надя является *парентификация*. Парентификация — это инверсия заслуг и долгов, их неверное понимание. Наиболее значимый «долг лояльности семье» — это долг каждого ребенка по отношению к своим родителям за любовь, тепло, заботы, усталость и то особое отношение,

⁴ Ввиду того, что это не университетская диссертация, а также чтобы облегчить чтение и не утяжелять текст, мы не будем систематически указывать страницы всех ссылок.

⁵ *Invisible Loyalties: Reciprocity in Intergenerational Family Therapy*, New York, Harper & Row, 1973.

которые были получены после его рождения до того момента, когда он стал взрослым. Способ расплатиться за свои долги является трансгенерационным, то есть то, что мы получили от наших родителей, мы отдаем своим детям. Это не мешает платить долги и нашим родителям. Когда они становятся старыми, мы начинаем по-особому относиться к ним, выполняя долг, помогаем им прожить последние годы и перейти от жизни к смерти.

Парентификация — это переворачивание ценностей, то есть ситуация, в которой дети, даже малолетние, становятся родителями собственных родителей.

Возьмем классический пример. Всегда найдется несколько семей и, главным образом, семей со скромным достатком или выходцев из сельской местности, где старшая дочь исполняет роль матери. Мать, измученная слишком частыми родами, бывает действительно больна или заявляет о себе как о больной, принимая заботу, помощь и поддержку своей дочери, которая никогда не выходит замуж. Она никогда не устраивает свою жизнь, потому что заботится о своей старой больной матери или своих старых больных родителях. Это нездоровое искажение отношений, заслуг и долгов: именно его называли парентификацией. Ребенок, который должен стать родителем в очень раннем возрасте (например, уже в 5 лет), оказывать поддержку своей матери, заниматься своими родителями и своей семьей, теряет важное равновесие в отношениях. Обнаруживается это нарушение равновесия путем анализа места и роли детей в семейной системе.

Понять трансгенерационные связи, «книгу заслуг и долгов» достаточно трудно, это вовсе не объективное понятие, каждая семья по-своему определяет лояльность и справедливость.

Чтобы разобраться, следовало бы провести трансгенерационное или лонгитюдное исследование семьи, распространяющееся по крайней мере на три, а предпочтительнее на пять поколений, и на месте определить функционирование систем. Для этого необходимо учитывать *ретрос-*

пективную информацию, то есть воспоминания живущих об умерших, информацию ныне здравствующих людей о своей семье и о том, что движет ее членами, даже если они не осознают того, что они знают, и что проявляется в сказанном и несказанном, в сознательном и бессознательном пласте того, что было передано им семьей.

Семейный миф или сага о семье

Здесь мы соприкасаемся с областью *семейного мифа*, прояснить которую можно только тогда, когда станет понятной вся *система* — совокупность взаимозависимых единиц. Для Бузормени-Надя индивид является биологической и психологической целостностью, а я добавлю — и психосоциальной, реакции которой детерминированы как индивидуальной психологией, так и *правилами семейной системы*. В семейной системе психические функции одного члена семьи обуславливают психические функции другого ее члена; происходит постоянное взаимное регулирование, а правила функционирования семейной системы бывают как явными, так и неявными, но главным образом неявными. Причем члены семьи не осознают этого.

«В нашей семье так принято» — то есть *основные правила* существуют как бы сами по себе и считается, что они не требуют объяснения.

Семейный миф выявляется через *паттерн*⁶ функционирования: некоторые люди действуют в жизни согласно паттернам, которые я посчитала бы «нездоровыми» (я не знаю как иначе расценивать измену, вендетту, убийство, здоровую или нездоровую защиту «чести семьи»). Такие ритуалы образуют совокупность, некоторую целостность, *гештальт*⁷ отношений, бессознательно структурирован-

⁶ *Паттерн* — структурированная модель, выкройка, чертеж (французские психологи сознательно не переводят этот термин с американского).

⁷ *Гештальт* — восприятие совокупности, целого, контрастной формы на фоне (термин сознательно не переводится с немецкого языка психологами в рамках гештальт-теории).

ный и вовлекающий всех членов семьи. Каждый из этих ритуалов способствует «уравновешиванию семейных счетов», когда позиция или «эксплуататорская установка» может быть, а может и не быть уравновешена «установкой на щедрость». Временами мы эксплуатируем свою семью и свое положение. Ребенок «эксплуатирует» свою семью, потому что приходится его обеспечивать, кормить, давать кров и т.д., и в то же время он дает любовь или нечто иное. Существует *баланс* — равновесие между тем, что получено, и тем, что отдано, в противном же случае появляются симптомы различной степени тяжести.

Моральное наследство столь же значимо, как и наследство профессиональное или экономическое. Винсент де Гольжак говорит даже о «*семейном капитале*».

Каждая семья оценивает и учитывает вклады индивидов на «*семейные счета*». Эта оценка определяет масштаб заслуг, льгот, обязанностей и ответственности, которые учтены и вписаны в историю семьи, реально прожитую и генетическую, которую можно заново открыть.

Личный пример

Рассмотрим мой личный пример. Когда я была студенткой факультета психологии, я была замужем, у нас родился ребенок; как и многие молодые пары, мы испытывали финансовые затруднения. Одна из моих кузин (Аннетт) предложила мне деньги в долг. Я согласилась, не чувствуя себя ни обязанной, ни виноватой. Когда я закончила учебу и начала работать, я отдала эти деньги. Однако мои коллеги по работе не понимали, как моя кузина могла так легко дать в долг деньги и как я смогла без проблем их принять. И задумываясь над этим теперь, я вспомнила, что мой дедушка был старшим из шести детей и стал сиротой в очень юном возрасте. Их приютил дедушка (мой прапрадедушка), и они росли вместе с его детьми от второго брака. Мой дедушка остался без родителей в 14 лет, начал работать очень рано, чтобы помочь растить своих брать-

ев и сестер и дать им высшее образование*. Таким образом, в бессознательном моей семьи он «приобрел заслуги» по отношению к своим братьям и сестрам. Позже, закончив свою учебу в Швейцарии, одна из его сестер открыла лабораторию фармацевтической продукции. На рубеже веков она вышла замуж за химика-фармацевта; они заработали немного денег и осели в Париже. Моя кузина, предложившая мне деньги, происходила именно от этой сестры моего дедушки. В каком-то смысле это было восстановлением равновесия — «одолженное за то, что некогда отдано». Она мне сказала: «Ты мне их вернешь, если сможешь, но если ты хочешь, то можешь и не отдавать; или же отдашь позже, через 5 или 50 лет — это не имеет никакого значения». И с точки зрения «системы семейных счетов», я хорошо понимаю то, что ей казалось нормальным, как, впрочем, и мне, так как мы обе знали, что между ее бабушкой и моим дедушкой были сердечные отношения (то, что Бузормени-Надь называет «установкой на щедрость»). Все потомки братьев и сестер моего дедушки были в долгу по отношению к нему (старшему). Все его очень любили. И когда он состарился, а моя семья в Париже испытывала нужду (после Великой Депрессии 1929 г.), потомки одних и других приглашали нас к себе. Мы жили в Париже, моя двоюродная бабушка (Натали) помогала моему дедушке и моей бабушке, это поддерживало тепло в наших сердцах и согревало наши души. Мы не подписывали никаких бумаг. Никогда не говорили о деньгах. Большую часть наших каникул проводили вместе в местечке Ба-Ре на большой ферме, которая принимала дорогих гостей: их самих, брата и сестру с супругами и нас, двоюродных братьев и сестер — все три поколения.

Семейные связи поддерживались и укреплялись.

* В политехнической школе Цюриха (среди первых женщин, получивших докторскую степень в 1884, 1886, 1888 гг.). *Ebenso neu als Kuhn*, CFCF VERLAG, Zurich, 1988. 120 лет обучения женщин в университете Цюриха.

Долг был отдан, и всем это казалось нормальным. Никогда не было у нас обмена бумагами, долговыми расписками. Когда моя кузина дала мне деньги в долг, она отказалась от долговой расписки. Конечно же, я вернула эти деньги.

Когда, 30 лет спустя, проходя перед ювелирным магазином, я неожиданно для себя купила золотые серьги и подарила ее дочери, я вспомнила, что моя кузина, к тому времени уже погибшая в авиакатастрофе, подарила мне дешевые серьги и дала в долг деньги. Таким образом золотые украшения тоже были символическими.

Семейная «бухгалтерия».

Базовая безопасность. Несправедливость

Существует *неявная семейная бухгалтерия*. Речь идет не только о деньгах. Я хочу сказать не столько о деньгах, которые мой дедушка давал своим братьям и сестрам, сколько о том, что они были *заработанными* — он много работал в молодости, чтобы поддержать семью. А главное — он дал им любовь, привязанность и поддержку, радость, счастье, *базовую безопасность*. Это передается* между потомками моего дедушки и его братьев и сестер. Когда мы собрались в Париже отпраздновать серебряную свадьбу моего дяди и моей тети Натали, нас было четыреста человек. И это еще не конец. Мы являемся теперь «дружной семьей дальних родственников» и продолжаем оказывать друг другу взаимную поддержку. Один из моих кузенов со своей женой продолжают праздновать день рождения своей бабушки (умершей более 50 лет назад) и приглашают всех нас, не вменяя нам в обязанность, в свою очередь, организовывать праздничный стол. Это «семья» и праздник.

В русском языке есть выражение «в тесноте, да не в обиде», означающее способность не раздражаться и не забывать никого.

* Так, в 1999 г. потомки моего дедушки (родившегося в 1824 г.) собрались 23 августа в местечке около озера Аннеси.

Именно это имеет в виду Бузормени-Надь, когда говорит об учете заслуг и долгов. Во всяком случае, так я его понимаю по публикациям.

Но еще существуют *пережитые несправедливости, которые причиняют боль*. Среди факторов, вызывающих рак, я довольно часто встречаю *стресс и обиду*.

Любям не удастся простить пережитую несправедливость. Это связано с «системой учета» в этом сложном «гроссбухе семейных счетов» — того, «что должны вам» и «что вы должны другим» для равновесия счетов, для «подсчета остатка по любому счету».

Мой терапевтический опыт последних 30 лет показывает, что ни географическая удаленность, ни бегство не освобождают индивида от того, что он мог бы назвать своими «долгами» по отношению к своей семье.

Невозможно избежать, говорит Бузормени-Надь, тирании своих обязанностей, убегая от кредитора. Бегство от семейных обязательств может «пропитать» все человеческие отношения индивида чувством невыносимой вины, расплывчатой и беспредметной. Его может парализовать от этого «аморфного и неопределенного экзистенциального чувства вины».

Бузормени-Надь задает вопрос: *«Может ли «объективная реальность» существовать в отношениях?»* Слово «объективная» предполагает отсутствие неверной или неточной информации и искажения фактов в результате эмоционального восприятия. Для него объективность имеет смысл в отношениях между двумя людьми, только если они сопровождаются синхронным осознанием каждым из них своих собственных потребностей и потребностей другого. Оба стараются при этом сделать другого объектом своих собственных желаний и потребностей. В этом заключается очень сложный процесс выстраивания отношений. Мысль автора сложна, но может быть прояснена ссылкой на Дж.Л. Морено и Карла Роджерса, их желанием «увидеть себя глазами другого».

«Тем не менее, — говорит Бузормени-Надь, — нельзя забывать, что потребности индивида включают в себя в *сконденсированном виде* неоплаченные «счета» по отношению к его изначальной семье, помимо реактивации своих собственных психических процессов детства».

Именно здесь видно, как показал Ален Мижолла⁹, до какой степени семейные проблемы, например, поэта Артура Рембо, мешали ему жить: ему не удавалось их решить и он обратился в бегство. Одной из его проблем был уход отца, военного, когда мальчику было 6 лет. Но если обратиться к предшествующим поколениям, то наблюдается тот же факт: на сто лет раньше его прадедушка оставил своего сына в 6 лет, и мужчины по отцовской линии продолжали оставлять сыновей в том же возрасте, уезжая или умирая: это были «неоплаченные счета изначальной семьи». Именно эту реактивацию в одном и том же возрасте Джозефина Хилгард называет *синдромом годовщины* или «двойной годовщиной» (если явление повторяется с каждым из детей) — термин, который я обнаружила в своей практике и развила в 1980-х гг. применительно к области, относящейся к здоровью и телу.

Чтобы лучше понять личность или индивида, начинают определять размах его потребностей, обязанностей, обязательств и *основанных на ответственности установок* в поле семейных отношений на нескольких поколениях.

Трансгенерационная терапия или геносоциограмма (Бузормени-Надь не рисует генограмм) позволяет привнести в этот процесс инструмент и помощь, помогающие индивиду набраться «мужества противостоять обязанностям и чувству вины перед неоплаченными эмоциональными долгами». Согласно Бузормени-Надю, всякая семья еще до рождения ребенка или детей обладает основообразующим фундаментом из солидарной ответственности и внутренне присущей ей первичной лояльности.

⁹ Les Visiteurs du moi, Paris, Belles-Lettres, 1986.

Когда люди непрерывно повторяют одну и ту же установку, не меняются сами и при этом имеют фиксированные роли, это означает, что «устойчивость ролей обслуживает потребности сети семейных обязанностей», — утверждает Бузормени-Надь.

В семейной системе с фиксированными и взаимозависимыми ролями сведение счетов блокировано и, следовательно, носит повторяющийся характер или же постоянно переносится на более поздний срок: в результате невроз или другие симптомы остаются надолго. Каждый индивид, собираясь улучшить свою жизнь и решить проблемы, не может этого сделать до тех пор, пока у него не будет уверенности в справедливом порядке и лояльных межличностных отношениях или в изменении в перспективе *комплементарных*¹⁰ ролей: помогающий — тот, кому помогают, заботящийся — тот, о ком заботятся, как это было в семье вечно прихварывающего и очень любимого Чарльза Дарвина.

Несправедливость

Я хочу внести уточнение в то, что мы констатировали в случаях тяжелых болезней и, в частности, рака, а именно выяснить, какова роль того, что называют *обидой*.

Обида

Многие люди, многие больные часто думают о доставленных им неприятностях. Они бесконечно пережевывают

¹⁰ Например, те, кто заботится, и те, о ком заботятся: первые никогда не болеют, а вторые всегда больные (либо отрицающие, либо отрицаемые, согласно школе Лакана). См. текст внучки Чарльза Дарвина Гвин Реверат Дарвин, вспоминающей свое викторианское детство и любовь, и удовольствие заботиться об одних и получать заботу от других: «Неприятным было то, что в доме моих дедушки и бабушки было честью и печальным удовольствием болеть [...] отчасти потому, что мой дедушка был всегда болен и дети, обожая его, имели тенденцию его имитировать [...] и получать заботу от моей бабушки, и это было так приятно — чувствовать себя окруженным заботой и сочувствием». (Reverat Gwen, *Period Piece, a Cambridge Childhood*, 1952, rééd. 1987, London & Boston, Faber & Faber, 122.). Или помогающие и те, кому помогают, как, например, Марфа и Мария из Писания.

ют эти несправедливости. Они в обиде на того, кто с ними плохо поступил: чего-то недодал, был несправедливым, не дал повышения, ограбил, не приветил, не признал. Это «разъедает» и деформирует личность, подтачивает ее изнутри.

Обида связана с понятием, как мне кажется, близким к тому, что Бузормени-Надь называл *пережитой несправедливостью*, о чем дети говорят: «Это нечестно».

С людьми часто поступают несправедливо: это может происходить в семье, в супружеских отношениях, на службе, а иногда и в национальных отношениях (войны, массовые убийства, притеснения, геноцид). Люди хранят обиду¹¹, которая живет в них и делает свое дело, подкашивая здоровье вплоть до появления рака, а иногда и смертельного исхода.

Несправедливость судьбы

Чувство несправедливости, как правило, является сложным. Несправедливость-неравенство переживается по отношению к судьбе, если речь идет о здоровье, физической выносливости, жизни и смерти («это несправедливо» быть неполноценным, часто болеть, никогда не болеть, умереть молодым; быть сиротой...), а также об *экономической несправедливости*.

Чувство *несправедливости судьбы* часто сопровождается чувством *вины* у *выжившего* товарища, который возвратился из концлагеря или с войны, в то время как все его друзья погибли; у брата, который не утонул, или у сестры, которая выжила во время эпидемии ужасного «испанского гриппа» (20 миллионов умерших с июля 1918 г. по июль 1920 г.) или *чувством вины богача*.

¹¹ Для более углубленного знакомства с понятием «обида» можно прочитать: Simonton, Simonton & Creighton (1978), Guérir envers et contre tout, Paris: EPI, 1982, et Anne Ancelin Schutzenberger, Vouloir guérir, Toulouse, Erès; Paris La Méridienne, 1985; Epi/La Méridienne, 1993; D.D.V., 1996. См. также «справедливость», «давать и получать» и счета семейные Ивана Бузормени-Надя (см. Хайреман).

Трансгенерационный страх. Травматизм «ветра пушечных ядер»

Хирурги* императора Наполеона во время ужасного отступления из России (1812) отмечали травматический шок у солдат, которые, едва разминувшись со смертью, чувствовали дуновение *ветра от пушечного ядра*, убившего или искалечившего находящегося рядом друга или собрата по оружию. Одни в такой ситуации теряли память (как полковник Шабер). Другие пугались и холодели до глубины души. Оказалось, что волна шока, задевшая их самих, передалась и некоторым их потомкам** — иногда в определенные периоды жизни они холодеют до костей или испытывают недомогания, тревогу, спазмы в горле, кошмары (происходит своего рода эффект «зоот», «наложение» друг на друга поколений и временных эпох, «*time collapse*»).

«Это несправедливо...» Пережитая несправедливость, «настоящая справедливость»

«Это несправедливо» — так звучит не только крик души детей, но и тех, кто стал жертвой несчастья (неудачи в жизни, болезни, несчастного случая, злокачественного образования, запутывания в пуповине при родах, землетрясения, пожара, бури, прорыва плотины, загрязнения пляжа, вандализма на спортивном матче, глупой праздничной импровизации, изнасилования или сексуального домогательства, взрывного устройства террористов или искателей справедливости, неточности при стрельбе, судебной ошиб-

* Деженетт Ларрей Перси в цит. Луи Крока (1999) по поводу «синдрома ветра пушечного ядра», обозначающего острое состояние стопорящего оцепенения, вызванные исключительно испугом.

** С некоторых пор (главным образом с 1992 — 1994 гг.) наблюдаются поднимающиеся из глубин памяти контрудары, обусловленные патологическим или не совершённым потомками трауром по мертвым, непогребенным или бесследно исчезнувшим, но давно ожидаемым (см. приложение с. 187).

ки, затяжной забастовки...). На это мы списываем все непростительные (кем?) невзгоды и безвозвратные потери.

Клинический опыт свидетельствует о драматических последствиях для жертв и их потомков, поэтому полицейские Новой Зеландии и Австралии начали распространять в западные страны (в Северную Америку и Скандинавию) обычай Маори, называемый подлинной справедливостью (Real justice). Эта практика вытекает из констатации того факта, что и полиция, и правосудие ищут виновных и иногда их наказывают, но ничего не предпринимается для того, чтобы помочь жертве справиться с уроном, потерянными годами, страданиями, чувством несправедливости, более невыносимым, чем финансовый ущерб.

Пассивная агрессивность

Однако чувство несправедливости может также вызывать специфические формы поведения «несчастной жертвы», выражающиеся в *пассивной агрессивности*, которая может быть очень эффективной как в семье, так и в сфере политики. В качестве примера можно упомянуть стонущую мать: «Пойди в кино, мой дорогой, не утруждай себя заменой лампочки в плафоне — я побуду и в темноте», а также голодные забастовки, победное непротивление злу насилием Ганди.

ПСИХОСОМАТИКА/СОМАТОПСИХИКА

«Body mind connection»

Отношения между состоянием разума и телом были известны с давних времен, а затем забыты научной медициной. Но сейчас возобновляются их уяснение и углубление.

О психосоматике — некоторых аспектах плохого самочувствия или болезни — начали говорить около сорока лет назад под влиянием психоанализа. Дальнейшее развитие эти исследования получили в 1975 — 1980 гг.

В США проводится все больше и больше исследований, посвященных связи между психикой и телом («body mind connection») в рамках *психонейроиммунологии* — новой *междисциплинарной* науки, появившейся в 1980 г.

Исследования в области психонейроиммунологии основываются на открытии многочисленных (более сотни) новых нейрорецепторов, их влияния на лейкоциты и иммунную систему. Само функционирование иммунной системы доказывает, что состояние души людей, которые могут быть веселыми или печальными, испытывать чувство вины или обиды, возможно, оказывает влияние на число клеток Т и на иммунную систему. Материалы первых исследований были собраны в коллективной книге, выпущенной Робертом Адером в 1981 г.¹, а наиболее свежие по инициативе Нормана Кузена обсуждались на международной конференции по психонейроиммунологии в Тутцинге (июнь 1990 г., Германия), в которой я принимала участие, организованной немецким Обществом канцерологии.

¹ Psychoneuroimmunology, New York, Academic Press, 1981, 2e éd. complétée, 1991.

**Трансгенерационные связи.
«Бухгалтерия долгов и заслуг».
Пережитая несправедливость**

Исходя из своей практики в области трансгенерационных явлений, я пришла к заключению, что введенные Бузормени-Надем понятия *невидимой лояльности* и *справедливости, учета долгов и заслуг* позволяют по-новому взглянуть на позиции психиатрии, психотерапии, психоанализа, холистической медицины, интегративной медицины, психосоматики. Если человек становится действительно взрослым, если его личность приобретает некоторую свободу, то он становится свободным и в своем поведении, а это предполагает подвижность ролей и обязанностей в межличностных отношениях. Поэтому структуры семьи не остаются неизменными: *оплачивая старые счета, мы обнаруживаем то, что должно считаться справедливостью в системе этой семьи*, ибо каждый ее член вписывается в новое равновесие кредита и долга. Все психологические события в области отношений структурированы двойной мотивацией: «явной поведенческой структурой» и «скрытой обязывающей структурой». Следовательно, отношения должны быть представлены как бы связанными с двумя системами учета — системой явных мотиваций, детерминированных властью, и системой иерархии обязанностей.

Рассмотрим случай 17-летней девушки, которая влюблена, встречается с молодым человеком и намеревается выйти за него замуж. Должна ли она и свободна ли она выйти замуж, иметь детей и отдать своим детям то, что получила от своих родителей, или же, например, должна в случае смерти своей старшей сестры, у которой остались дети, выйти замуж за вдовца и растить оставшихся без матери детей сестры, потому что они с сестрой были сиротами и она многим обязана своей умершей сестре (потому что «у нас всегда так делается»)?

Таким образом, существуют различные системы учета, зависящие от культуры и от семьи. Какой же из них мы от-

дадим предпочтение? В жизни часто приходится наблюдать, как вновь избранная «жертва», или «козел отпущения», или больной (больной по воле других и/или человек, который сам выбирает болезнь) приходят на смену ушедшим, чтобы решать проблему семьи.

Терапевтическое усилие по отношению к семье, индивиду или организму будет заключаться в *восстановлении справедливости и устранении ущерба, понесенного «козлом отпущения»* (или «жертвой»), но этого недостаточно, потому что «экс-козел» отпущения снова окажется зажатым силами системы или системой семьи, которая и увековечила статус «козла отпущения». С точки зрения Бузормени-Надя, в терапевтическую стратегию следовало бы включить степень виновности, связанной с властью, то есть использовать чувство вины тех, кто воспользовался ситуацией (несправедливо).

Пережитая в семьях несправедливость часто является следствием банального факта: один из членов семьи получил в наследство огромный дом, завод, драгоценности, столовое серебро, семейные портреты, красивый ковер, «буфет тети Адель» или что-нибудь *значимое в ущерб другим*. И тогда как получивший, так и пострадавший, вспоминают об этом и напоминают своим детям, часто в нескольких поколениях².

Нельзя вторгаться в семью без знания того, что является «собственно лояльностью в этой семье». «Понятие ткани лояльности предполагает существование как *структуры ожидания*, которой придерживаются все члены системы, так и референтной рамки — доверия, заслуг, обязательств

² С точки зрения отдельных требований ислам возвращается почти на тысячу лет назад, аж к эпохе Крестовых походов, Армения — к 1915 г., сербы и хорваты в Югославии — к сражению на Косовом поле (28 июня 1389 г.) и у Сараева (28 июня 1914 г.), к зверствам пронемецких усташей против сербов, когда они провозглашали независимость Хорватии в 1941 г., и к напряженностям турецкой оккупации. Спустя 70 лет народы СССР разделяются на Россию, Эстонию, Украину, и т.д., и борьба между этносами — «межплеменная» борьба, согласно Алену Минку, — борьба культур, религий возобновляется с «изошренным травматизмом» (согласно В. Волкан).

и действия», — считает Бузормени-Надь, а уже потом включаются такие психологические функции, как способность чувствовать и знать.

Старшая дочь часто испытывает чувство несправедливости по отношению к своему младшему брату, которого в семье рассматривают как старшего, так как он является старшим сыном.

Лояльность по отношению к семье шире простого понятия поведения, уважающего законы, порядок и семейные традиции. Если воспользоваться термином Морено, речь идет о «ролевом ожидании».

Индивид находится под влиянием предписывающих указаний одновременно со стороны *внешних ожиданий* и *интериоризированных обязанностей*, которые могут совпадать или отличаться. Важно напомнить, что Бузормени-Надь является психоаналитиком, и соотносить эти понятия с Фрейдом (и с функцией *Супер-Эго*).

В каком-то смысле *обязанности* — это *Супер-Эго* в нас, а если воспользоваться терминологией Эрика Берна³, то это *Родитель* (отец или мать) в нас.

Но все мы не располагаем столь видимым и столь ясным чувством долга:

«Составляющая морального обязательства (лояльности) связана прежде всего с пробуждением чувства долга, справедливости и праведности у верных членов семьи. Невыполнение своих обязательств — это путь к чувству вины, которое составляет вторичные системные силы регулирования. Гомеостаз системы зависит, таким образом, от регулирующего входного воздействия в виде вины» (Бузормени-Надь).

Можно было бы сопоставить этот «раздрай» и двойное предписание из теории *когнитивного диссонанса* Леона

³ Создатель транзактного анализа, базовыми понятиями которого являются три эгосостояния (Ребенок, Взрослый, Родитель), транзакции, «игры» и «сценарии» (*Des Jeux et des hommes*, Paris, Stock, 1966).

Фестингера⁴: когда вещи диссонируют или рассогласовываются друг с другом, возникает потребность сделать их созвучными, исходя из стремления к внутренней гармонии. Эта потребность индивидуальна. Реализуется она путем бессознательного ухода от сообщений, восприятий и чувств, связанных с одним из элементов, чтобы благоприятствовать тому, что связано с другим в рамках принятого решения, дабы не стоять перед драматическим выбором и «сокращать диссонанс».

Некоторые люди более или менее терпимы к диссонансу. Иные лукавят и лгут окружающим (или себе) легче, чем другие, и их не беспокоит, когда правая рука не знает, что делает левая. Есть люди *искренние, но им не все ясно* в отношении самих себя и своих чувств; другие же люди лукавят и лгут, даже не осознавая этого, то есть сокращают диссонанс, сокращая восприятие. Или же они в такой степени терпимы к диссонансу, что не отдают себе отчета в том, что их поступки не согласованы или несовместимы. Некоторые терапевты даже говорят о «ложном Я», неосознании себя (своей глубинной сути).

Разные члены семьи имеют переменные величины порогов чувства вины — и терпимости к диссонансу.

Система лояльности регулируется не только исключительно виной. Согласно Бузормени-Надю, структурирование лояльности определяется историей семейной группы, ее внутренней справедливостью, семейными мифами, диапазоном обязательств каждого индивида и уровнем его заслуг в системе.

Известно, что иногда *выигрывающие* и *проигрывающие* по-разному видят заслуги и долги по отношению к своей собственной системе.

Как можно направлять или «использовать» лояльность по отношению к семье? Члены группы могут действовать через внешнее принуждение, через признание интереса быть членом данной семейной группы, через сознательно

⁴ A Theory of Cognitive Dissonance, New York, Evanston, Row, Peterson, 1957.

признанные чувства и обязательства, а также через неосознанную обязанность принадлежать этой семейной группе. Внешнее принуждение может быть заметным для наблюдателя, социолога, терапевта, а осознанные обязательства могут сообщаться членами группы друг другу. Однако о бессознательных обязательствах группы можно говорить только на уровне логических выводов, исходя из сложных косвенных показателей и, главным образом, только после длительного анализа взаимоотношений в семье на определенном временном отрезке.

В итоге лояльность в семье будет зависеть от позиции каждого индивида по отношению к понятию справедливости среди своих, что, в свою очередь, составляет часть семейных «счетов», включая и заслуги.

Чтобы понять функции группы, важно знать, *кто, с кем и каким образом связан лояльностью*, а также то, какой смысл каждый придает лояльности. Этот смысл у разных членов группы может быть различным.

Каждый ведет субъективный учет того, что он дал и получил в прошлом и в настоящем, и того, что он даст и получит в будущем:

«То, что было инвестировано в систему свободным личным участием, и то, что было получено в виде поддержки, отказов или эксплуататорского использования других, остается записанным на невидимых счетах обязанностей и заслуг» (Бузормени-Надь).

Это говорит о том, что иногда очень трудно выявить, кто и сколько получает и отдает в семье. Речь идет об отношениях между родителями и детьми, братьями и сестрами, двоюродными братьями и сестрами, бабушками и дедушками и другими родственниками, то есть о расширенной семье.

Некоторые долги являются слишком тяжелыми (такие как вендетта, потерянная честь, воспоминания о геноциде и массовых убийствах).

Клодин Вег (1979) описывает случай с молодым человеком по имени Робер из семьи депортированных. Его спасение на одной из ферм в Дордони во время войны, впоследствии дочь Робера вновь взвалит на себя тяготы судьбы, уехав в Израиль. В этом смысле пример показателен (см. с. 67, раздел «Дети депортированных»).

«Зубастые подарки»

Многие *отцы* или *авторитарные матери* удерживают при себе сыновей или дочерей, говоря: «Я столько жертвовал(а) собой ради тебя, поэтому ты у меня в долгу». К сожалению, некоторые молодые люди включаются в эту игру и не «обособляются» от семьи (согласно выражению Мюррея Боуэна), не устанавливают дистанцию между собой и своей семьей. Они не становятся взрослыми, потому что чувствуют себя связанными обязанностями, которые в действительности близки тому, что в Африке называют *подарком с зубами*.

Подобные «подарки» могут быть предметами ритуальных обменов, такими как *потлак* (*potlach*). Есть люди, которые делают подарки другим или устраивают пиры в надежде на взаимность. Подарок делается «просто так», но из вежливости мы должны ответить тем же⁵. И то, что было бесплатным действием, велением сердца, становится обязанностью.

Вот несколько примеров. Если люди приглашают вас обедать, то, как правило, вы их также затем приглашаете отобедать — такова негласная социальная условность. Значит, если вы не хотите или не можете принять этих людей (нет квартиры, например, или не позволяет социальный статус:

⁵ Отметим варианты подарка с зубами в виде подарка и ответного подарка, а также так называемого *potlach* — обычая делать ответные подарки, праздники и банкеты в некоторых регионах. Он заключается в том, что на большой банкет, большое празднество необходимо обязательно ответить другим большим банкетом. В отдельных регионах Меланезии это ведет к полному обнищанию населения, потому что, если изначально кто-то выставил, скажем, пять быков и тридцать коз для первой трапезы, то другой выставляет уже, скажем, десять быков и шестьдесят коз и т.д., а после этого есть становится больше нечего. Благодаря этому обычаю богатства региона тают.

вы студент, художник или приезжий), то у вас есть несколько вариантов выбора. Или вы не идете на обед, или идете, но приносите подарок, стоимость которого соответствует угощению, или приносите символический подарок — букет цветов или коробку шоколада. Таким образом вы *освобождаете себя от этого обязательства*. Но если вы освобождаетесь слишком быстро и слишком просто, то в глазах представителей некоторых этнических групп становитесь «неблагодарной свиньей». Если вы любезно пригласите кого-то ради собственного удовольствия или чтобы ему(ей) оказать услугу и этот человек приходит к вам с дорогим подарком, который вам не нравится или просто не нужен, то вы, скорее всего, будете испытывать затруднение, потому что это сводит на нет ваш добрый жест, или потому что гость превзошел свои финансовые возможности или норму.

Существуют социальные или семейные системы, результатом деятельности которых является удержание людей в зависимости путем «оплаты» таких подарков (например, образования), от которых они могут освободиться только посредством «вечной» признательности за оказанные услуги.

Иногда между родителями и детьми из-за этого складывается драматическая ситуация. Например, сын бедной вдовы, которая всю жизнь выкладывалась, чтобы поставить его на ноги и оплачивать его учебу, чувствует себя обязанным всегда оставаться рядом со своей матерью и не осмеливается ни жениться, ни даже гулять с друзьями своего возраста, пока она жива. И так всю свою жизнь. Либо он ставит крест на себе и жертвует своей жизнью, либо устраивает ее позднее, после кончины матери.

Таким образом, «семейная бухгалтерия» имеет разные формы. Это может быть манипулятивное использование подарков, что иногда наблюдается у родителей молодых, даже очень молодых спортсменов, или виртуозов («вундеркиндов»), или призеров конкурсов красоты.

Возьмем, к примеру, ситуацию, которая наблюдается у матерей шизофреников и у авторитарных матерей. Верно, они вырастили своих детей ценой огромных усилий, но ник-

то не просил их жертвовать собой так, как они жертвовали. По сути, требование возвращать родителям то, что они дали, является как бы навязанной парентификацией (то есть превращением детей в родителей своих родителей). В то время как необходимо одновременно и окружить своих родителей любовью, и самому, в свою очередь, становиться родителем, продолжая выстраивать цепочку: быть ребенком, возвращающим свои долги и «отдающим» своим собственным детям, а не своей матери или отцу, непосредственно то, что было дано ему (ей).

По этому поводу Франсуаза Дольто в работе «Дело детей» (1985) пишет:

«Каждый ребенок вынужден выносить обстановку, в которой он растет, а также нести груз патогенных последствий, доставшихся в наследство от патологического прошлого своей матери и своего отца».

«Он является носителем этого долга, полученного еще в свой пренатальный период симбиоза, а затем и постнатальных зависимостей [долгов], которые его структурировали».

Аналитическая терапия психотических лиц показывает, что они бессознательно выражают то, что происходило в жизни их матери, а потом уже выражают то, что произошло в их собственной жизни:

«Аналитическая работа должна проводиться с упреждением, чтобы долг, с которым удалось расквитаться родителям, но который оставил в них след, не стал грузом для их ребенка. [...] И если это сделал не родитель, то это будет его ребенок, его правнук, но отданный долг должен найти выражение по родственной линии, потому что это символическое испытание» (1985, р. 421).

Понятие *долга лояльности* тесно связано с понятием «де-легирование», разработанным Х. Страйерлин.

Система учета в семьях очень сложна. Это не просто схема «дающий — дающий». Часто в социальных и профессиональных отношениях возникает чувство горечи — чувство, что тебя используют. Иногда это чувство возникает, когда отсутствует определенная взаимность.

В нашу задачу не входит рассмотрение проблемы инцеста⁶, хотя он часто встречается между отцом и дочерью, дедушкой и внучкой, дядей и племянницей, иногда между братом и сестрой и реже — между матерью и сыном (в психиатрической клинике мы сталкивались с такими ситуациями, наиболее серьезными, разрушающими личность). Инцест — очень часто повторяющееся явление в семьях. Некоторые подарки иногда в такой степени обязывают или настолько неприятны, что Жак Лакан был вынужден говорить о *священном долге неблагодарности*.

Имеется в виду не то, что следует «возвращать» именно тем людям, которые вам дали что-то. Иногда надо отдавать другим: кто-то был «любезным» по отношению к вам, вы «любезны» по отношению к другим, менее сильным или более обделенным, и вы «возвращаете» то доброе, что вам сделали, но не обязательно тем же людям.

Эту систему обмена подарками трудно выявить, часто она является полностью бессознательной и не воспринимается на сознательном уровне. Иногда она основана на желании, манипулятивна, но... это уже другая история.

«Гроссбух» святого Николая

Напомним, что в Нидерландах на *праздник святого Николая* (6 декабря) святой традиционно «прибывает за три недели с толпой маленьких негров» (мавров) и Черным Петером (Black Peter). Черный Петер держит *гроссбух святого Николая*, в котором все записано, а накануне делается

⁶ Один из режиссеров фильма «Дракула» Френсис Форд Коппола заявил в 1992 г., что вампир для него является символизацией тревоги детей, подвергшихся инцесту, способом говорить о ночных страхах, о посещениях или о контактах во время сна — этого смешения удовольствия, отвращения и чего-то смертельного, что уничтожает жизнь.

проверка, были ли дети послушными или нет, чтобы наказывать их или вознаграждать. В течение этих трех недель дети кладут в камин деревянный башмак с соломой и морковкой, а иногда с сахаром и водой для лошади. И вот неожиданность: однажды утром, в основном во время уик-энда, они обнаруживают маленькие подарки, а часто и традиционный пряник. Святой Николай «все слышит» с крыши, и часто это свершаемое правосудие немного пугает детей.

На востоке Франции еще несколько лет назад дети, стоя на коленях на лестничных ступеньках, ожидали прихода злого мужика с розгами и святого Николая, чтобы всем было воздано по справедливости — послушание вознаграждено, дурные поступки наказаны. Иногда это не проходит безболезненно (еще совсем недавно [в 1991 г.] я занималась травмами на день святого Николая — болезнями, возникающими с детского возраста, которые обострялись без видимых причин и именно в канун 6 декабря).

Месяц декабрь специфичен и часто бывает отмечен чем-то необычным, и всегда — высоким травматизмом. Именно на этот месяц приходится праздник святого Николая* (иногда он празднуется с большим размахом, чем Рождество), само Рождество, а следовательно, и праздничный ужин — это период дружеского общения или одиночества. Этот период зимнего солнцестояния близок к периоду христианского поста (и дети в календаре открывают один листок за другим), еврейскому празднику Ханука, празднику Санта Люсия (13 декабря⁷) в скандинавских странах, воспроизводящих (продолжающих) языческие «праздники света».

* На каторге в Гвиане в течение ряда лет существовал своего рода «отец-лиходей», который «набавлял сроки» и приговаривал к гильотине по списку, датированному 6 декабря... И вот 50, а то и 80 лет спустя, в день проведения казни возникают непредвиденные последствия для детей, которые наносят себе кровавую рану.

⁷ Напомним, что относительно недавнее усовершенствование юлианского календаря, учитывающего лунные фазы, передвинуло 13 декабря на 25 декабря (Рождество), но праздник света остался 13 декабря. Напомним также, что наш современный западный календарь происходит от римского календаря, реформированного в 46 г. Юлием Цезарем (юлианский календарь), затем в 1582 г. Грегуаром XIII (грегорианский календарь), с наверстыванием 10 дней, чтобы избежать «астрономического сдвига» в 10 дней, а в XIX

Возвращаясь к «гроссбуху семейных счетов», описанному Иваном Бузормени-Надем, отметим, что члены семьи должны проявлять лояльность символическим принципам и дефинициям семейной группы.

Эта лояльность приводит иногда к «хитросплетениям» и неразрешимым или трудно решаемым проблемам в браках — главным образом между лицами различного происхождения.

Когда люди состоят в браке, они имеют обязанности (отличающиеся от лояльностей) по отношению к своей *родительской семье*, а также по отношению к *родительской семье супруга*.

Мы все приходим из «смешанных пар»

Имея дело с попытками интеграции в виде *межрасовых* («браки-домино») или межрелигиозных браков, а также браков типа «эмиграция-иммиграция», мы попадаем в сложную систему, в которой представители второго и, главным образом, третьего поколения часто не знают, в чем состоит их лояльность по отношению к семье, как им вести себя, где их место и какова их идентичность.

Это заметно, в частности, во Франции в семьях, состоящих из трех поколений выходцев из мусульманского Востока, с их сдержанными родителями, испытывающими ностальгию, и максимально «офранцузенными» детьми и их детьми, возвращающимися к своим (изначальным) корням и требующими признания их права на различие.

Если вы принадлежите к межрелигиозной, межрасовой, межэтнической, межкультурной семье или вышли из нее, то на чем основывается ваша лояльность? На первоначаль-

веке — уже в 12 дней: прежняя дата 13 декабря соответствовала бы, таким образом, 25 декабря сегодняшнего календаря. Это «наверстывание» произошло в XX веке в Европе в фиксированные даты, которые могли отличаться в зависимости от страны. Например, СССР ввел этот новый календарь в 1917 г. Скандинавские страны сохранили праздник Санта Люсия (первоначально — праздник света) 13 декабря; примерно в это же время присуждаются Нобелевские премии (10 декабря).

ной культуре? На культуре принимающей страны или региона? А родной язык? А религия: прежняя? Интегринтская? Модернизованная? На западный лад? А кухня? А одежда?

Проблема становится не менее сложной и для мигранта внутри страны — скажем для баска, бретонца.

А что сказать о социально-экономических различиях (социальных классах с разными привычками)? Винсент де Гольжак даже констатировал, что попытка «выйти за черту» или подняться по социальной лестнице может привести к провалу (*классовому неврозу*).

В любом случае проблема существует всегда или почти всегда.

У всех нас есть материнские и отцовские линии родства. *Мы все приходим из «смешанных пар»*. Редко бывает так, чтобы наши родители были двоюродными родственниками, происходящими также от двоюродных родственников. Таким образом, у всех нас по отцовской и материнской линиям имеются отличающиеся семейные истории, семейные обязанности, семейные мифы, образы жизни или кулинарные пристрастия. Ситуация усложняется, когда существуют различия религиозные, национальные, культурные, политические, этнические и расовые или даже кулинарные. «У нас» принято пить чай или кофе, пиво или вино; жарить на сливочном или подсолнечном масле; принимать гостей у себя дома или в кафе и т.д.

Члены семьи должны, таким образом, быть лояльными принципам и *символическим дефинициям* изначальной группы.

Индивид и семья

Используя в своей практической работе с больными некоторые концептуальные инструменты Бузормени-Надя, я пришла к выводу, что потенциал изменения, связанный с внутрисемейными отношениями, является куда более детерминирующим, чем потенциал индивидуального излече-

ния. Он куда более детерминирующий, чем все то, что могло бы происходить в диадическом отношении, в индивидуальной психотерапии: в отношениях врач — больной, психиатр — больной, психоаналитик — клиент. Чтобы изменить поведение или состояние здоровья больного, необходимо определить *его верования* и целенаправленно мобилизовать связи, соединяющие его с сетью семейных отношений в целом (верованиями). Так поступают, если хотят запустить процесс изменения в семье.

Франсуа Тоскель⁸ — французский психиатр испанского происхождения, который когда-то руководил психиатрическим госпиталем Сент-Альбан в Лозере и медико-педагогическим институтом, установил, что, когда он вылечивал психотического ребенка и возвращал его в семью, то через шесть месяцев или через год семья направляла к нему на лечение другого заболевшего ребенка.

Если мы лечим индивида, не обращаясь к семье в целом, если мы не поняли, что существуют трансгенерационные повторения, значит, мы ничего значимого не сделали в терапии. В лучшем случае мы можем получить только временное облегчение. Такое видение ситуации ставит под сомнение все достижения психотерапии: классической и новой, включая самые известные, самые серьезные, самые уважаемые подходы и даже, если хотите, индивидуальный психоанализ.

Отмечается, что для того, чтобы люди изменились по-настоящему и на длительный период, необходимо, чтобы их семейная, социальная и профессиональная система позволила измениться, чтобы изменились *верования*.

На развитие человека, на его здоровье, на его болезнь и ее повторение большое влияние оказывает наше видение семьи, общества и семейного равновесия.

⁸ См.: Oury Jean, Guattari Felix, Vigneux Maurice, Pratique de l'institutionnel et politique, 1985, è «Le vecu de la fin du monde dans la folie», Ass. rech. ens. form. prat. psy. [et Francois Tosquelle, собственное выступление, 1968.]

Синхронная карта семейных событий

Чтобы видеть и понимать то, что происходит с клиентом, необходимо составить *синхронную карту семейных событий*, т.е. видеть то, что происходит в одно и то же время у разных членов семьи, а не только у одного индивида. Видеть его синхронно, здесь и сейчас, и в то же время видеть, каким он был прежде и в другом месте, в истории и семье, т.е. провести синхронное и диахроническое наблюдение *нескольких поколений*.

Самый простой способ — построить генеалогическое древо, дополненное важными фактами и значимыми связями, — *генограмму* или *геносоциограмму*.

Например, дети, которые были покинуты родителями или переданы на усыновление, хотели бы как-то возместить урон, который был им нанесен, так как они понесли эмоциональные потери, пережили отвержение, «отказ».

Проблема усыновления и/или отказа еще более осложняется жизненным опытом принимающей, или адаптирующей семьи. Суле и Вердье уточняют:

«Патогенная непроговариваемость пагубна не столько тем, что поддерживает в ребенке различного рода неосведомленности, сколько тем, что сквозь нее проходит непреодолимая тревога родителей о том, что они скрывают»⁹.

Возьмем классический случай. Речь идет о девятнадцатилетнем молодом человеке с отклоняющимся поведением. Он допустил мелкие нарушения, и поэтому потребовалась психиатрическая экспертиза. Когда мы обратились к истории этого мальчика, то обнаружили, что через несколько месяцев после рождения он был оставлен своей матерью. Он прошел через целый ряд детских домов и стал (во всяком случае, его считают) эпилептиком. Его помещают в спецучреждение для эпилептиков, и он испытывает чувство горечи

⁹ См.: Soulé Michel et Verdier Pierre, *Le Secret sur les origines*, Paris, ESF, 1986, p. 64, è Lani Martine, *A la recherche de la génération perdue*, Marseille, Hommes et perspectives, 1990.

по отношению к своим неизвестным родителям. Помимо всего прочего, этот ребенок происходит из неполной семьи, так как отец скрылся за границей сразу после его рождения.

Молодому человеку совершенно случайно удается найти свою мать, и он начинает испытывать сильное смятение, не зная, как реагировать. Ему хочется продемонстрировать агрессивность, но каждый раз, когда он проявляет агрессию по отношению к своей матери, полиция призывает его к порядку. Терапевт просит его сделать усилие, чтобы понять то, что произошло с его матерью, и спросить ее об этом. Из чувства дружбы, или уважения, или позитивного переноса по отношению к психиатру он направляется на встречу со своей матерью, чтобы узнать, что произошло и почему она его бросила.

Он узнает, что его мать была очень молода и не замужем, что его отец был мимолетной встречей, он покинул ее, и она должна была работать. Сын ее страдал эпилепсией и тяжелой болезнью почек, и она была вынуждена поместить его в госпиталь. Так как все это происходило в США, где пребывание в госпитале стоило очень дорого и она не могла его оплачивать, мать была вынуждена покинуть сына для спасения его жизни, чтобы его взяли на содержание другие люди и таким образом он смог получить необходимую заботу. Социальные службы вмешались, обнаружив, что эта молодая девушка не могла заботиться о тяжело больном ребенке. Узнав это, молодой человек был потрясен. Когда он снова встретился с психотерапевтом, то сказал: «Моя мать меня покинула, но это было единственным средством выжить нам обоим, и особенно мне. Я на нее больше не сержусь, сейчас она сможет дать мне то, в чем была вынуждена отказать раньше».

И, начиная с этого момента, его поведение изменяется. Он перестает быть агрессивным и требовательным. Он понял, что его оставили не из дурных побуждений, а *для его же блага, как сказал бы хороший аналитик.*

*Понимание контекста трансформировало смысл и за-
лечило рану.*

Контекстуальный и интегративный подход

В терапии важно понимать, на каком уровне можно вмешиваться и на каком уровне происходят обмены¹⁰. Необходим *контекст в целом*, чтобы реально увидеть связи.

Мне кажется, что анализ в рамках каждой из школ является одновременно значимым, полезным и перспективным, но для того, чтобы *работа в целом* была эффективной, необходима целостная картина семьи: сведения о расширенной семье (дядях и тетях, двоюродных братьях и сестрах и т.д.) и о нескольких ее поколениях, знание *родства и происхождения*, т.е. необходимо совершить работу *полиреферентного* плана. Строго *системный* подход иногда является немного редуccionистским и недостаточным, так же как и *индивидуальный* или *психоаналитический* подход. Желательно было бы дополнить их *контекстуальным* подходом (таким как, например, подход Бузормени-Надя, как, впрочем, и подход Гоффмана), который включает два предыдущих и учитывает всех: как присутствующих, так и отсутствующих членов семьи. Здесь мы имеем дело с понятием *многосторонности*, т.е. принятием во внимание *боковых и вертикальных* отношений, которые имеют место *в одно и то же время*.

В рамках этого подхода мы вновь обращаемся к идеям Морено относительно ролей, комплементарных ролей, *ролевых ожиданий*, *дремлющих и реактивированных ролей*, а также *социального атома*. Таким образом мы выходим на антропологический подход, настаивающий на витальной значимости семейных правил и декодировании этих правил — чаще скрытых, чем явных.

Сделаем маленькое отступление.

¹⁰ Согласно Ивану Бузормени-Надю, имеются три уровня: — уровень чисто интрапсихический: Оно, Я и Сверх-Я и отношения этих трех инстанций; — межличностный уровень: например, бессознательные или сознательные лояльности по отношению к родственнику, своему отцу или своей матери или супругу; — уровень межличностный экзистенциальный: иметь или не иметь родителей, иметь или не иметь детей, и т.д.

Маргарет Мид¹¹ рассказывала, что когда она начинала работать в качестве антрополога на островах Тихого океана, то для нее было проблемой понять цивилизацию, в которой она находилась, и сделать так, чтобы эта цивилизация ее приняла. В противном случае она бы умерла от голода и холода или ее, скорее всего, съели или растерзали животные или люди. Было необходимо (хотя и очень тяжело) изучить разговорный язык и декодировать, понять провозглашаемые и скрытые правила общества, которые в корне отличаются друг от друга на различных островах Тихого океана. Они изменяются от одного острова к другому и в любом случае очень далеки от принятых в США. Таким образом, ей было необходимо воспринимать, угадывать, декодировать, изучать правила взаимодействия, чтобы быть принятой и выжить.

Когда мы начинаем работать с семьей или с отдельным человеком с учетом контекста его семьи, будь то психологическая или психиатрическая проблема, проблема здоровья или экзистенциальная проблема, в рамках этого подхода важно понять, какие *негласные правила* существуют в данной семье, в данной среде.

Семейные правила

Процитируем *несколько правил*¹², наиболее часто встречающихся в семьях.

Существуют семьи, жизнь в которых основывается на правилах комплементарности: в них есть *заботящиеся и те, о ком заботятся*. Таким образом, есть люди, которые заботятся о других, и есть больные люди. Как в семье Чарльза Дарвина, где все получали удовольствие от такого типа отношений, в которых был заботящийся и тот, кто получает заботу семьи и близких (см. сноску 10 на стр. 41).

¹¹ См.: Une Education en Nouvelle-Guinée, Paris, Payot, 1973.

¹² См.: Emmanuel Todd (L'Invention de l'Europe, Paris, Le Seuil, 1990) о скрытых правилах в семьях Франции и Западной Европы и их архаическом происхождении, так же как об их географическом традиционном распределении и о том, что управляет семейным жилищем и его разделом.

Существуют семьи, где правилом является приложение всех сил для того, чтобы *сын* получил образование, и приоритет отдается не самому старшему среди детей, а *первому сыну*, т.е. его делают старшим. Это значит, что если сын является вторым или третьим ребенком в бедной семье или семье, имеющей долги в связи со смертью отца, старшая дочь начинает работать в раннем возрасте, для того чтобы помочь брату продолжать учебу. Существуют семьи, где старшая дочь работает секретарем (без бакалавриата), вторая является работником социальной сферы (бакалавриат + 2 года учебы), а третий ребенок, сын, работает врачом (бакалавриат + 7 лет учебы). Можно задать себе вопрос, почему дочери и мать работали, чтобы «поставить на ноги сына» и как они с этим живут потом?

Но встречаются и семьи, где, наоборот, существует *равенство* между детьми.

Существуют и такие семьи, в которых один сын, женившись, остается жить со своими родителями и получает ферму, а второй уходит (и становится военным, священником или моряком), а также другие семьи, где дети, уже имеющие собственную семью, продолжают жить под одной крышей (это хорошо проанализировал Эммануэль Тодд). Есть и семьи, где дети покидают насиженное место практически со дня совершеннолетия.

Существуют семьи, где несколько поколений *живут вместе* под одной крышей, и такие, где за старшим ребенком остается дом, замок или ферма, а другие дети покидают семью.

Существуют и такие семьи, где «*делают старшего*», который берет в свои руки семейные дела (ферму, завод, виноградник и т.д.). Таким старшим делают иногда второго или третьего ребенка.

У меня был клиент, только что переживший тяжелую автомобильную катастрофу. Это был именно такой «*сделанный старший*», которому не удавалось понять, почему он, а не его старший брат, унаследовал традиционное имя старшего. В этой бретонской семье вот уже 300 лет стар-

шего сына нарекали именем Ив-Мари. Однако в данном случае настоящего старшего сына звали, например, Жаком, а второго Ив-Мари. Именно на втором и держалась вся семья. Ему было очень трудно играть эту роль, в частности, ему не удавалось жениться. У него были дети, но он не был женат. Он не мог понять, почему должен играть роль «сфабрикованного старшего» и каким образом делать это. Просто таково было семейное правило. Ив-Мари воспользовался аварией своей машины и очень тяжелыми травмами, чтобы заново обдумать ситуацию, поговорить об этом, наконец, с семьей, раскрыть тайны и начать новую жизнь, но теперь уже свою собственную, а не ложного старшего — носителя роли.

Прорабатывая семейные правила с помощью геносоциогаммы, важно видеть, *каковы эти правила и кто их разрабатывает*. Это может быть дедушка, бабушка или сестра бабушки, которые *устанавливают закон* или же *озвучивают закон* и передают его. Иногда в семьях есть дети, которым не удается жениться (выйти замуж) до смерти своей матери или отца.

Когда мы начинаем хорошо понимать *правила* такой семьи, то попытки терапевта помочь ей достичь наименьшей дисфункции в отношениях и наилучшего равновесия между «долгами» и «заслугами» каждого из ее членов становятся успешными. То есть мы пытаемся восстановить ситуацию, для того чтобы *никто не чувствовал себя обделенным* в распределении обязанностей, в разделе имущества, в «разделе» воспоминаний (и вещей-воспоминаний), в разделе доходов, полученного сейчас или в будущем образования, то есть в *разделе ресурсов* будущего.

Все это непросто понять, когда мы расшифровываем семью.

Чтобы лучше понять последующие объяснения, я приглашаю читателя *построить собственную геносоциогамму*, свое генеалогическое древо (*по памяти*), дополненное главными событиями жизни, чтобы обозреть функционирование своей семьи и имплицитно — себя самого.

Быть лояльным членом группы

Выстраивая свою психогенеологию, вы убедитесь, что значит для вас «быть лояльным членом данной группы» и, в частности, своей семьи, так как каждый из нас вынужден интернализировать дух, надежды, запросы, ожидания своей группы и использовать целый комплекс специфических установок, позволяющих быть в согласии с внутренними или интернализированными приказами. Если выполнять эти обязательства не удастся, то возникает чувство вины. Это чувство вины составляет вторичную систему силового регулирования — своего рода отрицательную обратную связь по отношению к нелояльному поведению.

Бузормени-Надь говорит об этом очень ясно (и я это проверила сама): «*выработка*» лояльности *детерминирована историей семьи* и типом справедливости, которой эта семья придерживается, а также *семейными мифами*. Лояльность находит резонанс и присутствует в каждом из членов семьи, с одной стороны, в виде обязанностей, учитывая их положение и роль, и, с другой стороны, в виде чувств по отношению к *долгам и заслугам*, своему личному стилю и своей манере соответствовать всему этому.

Необходимо напомнить, что каждая культура, каждая нация, каждая религиозная и профессиональная группа, так же как и семья, имеет свои собственные мифы, по отношению к которым люди являются лояльными или нелояльными.

Напомним, что еще не так давно в течение 40 лет лояльность по отношению к коммунистической партии (КП) и Советскому Союзу была распространена среди большого числа левых интеллектуалов. Для французов это было часто обусловлено событиями Второй мировой войны и связями, возникшими в подполье во время Сопротивления (после 1942 г.), а также уважением к русским, погибшим в Ленинграде и Сталинграде. После событий Венгрии (1956) и Праги (1968) ситуация начала меняться и многие интеллектуалы и политические активисты с трудом могли принять и

интегрировать информацию, а также избавиться от этой привязанности и лояльности. Дело не в том, что их заставляли. Просто это было чем-то идущим изнутри, опирающимся на *фундаментальную лояльность* (уважение к умершим, «благодарность за заслуги по разгрому неприятеля», идеализацией и невозможностью сократить когнитивный диссонанс между противоречивыми информацией и поведением). Эта фундаментальная лояльность состоит во внутреннем стремлении сохранить саму группу или саму семью (кровную, принявшую, выбранную, политическую) или историю семьи.

Я уже упоминала о парентификации.

Мне хотелось бы привести пример, который является социальным феноменом: в вашем окружении, конечно, есть одинокие очаровательные девушки, которые посвящают себя своей старой матери и не создают семью¹³ до тех пор, пока эта старая мама не умрет.

И опять же, после того, как поворот был сделан, необходима встреча, почти что чудо, как в прекрасной детской книжке «*Эти мамы в зеленых шляпах*» Жермена Акремана.

Я рассматриваю это как *тяжелые психопатологические последствия лояльности по отношению к семье*; они прослеживаются, как я уже объясняла, в явлении парентификации, когда ребенок вынужден стать «родителем своих родителей», причем в очень юном возрасте.

Контекст и классовый невроз.

Провал в школьной учебе

Наш подход является одновременно контекстуальным, психоаналитическим, трансгенерационным и этологическим. Каждая из этих наук важна, а их вклады являются трехмерными (тело-пространство-время) и комплементарными в личностном и семейном планах. Вместе они напоминают «острие швейной иглы» (Лакан), пронизывающей созна-

¹³ До их освобождения через смерть матери, а затем и внешнее вмешательство.

тельное, бессознательное и со-сознательное, которые мы по-прежнему помещаем в рамку как личностного, семейного, так и социо-экономического контекста.

Внутрипсихические отношения (Я, Оно, Сверх-Я согласно классической психоаналитической теории) являются фундаментальными, но в трансгенерационном подходе нельзя опускать внутренний аспект межличностного уровня (невидимые лояльности по отношению к родителю или супругу). Синдром годовщины нуждается в проработке, так же как и культурно-этнические связи. В то же время нельзя забывать о последствиях, которые вызывают проявления лояльности семье в реальной жизни, то есть экзистенциальный аспект межличностного уровня.

Ко всему этому необходимо добавить *социально-экономический* аспект лояльности семье (*классовый невроз*), блестяще проанализированный Винсентом де Гольжаком¹⁴. Он показывает, насколько трудно хорошему сыну или хорошей дочери превзойти, например, образовательный уровень своего отца. С ним (ней) может произойти, например, несчастный случай по дороге на экзамен, или неожиданная болезнь, или что-то «внезапно выпадет из памяти» и придется сдать чистый лист бумаги, даже если он (она) были блестящими учениками, в числе первых в классе. В действительности и социальное, и интеллектуальное продвижение чревато риском создать бессознательную дистанцию или разрыв между ними и их семьей. У них не будет больше одинаковых привычек, вкусов, одинаковых манер поведения за столом, одного вкуса в выборе мебели, одежды, одинаковых книг (или вообще будет отсутствовать привычка читать книги), норм, одних потребностей и желаний, одних и тех же видов досуга... Они не будут больше жить в одних и тех же кварталах, ходить в гости к одним и тем же людям, и у них будет различный финансовый уровень. Поскольку хорошо известно, что при этом появляется риск возникновения проблем и страданий, удаления одних от

¹⁴ La Névrose de classe, Paris, Hommes & groupes, 1987.

других и чувства неверности по отношению к родителям, бабушкам и дедушкам и социальному классу, сын или дочь бессознательно, через ошибочное действие, «отказываются» преодолевать этот барьер, который не смогли преодолеть их отец или родственники. Совершая это, они бессознательно повинуются двойному посланию (double bind) своего отца (или своей матери): «Делай как я, но лучше всего не делай как я»; «Я делаю все для тебя и твоего успеха, я этого хочу... я боюсь, что ты меня превзойдешь и бросишь нас или уедешь».

Таким образом, сын или дочь забудут завести будильник накануне экзамена или принести свои документы, придут с опозданием, с ними случится несчастье по дороге, болезнь или операция... Или отцу «приспичит» накануне выпускного экзамена забрать сына из школы, чтобы посадить его за работу, и произойдет это именно в этот день, и ни в коем случае не в следующий.

Часто становится заметным, что такое ошибочное действие случается именно на решающем этапе обучения (во время экзаменов на аттестат зрелости, поступления в университет, защиты диплома, государственных экзаменов, защиты диссертации) или в момент вхождения в активную профессиональную жизнь (например, накануне конкурса на занятие вакансии государственного служащего).

Чтобы завершить эту главу, я напомним, что верность предкам, ставшая бессознательной или невидимой (*невидимая лояльность*) правит нами. Важно сделать ее видимой, осознать, понять то, что нас заставляет, что нами руководит, и в случае необходимости *поместить эту лояльность в новые рамки*, чтобы обрести свободу жить своей жизнью.

Родители съели зеленый виноград, а у детей появилась оскомина на зубах — так написано в Библии.

СКЛЕП И ПРИЗРАК

В 1978 г. два психоаналитика, принадлежащих к классическому фрейдовскому направлению, парижане венгерского происхождения Николя Абрахам и Мария Тёрёк, взяв за основу свои клинические исследования, опубликовали сборник статей «Скорлупа и ядро»¹, в котором впервые ввели понятия «склепа» и «призрака». Они работали с больными, которые говорили, что совершают тот или иной поступок, не понимая причины. А их семьи подкрепляли эти утверждения, объясняя, что те действовали так, «как если бы это был кто-то другой». Абрахам и Тёрёк выдвинули гипотезу о том, что все происходит так, будто существует *активный призрак*, который говорит за людей (*своего рода чревовещатель*) и даже действует за них.

Этот призрак — вероятнее всего, некто, как бы вышедший из «плохо закрытой» могилы предка, если того постигла смерть, которую трудно принять, либо с ним произошло что-то постыдное, или же семья из-за него оказалась в трудной ситуации. Что-то было не так, произошло что-то «непристойное», «некрасивое», подозрительное, «нехорошее» для менталитета того времени. Например, это могло быть убийство, смерть при невыясненных обстоятельствах, туберкулез, «постыдная» болезнь (сифилис), пребывание в спецучреждении, в психиатрической клинике или в тюрьме, банкротство, адюльтер, инцест. Речь шла о том, чтобы забыть что-то или кого-то, кто был опозорен или опозорил семью, стыдившуюся того, что произошло, и потому об этом предпочитали не говорить.

¹ L'Ecorce et le noyau, Paris, Aubier-Flammarion, 1978.

Все происходило так, будто какой-то член семьи охранял молчание об этом невысказанном событии, которое считалось семейной тайной. Этот человек становился единственным хранителем этой тайны — он как бы хранил ее в своем сердце, в своем теле, в своеобразном «склепе» внутри себя, а этот призрак время от времени оттуда выбирался² и действовал через одно или два поколения.

Исходя из *понятия инкорпорирования*³, Абрахам и Тёрёк выдвигают предположение, что имело место внедрение внутрь себя (en soi) запрещенного объекта, компенсируя тем самым неудавшуюся интроекцию⁴, что создает как бы «имагинальную связь»⁵. Но вернемся к определениям понятий «призрак» (привидение), «склеп», «дуальное единство», данным Николя Абрахамом и Марией Тёрёк:

«Призрак — это некое образование бессознательного; его особенность состоит в том, что оно никогда не было осознанным [...] и является результатом передачи из бессознательного родителя в бессознательное ребенка, механизм которой пока неясен». («Скорлупа и ядро», *op. cit.*, с. 429.) [...] «Призрак — это работа в бессоз-

² Разумеется, если «призрак выходит» из склепа одного из членов семьи после несовершенного траура, то это означает, что этот сын или внук не метаболизировал этот несовершенный траур по чему-то или кому-то; он не метаболизировал и не интроецировал этот траур, что могло бы создать в некотором роде связь между поколениями. Еврейская кабалистическая традиция «Диббук» (призрак).

³ *Инкорпорация* — процесс, посредством которого субъект более или менее фантазийным способом поглощает и хранит объект внутри своего тела (Лапланш и Понталис). В инкорпорации субъект доставляет себе удовольствие, заставляя объект проникать в себя, разрушая таким образом этот объект и ассимилируя его качества (каннибализм).

⁴ Субъект переносит неким фантазийным способом извне вовнутрь объекты и присущие этим объектам качества... Это явление близко к инкорпорации... Оно не обязательно предполагает соотнесение с границей тела... Оно находится в тесной связи с идентификацией (Лапланш и Понталис).

⁵ *Имагинальный* (Imaginal) — терминология Генри Корбена; чтобы соотнести с понятием *shî'ite*, с имагинативным (образным) восприятием (не воображаемым (*imaginaire*), не реальным, а именно имагинальным (*imaginal*), *mundus imaginalis*, cf. *Cahiers internes du symbolisme*, n 6, p. 196.). Это в некотором роде интуиция мира Другого.

нательном с тайной другого, в наличии которой нельзя признаться (инцест, преступление, внебрачный ребенок)» (ibid., с. 391).

«Навязчиво преследуют не усопшие, а те пробы, которые остаются в нас из-за тайн других» (ibid., с. 427). «Его проявление, его преследование — это возвращение призрака в странных словах и поступках, в симптомах» (ibid., с. 429). «Так проявляется и прячется [...] то, что покоится как «живая — мертвая» наука тайны другого» (ibid., с. 449) (см. примечание в приложении).

Переход, скорее всего, происходит через дуальное единство «мать — дитя».

Непризнаваемая, неуловимая тайна

Это *тайна*, которую нельзя раскрыть, часто *постыдная и имеющая отношение к родственнику*: проигрыш, несправедливость. Такой *невыразимый словами траур* «размещают» внутри себя, в «потайной усыпальнице», в «склепе». Этот тайный «призрак» (который *обволакивает тайну другого*) может передаваться от бессознательного родителя к бессознательному ребенку, из поколения в поколение.

Все происходит так, как если бы некоторые плохо захороненные мертвецы не могли оставаться в своих могилах, приподнимали плиты и перемещались, прятались в этот «склеп», который носит в себе — в своем сердце и в своем теле — кто-то из членов семьи, откуда они выходят, для того чтобы их признавали, не забывали о них и о происшедшем событии.

Подобный пример подала Церковь в своем ежегодном упоминании о Страстях Господних с процессиями, а иногда и театрализованными представлениями перед Собором; евреи и мусульмане помнят об исторических моментах как о национальных светских праздниках. Но до появления трансгенерационной терапии не изучалось влияние такого рода памяти на народы-мученики, жертвы геноцида, убитых и целые семьи.

Терапевт, работающий в рамках трансгенерационного метода, помогает клиенту идентифицировать свой «склеп», освободить призрак, дав ему имя, а носитель призрака сможет, таким образом, прекратить свою идентификацию, отделиться от «призрака» предка... и уйти с миром.

Один из самых потрясающих случаев — это случай с Артюром Рембо.

Ален Мижола⁶ считает, что «анормальное» поведение Артюра Рембо, когда он перестал писать стихи и уехал в Африку, а затем, исколесив все, вернулся во Францию, чтобы умереть там от рака колена, было вызвано тем, что его преследовал дух отца. Можно было бы сказать, что Артюр Рембо заблуждался по поводу своей идентичности, он путал свой родной город с родным городом своего деда (Доль). Он говорил, что скрывается от военной полиции, считал себя дезертиром из 47-го пехотного полка, а на самом деле никогда в армии не служил, но его отец служил именно в 47-м полку.

Давайте рассмотрим историю семьи Рембо. Артюра покинул его отец, когда ему было шесть лет, а деда, который родился в городе Доль (поэт заявлял, что он сам якобы там родился), оставил его отец тоже в шестилетнем возрасте. Можно было бы говорить о семейном повторении в том же возрасте, и о «двойной годовщине» («синдроме годовщины»), следствии «неоплаченных счетов».

Призрак, кажется, продолжает делать свое дело молча и тайно. Он проявляется в непонятных словах, в невысказанном, в молчании, в «провалах» в реальной действительности, в пробелах, оставшихся внутри себя из-за тайн другого.

Рассмотрим воображаемый пример.

Предположим, что я — мсье Артур Дюпон и я знаю, что моя мать была незаконнорожденным ребенком. Я стыжусь этого факта. Я знаю, что моя мать родилась вне брака и воспитывалась в деревне в Изере. Если я не хочу говорить об этом с моими детьми, то никогда не стану упоминать ни о

⁶ Les Visiteurs du Moi, Paris, Les Belles Lettres, 1981.

матери, ни об Изере, ни об Альпах. О горах я скажу, что терпеть не могу альпинизм, а люблю только плавание и море... и увезу всю семью на Средиземное море.

Тайна, невысказанное — это как масляное пятно, в нем есть темные, все расширяющиеся области.

«Оккультные» слова, по мнению Абрахама и Тёрёк, ведут себя как невидимые эльфы — они стараются через бессознательное разрушить когерентность психики.

Источники повторений не осознаются и даже не рационализируются. Все гораздо серьезнее: семейные тайны, пополняемые энергией либидо, судьбоносным образом определяют выбор профессии, времяпрепровождения, увлечений.

Охотник за бабочками

Николя Абрахам (1978) рассказывает историю об одном пациенте, который совершенно ничего не знал о прошлом своего деда. Этот господин был геологом-любителем. Каждое воскресенье он отправлялся искать камни, собирал их, раскалывал. Кроме того, он охотился за бабочками, ловил их и умерщвлял в банке с цианидом. Что может быть банальнее! Однако этот человек чувствовал себя очень некомфортно и старался найти способ справиться со своим состоянием. Он лечился у нескольких врачей, в том числе у психоаналитика, но без особого успеха. Ему было неуютно в жизни. Тогда он обратился к Николя Абрахаму, которому пришло в голову провести исследование его семьи, поднявшись на несколько поколений выше. И тут он узнает, что у пациента был дед (отец матери), о котором никто не рассказывал! Это было тайной. Терапевт посоветовал клиенту навестить родню своего деда. Тот выясняет, что дед совершал поступки, в которых невозможно признаться, — его подозревали в том, что он ограбил банк и, возможно, сделал еще что-то похуже. Его отправили в африканский батальон, в каменоломни, а затем казнили в газовой камере. И внук об этом ничего не знал. А чем занимался в выходные дни наш пациент? Он как геолог-любитель отбивал камни и, охотясь на крупных ба-

бочек, умерщвлял их в банке с цианидом. Символический круг замыкается, он выражает тайну (принадлежащую его матери), тайну, не известную ему самому.

В некоторых случаях способы проводить время, которые являются производными от семейных тайн, удивительно нагружены смыслом. Одного лишь психоанализа или индивидуальной психотерапии, связанной только с символическим прошлым и его травмами в индивидуальной жизни, здесь недостаточно.

«Трансгенерационный анализ» заставляет индивида охотиться за семейными тайнами, вести поиск своей полной генеалогии, своей истории.

Когда раскрываются тайны, делаются пророческие открытия, то пропадают некоторые аффекты, связанные с тяжелым прошлым, негативными повторяющимися ситуациями и травмами.

В свете трансгенерационной теории человек, страдающий от «призрака, который выходит из склепа», страдает от «семейной генеалогической болезни», *неосознанной лояльности семье, от последствий невысказанного, которое стало тайной.*

Абрахам и Тёрёк, как психоаналитики, видят в этом «образование динамического бессознательного, которое появилось не из-за вытеснения личной истории единичным субъектом, но вследствие прямой эмпатии к истории рода, осознанной и отвергаемой родительским (парентальным) субъектом» [может быть, это болезненное наложение друг на друга времен и поколений, как мы бы сказали].

Очевидно, что некоторые из нас носят в себе «склепы», или могилы, где они как бы закопали плохо захороненных покойников, «плохо умерших» — похороненных с такими тайнами, о которых невозможно рассказать потомкам, либо преждевременно умерших (ставших жертвами убийства, геноцида).

Странное поведение (его психосоматическое выражение), болезнь или бред часто сопутствуют этому призраку, и тайна, заживо похороненная в бессознательном предков,

«выводит на сцену» волнение в его словесных или поведенческих проявлениях.

Но остается непроясненным вопрос о том, как переписываются и передаются семейные тайны в повседневной жизни, если о них не говорят.

В клинике констатируют трансгенерационную передачу серьезных травм, о которых не говорили или же по поводу которых не объявляли траур, в том числе травм военных времен (отравленные газами, утонувшие, пострадавшие от пыток, изнасилований), что наносит раны родственникам или боевым товарищам.

Возникает вопрос о *трансгенерационной передаче*. Как она осуществляется?

Все, что нам известно с психологической, физиологической или неврологической точки зрения, не позволяет понять, как что-то может лихорадить разные поколения одной семьи.

Николя Абрахам и Мария Тёрёк выдвигают гипотезу о «призраке» как свидетельстве о наличии «мертвеца», похороненного в другом. Это сродни дуальному единству «мать — ребенок», которое трансформируется во «внутренний дуальный союз между сознанием и самостью (Мoi)». Потомков носителя «склепа», вероятно, преследуют «пробелы, оставленные в нас тайнами других». По выражению Николя Абрахама и Марии Тёрёк, говорит и действует как раз эта невысказанность, обостренная молчанием и утаиванием.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ

Эрже и Тентен

Комиксы тоже могут рассказать о *скрытом поиске*.

Кто из представителей поколения, выросшего на комиксах, не читал увлекательные и прекрасные истории о Тентене и его собаке Милу, и о *Капитане Хэгдоке*?

Психоаналитик Серж Тиссерон по следам этих персонажей восстановил жизненный роман их автора Эрже¹ (Жоржа Реми, инициалы РЖ).

Вы помните капитана Хэддока, этого колоритного персонажа, у которого всегда в руках бутылка? Он искал своего предка и в конце концов нашел его, пользуясь указаниями, исходящими из таинственного замка с не менее таинственными бумагами, которые сгорели. Этот предок, Шевалье де Хэддок, вероятно, был внебрачным, тайным сыном Людовика XIV. Тайну эту выдал попугай, который повторял разные фразы и указывал на то, что сокрыто. А когда благодаря попугаю восстановили историю, связанную с замком Муленсар (Мансар), и сокрытые тайны, которые указывали на то, что капитан Хэддок происходил от Короля-Солнца, тот излечился от пьянства, стал нормальным человеком.

Психоаналитик Серж Тиссерон, восстанавливая биографию Эрже по серии комиксов («Тентенов»), выдвинул предположение, что Эрже сам имел проблемы с установлением родственников и его мать, вероятно, была внебрачной дочерью какого-то дворянина. В дневниках Эрже,

¹ Tintin chez le psychanalyste, Paris, Aubier-Montaigne, 1985.
Tintin et les secrets de famille, 1992. Entretiens privés, 1988, 1990.

опубликованных после его смерти, обнаруживается, что он страдал оттого, что был внебрачным ребенком, скорее всего, бельгийского барона, и в зашифрованном виде писал об этом.

Действительно, в 1990 году было установлено, что гипотеза проверялась. При восхождении вверх на одно поколение выяснилось, что отец Эрже, вероятнее всего, был внебрачным сыном дворянина или даже короля (перечитайте в серии Тентенов то, что касается Дюпон(т)а и Дюпон(д)а, которые «ничего не понимают»).

Читая некоторые романы и истории, вы сумеете незаметно обнаружить теневой мир писателя и к тому же понять ваш собственный.

Семейные бессознательные повторения в дни годовщин: несчастный случай со вдовцом

Рассмотрим подлинную клиническую историю, несчастный случай со вдовцом.

Муж секретаря ассоциации, где я работала в Париже, — промышленник, очень серьезный человек. Он любит свою семью и очень привязан к своему отцу. Его отец — весьма активный и молодежавый человек 89 лет. И вдруг он ни с того ни с сего упал на эскалаторе и ударился головой. Ему стало совсем плохо, он умоляет, чтобы его оставили в покое, дали умереть. В какой-то мере его активной жизни пришел конец. Если знающий человек рассмотрит историю этой семьи, то ему откроются удивительные вещи.

Однажды, 26 октября, дед вышел на улицу один, сел в метро и поехал в Галери Лафайет. Ступив на эскалатор, он упал, ударился головой и скатился вниз на целый этаж. Если мы поищем ключевые точки в истории семьи, посмотрим, что было с его женой, то выясним, что она умерла 10 лет назад 26 октября. Тогда становится понятным, что дедушка упал и ударился головой *в годовщину смерти своей жены*. Что это — чистая случайность? Совпадение?

Я столько раз была свидетелем таких совпадений, что теперь говорю о *неосознанных семейных повторениях и синдроме годовщины*.

Болезнь приемного ребенка

Одна молодая женщина прежде страдала «синей болезнью» (болезнью сердца, при которой существует риск ее генетической передачи по наследству), но после операции она стала чувствовать себя хорошо, так же, как и ее бабушка (которую тоже прооперировали от «синей болезни»). Она решает выйти замуж, но детей не заводить, чтобы не было риска передать им болезнь.

Однако они с мужем решают усыновить ребенка.

Им предлагают ребенка, который живет в Индии. О нем ничего не известно, кроме того, что он сирота. Супруги соглашаются. Малыш оказался очень красивым. Вскоре после его приезда во Францию выясняется, что ребенок болен: у него та же самая «синяя болезнь», которой страдает молодая женщина, а ведь она хотела избежать риска генетической передачи болезни. Случайно ребенка оперирует тот же хирург, в той же больнице, того же числа, что и саму женщину несколькими годами раньше (дату операции назначают больничные службы).

Конечно, совпадение, но любопытное совпадение — «почти семейный» повтор болезни и даты хирургического вмешательства для приемного ребенка, которого любят, как родного, и который «всегда был членом семьи».

Тайна смерти родителей и своего происхождения: дети депортированных

О многом может рассказать клиническая практика, касающаяся *детей депортированных*, которым не сказали правду об отъезде, депортации, лагерях, смерти их родителей.

Одна из исследователей, Клодин Вег², свою первую работу на соискание ученой степени по медицине посвятила потомкам людей, умерших во время Второй мировой войны в депортации. Их дети в ту пору ничего не знали о судьбе своих родителей (им не удалось попрощаться), не знали, что с ними стало, к тому же им самим приходилось скрываться. Большинство этих детей приняли к себе другие семьи, им часто давали другие фамилии и имена. А некоторых взяли на воспитание монастыри и церковные общины.

Этим детям объяснили, что их мама и папа уехали путешествовать и не разрешали говорить о них. От детей скрывали грустную правду «для их же блага». Впрочем, часто взрослые и сами не знали, что стало с уходящими в туман поездами и людьми, попавшими в облаву.

Для детей это трудная ситуация — не выдать, не рассказать тайну, быть оторванными от близких, расстаться со своими привычками, сколь бы славной ни была принимающая семья.

Но такое тяжелое воспоминание нередко сопровождается тяжким *долгом*, иногда даже *слишком* тяжким (воспоминание или даже месть, вендетта, как на Корсике).

Несколько лет спустя, после Освобождения, они ждали возвращения своих близких, и тогда узнали, что их родители были, вероятно, депортированы и умерли в концентрационном лагере.

Исследования показали, что примерно в трех поколениях эти дети и их семьи являются носителями *кошмаров* и *травм, от которых они никак не могут излечиться*.

Случай Робера – разрывы и тайны

В качестве примера приведем случай с Робером, четырнадцатилетним еврейским мальчиком, о котором рассказала Клодин Вег. Когда его отца забирали (депортировали), при расставании он крикнул:

² Claudine Vegh, *Je ne lui ai pas dit au-revoir*, Paris, Gallimard, 1980.

«Всегда помни, Робер, что ты еврей и должен оставаться им! [...]. Таковы были его последние слова, я их все еще слышу, как будто это было вчера.

Он не сказал мне: «Я люблю тебя, ничего не бойся, береги себя», а только эту фразу. [...] Ведь, в конце концов, разве я живу? [...] Ты понимаешь, я обижаюсь на них. Да, я обижаюсь на мертвых, которые своей жизнью заплатили за мою! Так жить невозможно! Они ничего не сделали, чтобы выжить. [...] Они оставили меня одного из всей семьи, и мне любой ценой нужно было выжить. [...] Я два раза возвращался в Дордонь с женой и дочками. Как известно, преступник всегда возвращается на место своего преступления, не так ли? [...] Да, я так и сказал — «преступник». Странно... Но, в конце концов, ведь они умерли, а я вот жив. [...] Моя старшая дочь, студентка, уезжает на постоянное место жительства в Израиль! Она сказала мне, что должна осуществить то, чего не сделал я... Круг замкнулся. [...] Мой отец гордился бы ею».

Долг Робера перед своим отцом («Никогда не забудь, что ты еврей!») заплатила его дочь. Но Робер знает, что он со своим долгом не рассчитался, и потому считает, что «так жить нельзя».

И это ощущение будет его преследовать, отравлять жизнь. Может быть, это также связано с чувством вины того, кто остался в живых.

По мнению Клодин Вег, невысказанная тайна, связанная со смертью, оказывала столь сильное воздействие, что помешала нормальному функционированию психики: *лучше знать правду, даже горькую, постыдную или трагическую, чем скрывать ее, поскольку то, что скрывают одни, другие люди чувствуют или угадывают* (ведь мы не профессиональные актеры). *И эта тайна, это не-*

сказанное *становится более серьезной травмой на долгое время.*

Тайна — это всегда проблема.

Напомним, что в греческой мифологии парикмахер царя Мидаса не смог сохранить тайну, которую он зарыл в землю. «У царя Мидаса — ослиные уши» — эту тайну стал повторять тростник, выросший на том месте.

Фрейд напоминал нам, что тот, у кого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, констатирует, что смертные не могут хранить никаких тайн. «Тот, чьи губы хранят молчание, выбалтывает кончиками пальцев. Он выдает себя всеми порами».

Это приводит нас к пониманию и правильной оценке важности невербальной коммуникации и выражения чувств как языком тела, так и красноречивым молчанием.

Очень часто настоящие писатели понимают и расшифровывают «черные дыры» нашей психики лучше, чем иной профессионал. Я хочу сказать, такие писатели, для которых писать — это как катарсис. Вот несколько примеров: Пруст, расшифровавший память, Музиль и проблематика близнецов, Вирджиния Вульф и переменчивая жизнь сознания, или наши современники Маргарит Дюрас и Патрик Модино.

О *детских травмах* замечательно рассказано Марией Кардиналь в книге «*Слова, чтобы это высказать*» и Франсуазой Дольто в «*Детстве*», которая во взрослом возрасте в процессе психоанализа вновь пережила муку от резкого разрыва с со своей молодой няней, от которой она чуть не умерла в шестилетнем возрасте.

Геноцид и пережитая несправедливость: рабство, депортация, массовое бегство

Психологическая энграмма пережитых трудностей

Проблемы, вызываемые *геноцидом*, очень значимы, и даже тогда, когда речь идет о давних геноцидах — будь то

Холокост, *армянский* геноцид (в результате которого погибли два миллиона человек) или геноцид по отношению к *чернокожим* во времена рабства и работорговли³. Ответные удары этих народов и современные последствия геноцидов не менее значимы.

Теперь мы видим, какие ответные удары вызвали Крестовые походы, и то, что пережили арабы в средние века, современные мусульмане воспринимают как геноцид и убиение невинных. Свидетельством тому является активное пробуждение ислама в конце XX века. Амин Маалуф (*Крестовые походы глазами арабов*, Париж, Латтес, 1983, переизд., «Жэ лю», 1985) объясняет:

«Как отделить прошлое от настоящего, когда речь идет о борьбе Дамаска против Иерусалима [...]. В мусульманском мире, постоянно подвергающемся агрессии, эта борьба у некоторых фанатиков принимает форму опасной навязчивой идеи. Разве мы не видели, как 13 мая 1981 г. турок Мехмет Али Агджа выстрелил в Папу, объяснив в письме: «Я решил убить Иоанна Павла II, высшего предводителя Крестоносцев». За этим индивидуальным актом ясно прослеживается то, что на арабском Востоке Запад по-прежнему воспринимают как естественного врага. [...] Травма еще и сегодня воспринимается как оскорвление⁴.»

³ Проблема остатков рабства еще не снята, как и обида чернокожих на белых, несмотря на формальное равенство гражданских прав. Это доказывают непрерывные бунты еще в 1990-х годах, несмотря на то, что рабство (чернокожих у чернокожих) существовало в Африке в эпоху торговли рабами и эбеновым деревом (и остаточные явления этого вроде бы еще сохраняются).

⁴ Напомним несколько дат. 622 г.: начало мусульманской эры; 638 г.: Калиф Омар берет Иерусалим; VII и VIII века: арабская империя от Индии до Пиреней; 1055 г.: турки господствуют в Багдаде; 1096 г.: Пьер Затворник разбит калифом Нисеи (1-й Крестовый поход 1096-1099); 15 июля 1099 г.: «Франжи» захватывают Иерусалим (арабская история рассказывает, что город был разгромлен, а евреям и мусульманам перерезали горло); затем арабы отвоевывают Иерусалим у крестоносцев; 1100 г.: Бодуэн провозглашает себя королем Иерусалима; 1115 г.: союз мусульманских принцев и сирийских франков против султана; 1148 г.: король Франции Луи VII и император Германии Кон-

Память сохраняется долго

Падение Берлинской стены (10 ноября 1989 года), «гласность», падение коммунистического режима в СССР (8 декабря 1991 г.), восстановление России, стран Балтии, Украины, Грузии, Нагорного Карабаха, Азербайджана, Таджикистана и многочисленных республик, которые относительно спокойно жили при социалистическом режиме (своеобразный *Pax Sovietica*, возможно, соответствует *Pax Romana* времен императора Августа) — все это привело к пробуждению национализма, расовой ненависти и религиозным войнам в посткоммунистической бывшей Югославии (между христианами и мусульманами, между католиками и православными). Дело дошло даже до стремления к «этнической чистоте территории» через истребление, депортацию, а ведь казалось, что после Инквизиции и нацистского варварства в Европе такое просто невозможно.

В 1992 г. (когда отмечали юбилей открытия Америки Христофором Колумбом) испанский король Хуан Карлос попросил прощения у еврейского сообщества за высылку евреев из Испании⁵ пятью столетиями раньше (1492 г.). Тогда это произошло по просьбе Инквизиции и по приказу королей — католиков Фердинанда и Изабеллы. В 1992 г. американский мэр города Салема устроил церемонию ис-

рад разбиты при Дамаске; 1187 г.: Саладин вновь завоевывает Иерусалим; 1204 г.: «Франжи» захватывают Константинополь и разрушают его; 1218-1221 гг.: стремительное наступление Чингиз-Хана (1167-1227) и вторжение франков в Египет; 1244 г.: франки теряют Иерусалим в последний раз; 1248-1250 гг., 7-й Крестовый поход; вторжение в Египет короля Франции Святого Луи (Луи IX), который будет захвачен, затем выкуплен, возвратится во Францию в 1254 г. и умрет от чумы у стен Туниса 25 августа 1270 г. в начале 8-го Крестового похода. (Восемь Крестовых походов: 1-й — 1096 — 1099; 2-й — 1147 — 1149; 3-й — 1189 — 1192; 4-й — 1202 — 1204; 5-й — 1217 — 1219; 6-й — 1228 — 1229; 7-й — 1248 — 1254; 8-й — 1270.)

⁵ Согласно Жаку Атали (Jacques Attali, 1492, Paris, 1992), гонение, ссылка, эмиграция — все было сконцентрировано в одном злосчастном возгласе «спасайся кто может», в зловещем повороте событий, очень напоминающем уже современное бегство — «boat people». Это был трудный выбор: уехать, бросив все свое имущество, или принять католичество и остаться в обстановке постоянного подозрения, под неусыпным оком Инквизиции. Но даже при бегстве существовал риск: перехват кораблей пиратами, рабство, убийства, кораблекрушения. Некоторые уехали с Христофором Колумбом в последний день 3 августа 1492.

купления, чтобы «исправить» содеянное и осудить прине- сение в жертву «салемских ведьм» (тот давний приговор будет пересмотрен в 1993 г. Высшим федеральным судом). Но в то время как в Европе двенадцать стран готовятся к объединению и расширению согласно Маастрихтскому соглашению, в бывшей Югославии сербы и хорваты (те и другие христиане) убивают друг друга, а бессильная Евро- па присутствует при попытке геноцида мусульман в Бос- нии со стороны сербов и хорватских католиков — со сторо- ны сербских православных христиан. Разбужен очень ста- рый антагонизм (1896 г.), возвращаются, как бумеранг, бес- чинства пронемецки настроенных усташей в 1941 — 1942 гг. во время войны. В то же время расовые бунты в Лос-Анд- желесе снова показали ненависть и претензии чернокожих американцев по поводу «несправедливого⁶» приговора, явившегося наследием рабства, отсутствия ассимиляции и неискупления.

Можно ли забыть, не простив, не попросив прощения и не принимая его?

Убийство президента Джона Кеннеди (22 ноября 1963 г.) и его брата Роберта, чернокожего американского лидера Малкольма Х. (21 февраля 1965 г.), пастора Мартина Лю- тера Кинга (4 апреля 1968 г.) доказывают, что это непрос- то и что решение не может быть только политическим или экономическим. Если мне позволят выдвинуть гипотезу, возможно, такое решение связано со скрытой лояльнос- тью по отношению к семье и культуре, с «большой книгой счетов» — семейных, расовых, культурных, а также с по- явившейся *возможностью выразить то, что оставалось невысказанным, непомышляемым, быть услышанным, за- ставить признать факты, неправоту, попытаться «ис- купить смерть», перенесенную несправедливость, оттор- жение, отвержение.*

⁶ Как следствие оправдания двух белых полицейских, обвиненных в грубом обра- щении с черным автомобилистом в Калифорнии в апреле 1992. Фотографии Реджи- нальда Денни, сделанные Бобом Туром во время бунтов в Лос-Анджелесе, были широ- ко растиражированы.

Гражданские войны, внутренние братоубийственные войны также переживаются как травмы. Семьи и страны с трудом приходят в себя, например, после войны в Испании (1936 — 1939 гг.), куда изгнанники, высланные и эмигрировавшие (испанцы называют их «вырванными из земли»), не вернулись. Русские эмигранты также не вернулись в 1992 г. (ни эмигранты 1906 г., ни 1917 г.), как и протестанты, уехавшие в Германию или Швейцарию после отзыва Нантского Эдикта (1685 г.).

А если французские колонисты и вернулись к себе во Францию, то лишь потому, что к концу войны в Алжире в 1962 г. у них был один выбор: хватать чемоданы или погибнуть.

Эта многовековая ненависть часто поддерживалась преподаванием национальной истории, местными рассказами и сказками, преподаванием истории религий детям, семейными рассказами... и даже священной историей (в старых текстах). Она пробуждается по малейшему поводу — на Ближнем Востоке, между христианами, евреями и мусульманами, а также между индийскими индуистами и пакистанскими мусульманами. Каждый раз остаются сотни и даже тысячи убитых, невинных жертв, закрепляя память о мучениках и поддерживая вместе с неким представлением о чести желание отомстить, жажду «кровной мести», «искупления», своего рода вендетты. Это дьявольский замкнутый круг, который Организация Объединенных Наций не в состоянии разрубить или предотвратить. Ведь к этому примешивается политика, и многие проблемы возникли из-за утопических представлений тех, кто победил в войне 1918 г., из-за незнания проблем, связанных с принадлежностью к своей территории, религии, культуре, племени, с историческими переплетениями и «долгами».

Право территории, право крови, право победителей, право старшинства, право на наследство — вот «справедливые требования», которые вызывают новые смерти. Трудно нести груз наследия библейской истории, рассказанной по-разному, груз геноцидов, вторжений, истребле-

ний, крестовых походов, насильственных обращений в другую веру, «этнических чисток» и т.д.

Во второй половине XX века возобновилась массовая депортация и вновь появились концлагеря для тысяч, даже миллионов перемещенных лиц, называемые лагерями «перегруппировки» и «приема беженцев», покинувших свои дома из страха или по принуждению.

По чернокожим африканцам оценочные данные таковы: 38 миллионов жертв геноцида среди африканцев, вывезенных в рабство⁷ между 1490 и 1899 гг., 11,7 миллионов вывезли, 13 миллионов погибших, кроме того, более 13,8 миллионов проданы в Сахаре (с VIII по XIX век).

Семьи погибших от газовых атак в Первой мировой войне помнят Ипр и 22 апреля 1915 года (тогда немцы впервые пустили газ в окопы). А семьи армян помнят 24 апреля 1915 года (тогда турки совершили геноцид и отрицали его, хотя за несколько дней погибло 2,5 миллиона человек).

И только после террористических актов (например, взрыва бомбы в аэропорту Орли) и других проявлений насилия, спустя более полувека после тех событий, о них заговорили и признали во все мире, по крайней мере эти факты признал Международный суд в Гааге.

Армяне по-прежнему не имеют страны, как и курды, а чернокожие американцы и американские индейцы не хотят довольствоваться «маленьким кусочком» земли, который им уступили белые. Африка отнюдь не решила свои проблемы национальных меньшинств, племенных и расовых конфликтов, которые рискуют привести ее к разрушению. Проблема двух частей Ирландии не решена, как и проблемы Тибета, Косово (1389, 1914, 1989); баски продолжают требовать признания своей особой культурной идентичности.

Казалось бы, проблемы так называемых меньшинств решаются, но в конце второго тысячелетия они внезапно вновь

⁷ Чернокожий американский романист Алекс Халеу приводит данные исследования своей идентичности и своих корней и поднимается до своего предка, увезенного из Африки в рабство.

проявились в кровавом варианте. И на горизонте не видится никакого решения.

Может быть, этнологи, или психосоциологи, или специалисты по геносоциограммам смогут внести свой небольшой вклад в попытки решения проблемы?

Ведь нужно одновременно *вспомнить* («remember», как сказал бы Карл I, поднимаясь на эшафот) и либо простить, либо «перевернуть страницу» и забыть, чтобы смерть и насилие не закреплялись навечно в форме бесконечной вендетты, чтобы не продолжалось вечное страдание. Чтобы потомкам не досаждали обременительные для них «призраки», или серьезные физические расстройства (болезни, смерти), или психические расстройства, которые без слов помечают подобные события.

Нам довелось работать над геносоциограммами людей, у которых были проблемы со здоровьем, связанные с геноцидом в разных странах и у разных этносов (армяне⁸, курды, евреи, ирландцы, арабы и т.д.). Нам удавалось погасить физические и психологические следы «очисткой генеалогического древа» семьи или группы. Но, конечно же, речь идет лишь об индивидуальных решениях, которые не препятствуют поиску других возможных подходов. А в дни празднования пятидесятилетия освобождения узников концлагерей и высадки союзников (июль 1944 г.) были услышаны жалобы на ужасные кошмары у маленьких детей.

⁸ См. клинические примеры, историю Жаклин и армянского геноцида на с. 149 и трансгенерационный травматизм «ветра пушечных ядер» с его кошмарами, происходящими в дни годовщин у потомков тех, кто был травмирован на войне 50, 100, 125, 200 лет спустя (а в Косово и 600 лет спустя).

МОИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНОСОЦИОГРАММ И СИНДРОМА ГОДОВЩИНЫ

Я начала интересоваться этой темой лет двенадцать тому назад под впечатлением от одного замечания, высказанного моей дочерью. Она сказала мне: «Мама, ты осознаешь, что ты старшая из двух детей (второй ребенок умер), и папа старший из двоих, второй ребенок умер, и я старшая из двоих детей, второй ребенок умер... и с тех пор, как умер дядя Жан-Поль, я в какой-то мере опасалась смерти моего брата...» (Так и случилось.)

Я была в шоке. Это правда, и то, что речь шла о несчастных случаях, о дорожных происшествиях, дела не меняло, скорее наоборот.

Тогда я стала перебирать в памяти всех родственников и обнаружила повторяющиеся случаи смертей: моя крестница — «сирота по наследственности». Ее мать уже в юном возрасте была сиротой, и ее дочь тоже. Мой любимый дед тоже рано остался сиротой, будучи старшим ребенком в семье.

Потом я стала вести поиски среди родственников мужа в эльзасских архивах и на юге Франции, среди родни свекрови (она тоже была старшим ребенком в семье, где второй ребенок умер). Я привлекла себе в помощь семейное исследование, которое провел «кузен кюре» из Марселя в рамках своей диссертации, а затем — архивный поиск, выполненный в Провансе и в Париже настоящим специалистом в области генеалогии. И все для того, чтобы выяснить генеалогию бабушек и дедушек для моих внуков.

Каким большим сюрпризом было обнаружить корни в Нормандии, возле того места, где родители мужа дочери случайно купили домик, «оказавшись там проездом». Там

я нашла корни семьи моей свекрови — фамилии были сходны: сто лет назад обе семьи носили одну фамилию, вплоть до последней буквы — совпадение и случайность, конечно же.

Другая причина такой ориентации моих исследований связана с письмом, которое я случайно получила, хотя оно мне не предназначалось. Моя свекровь писала своей лучшей подруге и «по ошибке» (по Фрейду) вложила письмо в конверт с моим именем и адресом. Поскольку письмо начиналось с обращения «Моя дорогая», то я дочитала его до конца, пока не поняла, что оно адресовано не мне. Моя дорогая свекровь писала, что женитьба сына на «чужой» ее удивила и что она чувствовала себя со мной как с «негритянкой с плато», поскольку мы очень далеки друг от друга с точки зрения культуры и среды. Меня это удивило, ведь мы обе парижанки, обе из семей медиков и преподавателей медицины в университете. Тогда я поняла, что такое «привнесенная деталь» в традиционной семье, предки которой участвовали в Крестовых походах.

Невестка навсегда остается «привнесенной» (чужой). Это позволило мне заглянуть в устные традиции и *неписанные семейные правила*.

Правда, я в конце концов все же стала «сыном» для моего свекра (в его семье было принято, что женщины не работают, а в моей* — работают) — я пошла по его стопам, получила от него «наследство»: тоже стала заниматься психотерапией и полюбила его Эльзас. Но от моей свекрови из Прованса я «переняла и приняла» только оливковое масло в салате, по-настоящему же меня так никогда и не приняли. Моя дочь (хоть и родилась в Париже) училась в университете Страсбурга, «вернувшись туда через сто лет»¹.

* Две сестры моего дедушки сделали научную карьеру и получили докторскую степень в Политехнической школе Цюриха в 1888 г. Тетя Натали работала химиком в лаборатории своего мужа сначала в Швейцарии, а затем в Париже.

¹ После переезда в центр Франции и Париж эльзасских франкофилов накануне немецкой оккупации (потеря Эльзаса — Лотарингии после 1870 г.).

Открытие синдрома годовщины

Другая причина моего обращения в исследованиях к личностному и семейному, к тому, что я как бы случайно назвала *психогенеалогией*² и, главным образом, *синдромом годовщины*³ — это случай, который я констатировала лет пятнадцать тому назад. Тогда я только начинала работать с людьми, больными раком в финальной стадии по методу Симонтона — так, как я его понимала в 1975 г., пока не появилась его первая книга. Я с удивлением обнаружила тяжелейший рак у счастливой, цветущей новобрачной (она не пережила очень сильных стрессов) в том же возрасте (в тридцать пять лет), когда умерла от рака ее мать.

² Чтобы найти более общий и менее «технический» термин, чем «геносоциограмма». Недавно я узнала, что термин «психогенеалогия» также используется во Франции другим автором, но в несколько ином контексте и в другой системе прочтения. Александр Жодоровски («Жодо») является чилийским кинематографистом — режиссером «русского происхождения». Он жил и работал в Мексике (см.: «La Montage sacree» в 1960-х годах), затем в США и Франции (где создал вместе с Аррабалем и Топором сюрреалистическую группу «Паника»). Им якобы использовалось в 1980-х годах «психоколдовство» (в мексиканской версии термина), переименованное затем в «психогенеалогию» (после того, как одна из его учениц прошла стажировку у меня). Он использует в некотором смысле интуитивное прочтение семейной генеалогии с помощью карт Таро. До сего дня (1991 — 1993 гг.) он ничего не публиковал (созданная в соавторстве рукопись якобы исчезла из его машины во время отпуска).

Идет ли речь о неудавшемся действии? Больше он не работает (или почти не работает) в этой области. Я лично с ним не знакома.

Что касается совпадений, то забавно отметить, что я использовала этот термин в те же 1980-е гг. Если мои схемы и статьи по этому поводу были опубликованы, то отпечатанная рукопись как бы «исчезла» в машине того человека, который ее набирал, вместе с моими записями и набросками, что задержало на два года публикацию моей книги (переписанной несколько иначе в менее академическом стиле и не со всеми ссылками, но в более доходчивом виде).

Это странное совпадение: исчезновение рукописей одновременно у него и у меня.

³ По упоминанию Руперта Шелдрика в разговоре, Ж. Хилгард из Сан-Франциско примерно в 1953 г. писала о синдроме годовщины; но я не смогла заполучить ее публикацию в момент написания моего первого текста. Шелдрик, хотя и говорит о присутствии прошлого (I-й Международный симпозиум в Туре 31 октября — 5 ноября 1988 г.), однако не видит никакой связи между своими и моими исследованиями, несмотря на то, что находит их интересными. То же самое относится и к «струнам времени», затронутым Бессарабом Николеску (как если бы приобретаемое одними передавалось другим).

Доктор Жозефина Хилгард недавно скончалась. Именно в момент получения пробных оттисков я, наконец, нашла ее статьи, резюме которых даю в приложении.

С тех пор я всегда вела систематический поиск в истории семьи, когда занималась больным: нет ли повторяющихся событий или проявлений «неосознанной, скрытой лояльности семье», неосознанной идентификации себя с ключевым, важным членом семьи... И часто находила такие случаи — рак в том же возрасте, что и у матери, деда, тети по линии матери, крестной, когда те умирали от этой болезни или несчастного случая.

Эти весьма многочисленные клинические замечания, эта интуиция были подтверждены статистическими исследованиями по синдрому годовщины, выполненными Жозефиной Хилгард. Я узнала об этих исследованиях в 1991 — 1992 гг.

Жозефина Хилгард (врач и психолог), изучая карты всех больных, поступавших в одну американскую клинику в течение нескольких лет (1954 — 1957), доказала, что внезапное начало психоза у больных во взрослом возрасте могло быть связано с повторением в семье травмирующего события, перенесенного в детстве, — потерей матери или отца по причине ее (его) смерти, помещения в психиатрическую клинику или несчастного случая. При повторении контекста, когда ребенок взрослеет и ему самому исполняется столько же лет, сколько было его родителю (когда тот, например, попал в психиатрическую больницу), а его собственному ребенку исполняется столько же лет, сколько было ему самому, когда его мать, к примеру, умерла или попала в больницу (двойная годовщина), — госпитализация в лечебное учреждение повторяется, и это «статистически значимо».

Я использовала одновременно генеалогическое древо и социометрические связи и то, что Морено якобы назвал геносоциограммой в давнем разговоре, который я плохо помню⁴ (но зато его помнила студентка медицинского фа-

⁴ Его жена Зерка Морено не смогла обнаружить их след в его рукописях. Я не могу с уверенностью сказать, говорил ли Анри Колломб о генограмме или о геносоциограмме — и, таким образом, что название «геносоциограмма» не будет в конце концов моим, маркой моей школы и моих учеников.

культета, беседовавшая об этом в Дакаре с моим коллегой и другом профессором Анри Колломбом после возвращения из Америки). Некоторые из нас вернулись к этому наследию в Ницце в 1980 г., его также можно отчасти проследить в работе другого ученика Морено — Натана Аккермана, который занимается в Соединенных Штатах семейной терапией.

«Дети и домашние собаки знают все...»

Четвертая причина моего интереса — это первый очень давний разговор с Франсуазой Дольто, когда после окончания моей учебы в университете в Соединенных Штатах я попросила ее присутствовать в качестве супервизора на моих первых групповых занятиях психодрамой. Она спросила: «А ваша бабушка, прабабушка были раскрепощенными женщинами или же приличными и фригидными?» На мой протест, что я этого не знаю и знать не могу, она возразила: «В семье дети и собаки всегда знают все, особенно то, о чем не говорят».

Это рассуждение Франсуазы Дольто стало моим первым введением в область «трансгенерационного метода» и непреднамеренной, неосознанной семейной «передачи».

Обмены и взаимодействие

Следует также упомянуть тот факт, что до того, как я стала преподавать в университете Ниццы (в 1967 г.), у меня в Париже по четвергам регулярно собиралась группа психоаналитиков и психотерапевтов, чтобы побеседовать о своих подходах, поделиться поисками, обсудить интересующие вопросы. Среди них иногда были Франсуа Тоскель, Ив Расин, Жорж Лапаса, Николя Абрахам... Мы обсуждали проблему родовой передачи, наследования еще до того, как появилась книга «Скорлупа и ядро».

Увлекательнейшие дискуссии с Маргарет Мид (в 1956 г.) и Грегори Бейтсоном (в 1972 г.) раскрыли мне глаза на *антропологический подход* и *метод наблюдения над естествен-*

ным поведением, который развивался во Франции в ходе формальных и неформальных встреч по «человеческой этологии» с Юбером Монтанером, Жаком Коснье и, главным образом, с Борисом Цирюльником. Частые обеды (когда я делала крюк через Сан-Франциско) с Юргеном Руешем (между 1957 и 1975 гг.) раскрыли мне глаза на область «невербального», на язык тела, интеракцию и на то, как, наблюдая вблизи, можно почти угадать, что думают и чувствуют люди — по их невербальному поведению, мимике и жестам, кинестетике, проксемии, гармонии и синхронности движений.

Эта работа по невербальной коммуникации углубила то, что я начала делать с 1950 г. в *психограме* с Дж.Л. Морено и особенно с Джимом Эннейсом, наблюдая, имитируя и используя язык тела при отзеркаливании, а главным образом — метод *дублирования* протагониста, его «второго я», alter ego. Работа продолжалась в течение десяти лет путем поисков и наблюдений, изучения видеозаписей. Она стала темой моей докторской диссертации в Сорбонне по *невербальной коммуникации* (1975).

Мой стиль работы

Для меня *геносоциограмма*, *трансгенерационная контекстуальная психогенеалогия* — это клиническая работа по наблюдению и синтезу, которая проходит в тесном сотрудничестве между «клиентом» (в том смысле, в котором этот термин употребляет Роджерс) и доктором «пси» (психотерапевтом, психоаналитиком, психиатром и т.д.). Предполагается, что клиницист очень уважительно относится к прошлому своего клиента, имеет острое «слух — зрение» и способен одновременно сконцентрировать свой интерес на клиенте, его истории, его речи и других способах самовыражения (например, на невербальной коммуникации). Он слушает то, что говорит клиент, и наблюдает то, что клиент «транслирует» через чувства и эмоции, и в то же время держит в центре внимания его мыслительные ассоциации, ис-

пользуя свой контрперенос и пережитое. Доктор должен одновременно держать в центре внимания другого (клиента) и слушать свой «персональный радар» — быстро размышлять, схватывать на лету свои собственные ассоциации, использовать знания в области социологии, экономики, истории, искусства, для того чтобы при необходимости выстроить гипотезы и задать вопросы и таким образом «раскрыть» и «разговорить» клиента. И все это для того, чтобы «ухватить и потянуть красную нить», структуру, конфигурацию, *паттерн* семейной жизни клиента и его личной жизни в том контексте и на том языке, который является характерным и отличительным для прошлого его семьи и для его мифов именно в данной семье в широком смысле слова.

Я использую для этого свою клиническую практику психоаналитика (классическую, в духе Фрейда), групп-аналитика и психодрама-терапевта, мой «полевой» опыт психолога-социолога, клинициста и антрополога, работавшего на четырех континентах, свою привычку слушать, наблюдать, свой опыт в области вербальной и невербальной коммуникации — косвенного выражения чувств с помощью языка тела, позы, мимики и жестов, микросжатия мышц, ритма, остановки и возобновления дыхания, способа двигаться, садиться и вставать, предпочтений в цвете, одежде, украшениях, прическе, стрижке, ювелирных изделиях, синхронности жестов, открытия либо закрытия тела (когда руки скрещены или перед собой кладут портфель). И все это для того, чтобы как-то выявить то, что представляется мне *значимым*.

И уже на основе этого значимого я пытаюсь «разговорить» клиента и побудить его к ассоциациям в процессе работы с собой и членами его семьи (в особом психотерапевтическом пространстве).

На первом этапе я слушаю клиента, который рассказывает о себе и о своей семье, рисуя свое генеалогическое древо с комментариями на доске (при групповой работе) или на листе бумаги (при индивидуальной беседе и составлении анамнеза).

Таким образом, я использую, методiku, основанную на составлении *генеалогического древа, дополненного важными жизненными событиями*: брак, вдовство, развод, рождение ребенка, уход детей, переезд, смерть, разрыв, отрыв от своих (переезд, уход помощницы по дому/кормилицы/няни). Я использую опросник Холмса и Райх по основным жизненным событиям (life events) уже лет пятнадцать. За это время я дополнила его. С помощью опросника я устанавливаю «потерю объекта любви» и совпадения возрастов и дат, синхронию и диахронию (синдром годовщины либо двойной годовщины, например, возраст матери и возраст дочери в момент траура либо разрыва отношений), а также повторение этой конфигурации в следующем поколении или через одно поколение (работа ведется по трем — пяти поколениям), чтобы выявить болезнь или несчастный случай, особенно при хирургическом вмешательстве. Я использую методiku психогенеалогии или геносоциогаммы при подготовке к операции или для борьбы с тяжелой болезнью, а также для того, чтобы предупредить либо преодолеть отставание в школе.

К слушанию я добавляю свой интерес к истории и *историческим, художественным, социально-экономическим фактам*, политическим, культурным, военным, даже спортивным событиям, важным для субъекта, событиям, которые помогают окрасить *контекст* и часто придают ему дополнительный смысл.

Мне кажется важным *слушать и смотреть*, по выражению Фрейда, с «плывущим вниманием» и быть, как говорил Карл Роджерс, *сконцентрированным на субъекте* так, чтобы войти в его личный мир и видеть его, как говорил Морено, «его же глазами», а слышать «третьим ухом».

Так можно услышать то, что говорит клиент, и помочь ему придать этому форму: прояснить его цели, жизненный путь, его трудности, идентичность или скорее идентификацию и контридентификацию, предпочтения и неприятия, его модель мира.

Клиент оформляет это на доске или на листе бумаги, а мы ему помогаем, иногда расспрашивая в нужный момент

и/или побуждая высказывать ассоциации, следуя за «красной нитью» его (наших) ассоциаций или связей (так мы используем *со-бессознательное* того, кому помогают, и того, кто помогает, а также группы).

Геносоциограмма более сложна, чем генограмма. Она выявляет социометрические связи, контекст, важные события, задействуя помимо всего прошлый опыт и бессознательное терапевта и клиента (его сны, оговорки, ошибочные действия, свободные ассоциации).

Я мыслю *интегративным* образом, поэтому использую одновременно *несколько концептуальных моделей*.

1. Психоаналитический концепт *скрытой лояльности* семье Ивана Бузормени-Надя. В частности, выявление этой лояльности или неосознанной идентификации с членом семьи, часто трагически погибшим или пропавшим. Я слеую также его идеям о «долгах и заслугах», о «книге семейных счетов» и «справедливости — несправедливости».

Это подводит меня к выявлению у клиентов затаенной злобы, *обиды*, связанных с тем, что кто-то из членов семьи или соседей отнял у них что-то (вспомните последние фильмы с Ивом Монтаном: «*Жан де Флорет*» и его продолжение «*Манон из источника*»), с возможным восстановлением утраченного, особенно если речь идет о попытках вернуть себе статус, потерянный кем-то из родных (часть классового невроза) — родственником, дедом, прадедом. Это может быть образование, дом, ферма, завод и даже возвращение в тот или иной район, город или деревню.

Это важно, даже через годы или века, как искупление геноцида армян или желание арабов-мусульман вернуть себе большую территорию: ведь спустя восемь веков об этом все еще говорят.

2. Концепции Абрахама и Тёрёк, связанные со «*склепом*» и «*призраком*», который «внедряется» в потомка вследствие травмы, часто обусловленной несправедливыми событиями (родственник, умерший под Верденом в войне 1914-1918 гг., или погибший от газов в окопах, или же оставшийся без погребения). «Склеп» и «призрак» часто связа-

ны с семейными тайнами, которые рассматриваются как постыдные (убийство, инцест, тюрьма, помещение в психиатрическую клинику, разорение, внебрачные дети, туберкулез, рак или СПИД, проигрыш в карты, потеря семейного состояния).

3. Семейные союзы с исключением некоторых членов (*триангуляции* Мюррея Боуэна).

4. «Замещающие дети», т.е. дети, которые были зачаты, чтобы заменить умершего (обычно ребенка, умершего в раннем детстве, но иногда и близкого родственника). Я устанавливаю соответствие и отмечаю на геносоциограмме связи по дате, а также по возрасту, интересуюсь теми рождениями, которые связаны с трауром (обычно по отцу или по матери мамы). Иногда речь может идти о «несовершенном трауре». (Андре Грин привел пример «мертвой матери», т.е. матери, пребывавшей в депрессии, либо трауре в момент рождения ребенка, а значит, для него она как бы отсутствовала, была как «мертвая».)

«Замещающие дети» (несовершенный траур) отличаются от «детей — восстановителей», которых принимают очень хорошо и в семье им отводится почетное место.

5. Школьные *неудачи* у способных детей, связанные с классовым неврозом, т.е. страхом или двойственным отношением — превзойти обоих родителей и/или оторваться от них в социальном, а затем и в профессиональном плане. Эти неудачи часто бывают обусловлены трудностями, которые испытывают дети при достижении того культурного уровня, которого не достигли родители (например, не сдавшие экзамен на степень бакалавра), и неосознанным двойственным отношением родителей к их социальному продвижению, которое воспринимается как «предательство» своего класса или среды происхождения.

6. Я уделяю особое внимание *синдрому годовщины*: рождение, свадьба, болезнь или смерть могут произойти в период (по возрасту и дате) годовщины события, важного для семьи или человека, — потери вследствие смерти, помещения в клинику или отдаления дорогого человека — чле-

на семьи или друга, или любого другого «объекта любви». Это может быть и годовщина счастливого события (свадьба, рождение детей, получение призов, наград, праздник).

Я вмешиваюсь в процесс и часто перехожу к действиям, используя четыре этапа:

- а) наблюдать, смотреть, очень внимательно слушать; давать слово клиенту, который по памяти строит свое генеалогическое древо, свою геносоциограмму;
- б) выявить важный признак — вербальный или невербальный, часто сублиминальный;
- в) придать смысл этому признаку, который рассматривается как значимый, важный (это работа со многими и разными референтами), затем задать ряд наводящих вопросов работающему субъекту;
- г) установить динамическую связь между значением и знаком, использовать эту связь для продвижения субъекта к его целям, желаниям, его модели мира. Для этого я *перехожу от внимательного выслушивания к активному диалогу*, чтобы «подключиться» к тому, что кажется действенным для субъекта и его окружения, использую различные «сетки» интерпретации. Другими словами, мы имеем дело с *интегративной психотерапией и интеракцией*.

Материальные детали построения геносоциограммы

Требуется определенное время, чтобы по памяти выстроить свою геносоциограмму на основе генеалогического древа.

При нашем способе работы уделяют два-три часа на человека, чтобы «разобрать» ситуацию и представить ее графически (с помощью геносоциограммы), найти путеводную нить — «нить Ариадны», за которую можно потянуть.

Во время первого индивидуального разговора с человеком, имеющим проблему, которую нужно решить, или с тяжелобольным я принимаю его в конце первой половины дня или ближе к вечеру, чтобы предусмотренное время

можно было превысить. Врачи, работавшие с нами, рассчитывают на час-полтора для первой беседы, например, с больным раком, и на возможность занять часть времени от своего обеденного перерыва.

Синдром годовщины

У бессознательного хорошая память и, как нам кажется, оно любит семейные связи и помечает важные события жизненного цикла повтором даты или возраста: это синдром годовщины.

Мы нередко наблюдали, что *рождение* часто происходит тогда, когда как будто надо напомнить о важном событии в семье, грустном или веселом.

Очень многие дети рождаются *как бы для того, чтобы отметить годовщину* (дня рождения или смерти) матери мамы¹⁸, как бы напоминая о связи матери с ее собственной матерью (или отцом), о том же самом месте рождения, — как будто существовала договоренность между бессознательным матери и предсознанием ее будущего ребенка о том, чтобы эти *даты* рождения стали *значимыми*.

Таким образом, часто можно расшифровать смысл преждевременного или запоздалого рождения по отношению к важному члену семьи — мертвому либо живому.

Многие *замещающие дети* рождаются день в день в годовщину рождения, смерти или похорон предыдущего маленького ребенка, мать которого не совершила траур, не оплакала его. Напомним, что психоаналитик Андре Грин нашел очень много случаев шизофрении у замещающих детей, рожденных от «мертвой матери», т.е. грустной, подавленной, либо находящейся в трауре (А. Грин, «Мертвая мать»). Ее присутствие мало ощущается (она как бы умерла). Достаточно часто встречаются люди, которые в конце жизни «ждут, чтобы проститься со всеми», своего

¹⁸ Я преднамеренно говорю и пишу «мать матери», а не бабушка, так как для бессознательного это меняет смысл. Оно слышит то, что произносят.

дня рождения (скажем, 60, 80, 95 лет) и предусмотренного в связи с этим семейного праздника, или свадьбы внучки, или возвращения сына из путешествия.

После события критического, печального, трудного или драматического, такого, как *внезапная смерть* молодых родителей в результате несчастного случая, или помещение матери в клинику, часто спустя несколько лет происходит несчастный случай, возникает серьезная физическая болезнь (например, рак), психотический приступ (дочь или сын заболевает, попадает в аварию, в психиатрическую клинику в том же возрасте, в котором был умерший родитель). Это может произойти в день годовщины (в том же возрасте), либо через десять или пятьдесят лет. Так часто и бывает в случае *двойной годовщины*: ребенок, ставший родителем и достигший того возраста, что и его умерший родитель, и в то же время его собственному ребенку исполняется столько же лет, сколько было ему самому в момент потери.

Жозефина Хилгард использовала термин *годовщина* для обозначения этих специфических случаев психотических приступов, отмечающих возраст потери родителя и *двойной годовщины при наличии ребенка того же возраста*.

Я намного шире понимаю термин *синдром годовщины*, так как часто наблюдала *повторения* несчастных случаев, браков, выкидышей, смертей, болезней, беременности... *в том же возрасте* в двух, трех, пяти, восьми поколениях (т.е. «углубляясь» в семейную историю примерно на двести лет).

Легко перейти через два века, когда ребенок знает свою прабабушку и та рассказывает ему о своем детстве и о собственной прабабушке. Так рождаются живые рассказы о Революции или походах Наполеона — по рассказам пожилых родственников, портрету, медальону, картине, мебели, письмам, Библии...

Я широко иллюстрирую свои рассуждения клиническими случаями и рассказами о жизни (см. ниже «Рассказы о жизни»).

Участие в событии даже через свою смерть⁶ можно бессознательно проигрывать по-разному. Некоторые отцы и матери ждут возвращения сына или свадьбы дочери, чтобы разрешить себе умереть.

Американские историки заметили, что второй и третий президенты США Томас Джефферсон (1743—1826) и Джон Адамс (1735—1826) умерли в один и тот же день (4 июля 1826 года), это пятидесятая годовщина подписания Декларации Независимости (4 июля 1776 года). Как будто они ждали этой даты, чтобы *поучаствовать в событии* празднования пятидесятилетия и затем уйти через «смерть».

Некоторые *семейные или исторические совпадения* можно лучше понять как *реакции на годовщины*, как *синдром годовщины* и, я бы сказала, как выражение *семейного и социального трансгенерационного бессознательного*.

Некоторые люди *каждый год в одно и то же время* испытывают *чувство тревоги и подавленности* — *от чего, и сами не знают*. Они не помнят, что это период годовщины смерти близкого человека — родственника или друга, и не могут установить сознательное соотношение между этими повторяющимися фактами.

Многие люди перенесли операцию именно в день годовщины смерти или несчастного случая с отцом, братом, родственником. Это как бы случайное совпадение обнаруживается, например, после постоперационных осложнений.

Вот почему я всегда считала важным рассказать о синдроме годовщины семейным врачам, хирургам, онкологам, психотерапевтам, социальным работникам, чтобы помочь

⁶ Марлен Дитрих утасла 6 мая 1992 г. накануне открытия кинофестиваля в Каннах, который был ей посвящен, когда по всему городу развешивались плакаты с ее изображением. Это, конечно, случайность, но некоторые поговаривали о совпадении. Сообщения о ее смерти были на первых полосах газет, и в знак почтения повсюду вне программы шли фильмы с ее участием, включая все каналы телевидения.

в работе с их пациентами, поскольку очень часты случаи *физической и психической уязвимости в периоды годовщины* при мало понятных симптомах, неясных до тех пор, пока не выясняется их *связь с годовщиной*.

Американский врач Джордж Энгель изучал это явление на себе (1975). Он описал, например, свой *сердечный приступ в годовщину внезапной смерти его брата* (сорока девяти лет) из-за остановки сердца. И в первую годовщину смерти у него самого был серьезный сердечный приступ. Можно высказать гипотезу о бессознательной идентификации с братом, вызвавшей ту же физическую реакцию на *стресс годовщины* (страх смерти). Он реагировал таким же образом, правда, в меньшей степени. Джордж Энгель выжил и рассказал нам об этом. Он опубликовал статью, где описал свою тревогу в тот период (ему тоже было сорок девять лет). Он пережил еще один тревожный период, связанный с синдромом годовщины, со *страхом умереть в том же возрасте, что и отец* (в пятьдесят восемь лет); бессознательно он «предпочел забыть» этот возраст, чтобы выжить.

Именно этот *тяжелый временной отрезок* — тот же возраст, в котором умерли отец, брат, мать и другой близкий человек, я называю *периодом уязвимости, связанным со «стрессом годовщины»* (см. пример двух братьев, Бернара и Люсьена, выжившего и погибшего).

Часто *внезапная смерть* в разных поколениях впоследствии дает о себе знать в семейной истории через несчастные случаи. Их серьезность убывает на протяжении ста — ста пятидесяти лет, как, например, в истории с несчастным случаем во время Севастопольской битвы (с. 160), или в истории с мальчиком Роже и началом учебного года (с. 129), или с рождением детей в тот же день в последующих поколениях (например, внуков у тех, кто бы ранен под Верденом [21.02.1916]). Они родились 21 февраля 1996 или 11 ноября. Это *форма невидимой лояльности*.

Таким образом, мы имеем дело с напоминанием о пострадавшем дедушке или двоюродном дедушке, раненом или

убитом на войне. А муки и травмы войны и прекращения боев после перемирия 11 ноября 1918 г. дают о себе знать через рождение или непроизвольные выкидыши*.

«Невидимые лояльности» и «фракталы»

Как я уже уточняла, синдром годовщины может являться как случаем повторения того или иного семейного события в одну и ту же дату или в одном и том же возрасте, так и бесконечного повторения одного и того же в нескольких поколениях (а иногда на протяжении жизни одного человека). Иногда речь идет о счастливом событии, а порой — о травмирующем и тяжелом для семьи. Иногда нам (мне самой — и кое-кому еще) удавалось прерывать цепочку событий (см. представленные клинические случаи). Однако остается проблема поиска ответов на вопросы *почему?* и *как? Какое можно предложить объяснение?*

С 1950 г. я внимательно следила за работами Бенуа Мандельброта, и мне пришла в голову мысль о связи этих повторений с «фракталами». Более того, в 1999 г. ко мне обратились несколько специалистов по «теории хаоса» и «фракталам». Они полагали, что моя работа с носителями тяжелых заболеваний и синдромом годовщины являлась или могла являться умелым применением теории фракталов для решения проблем, связанных со здоровьем. Иван Геррини (профессор из штата Бразилия, специалист по теории хаоса) утверждает, что бесконечное повторение од-

* Именно 11 ноября (дело происходило в 1990-е годы) я была свидетельницей спонтанного выкидыша у молодой женщины, говорившей о «боли, как об уколе шпaги, пронзившей поясницу». До прибытия машины скорой помощи я побудила ее к ассоциациям, и мы поднялись по генеалогическому древу до дедушки ее матери, который во время Первой мировой войны чистил окопы от трупов с помощью штыка в местечке Шемен де Дам. На следующий год у нее родился великолепный ребенок.

Часто я работаю со «смертельным холодом», ассоциируемым с болезнью Рейно, который исчезает, когда обнаруживают факт чьей-то смерти в предшествующих поколениях. Это как бы болезнь Крона, которая часто останавливается, когда обнаружeтся связь с дедушкой-уборщиком окопов.

ного и того же является «фракталом», точно так же, как и извилистые очертания берегов Бретани, конфигурация снежинки, головка цветной капусты, биения нашего сердца (исследования Бенуа Мандельброта, 1975, 1959–1997). Конечно же, хорошо и естественно, когда происходят нескончаемые повторения биения сердца (это признак жизни) или воспроизводства клеток, но что же происходит, когда нечто вдруг разлаживается и начинается нескончаемое повторение раковых клеток (и это ведет к смерти)? Что изменилось? Хотя можно сказать, что ничего не изменилось.

Именно *теории хаоса и фракталов* могут подсказать, что самое незначительное событие может «все» изменить (классический пример — приведенный в 1970 г. Эдвардом Лоренцем, изучавшим прогнозирование погоды, о взмахах крыльев бабочки (*butterfly effect*)). Так вот, сам факт взмаха крыльев бабочки в Амазонии может привести к торнадо в Техасе, что подтверждалось на примерах явлений, имеющих как естественно-научную, так и комплексную природу: состояние биржи, движение на автомагистралях, динамика ионов и воды в почве, кровообращение человека, экономические кризисы и депрессии (в экономике), футбольные состязания и т.д. Мне бы хотелось привести ясный и очень простой пример.

Я писала, что не верю в случайность (никакой психоаналитик в это не верит) и тем не менее... Однажды я сидела у себя дома перед экраном компьютера и выводила на принтер этот текст в одном экземпляре. Когда в приемнике кончилась бумага, компьютер выдал соответствующий сигнал. Не отворачиваясь от экрана, я протянула левую руку, заправила бумагу и... к моему великому удивлению, страницы начали переворачиваться, падая в корзину. Почему? Я не двигалась в своем кресле, вроде бы «ничего» не изменилось. И тем не менее что-то произошло, «остановив» одну последовательность и запустив другую. Но почему? «Ничего не изменилось», что могло бы мною осознаваться.

В той области, где все мы (я вместе с дорогими читателями) являемся специалистами (речь идет о трансгенерации

онных явлениях), отмечались случаи прекращения тяжелейших болезней (так происходило в отдельных случаях рака на завершающей стадии: после определенной работы метастазы и раковые клетки исчезали) в результате «раскодирования» синдрома годовщины и лояльности семье или «травматизма ветра пушечных ядер», тяжелой травмы, несовершенного траура после нелепой смерти (человека или животного из своего круга или круга семьи). Для этого очерчивается круг того, что «притягивает» повторения («*attractor*»), ту или иную тенденцию в поведении. Однако задача научного обоснования (с использованием последних достижений науки и междисциплинарных подходов) и более полного объяснения явлений повторения и «аттракторов» все еще не решена.

КАК СТРОИТЬ ГЕНОСОЦИОГРАММУ?

Напомним, что *геносоциограмма представляет собой генеалогическое древо, построенное по памяти* (то есть без привлечения дополнительной информации и документов), *дополненное важными жизненными событиями* (с их датами и связями) и эмоциональным контекстом (*социометрическими связями* в виде стрелок или цветных линий). Геносоциограмма не является классическим генеалогическим деревом, расписывающим все родственные связи. Важно то, каким способом автор этого «фантазийного древа» воспринимает действующих лиц и связи, которые соединяют их и его самого с предками по вертикали и родственниками по горизонтали, а также с их ролями. Иногда даже белые пятна, провалы в памяти семьи (как и молчание на психоаналитической кушетке) могут сказать многое о том, что было «вычеркнуто из семейной памяти».

Самым информативным, интересным и актуальным в этой работе является *установление вероятных связей между событиями, фактами, датами, возрастами, ситуациями.*

Можно предположить вероятную взаимосвязь, например, между смертью и рождением или *совпадение дат или возрастов* (синхрония, *синдром годовщины*); сюда же относятся *повторяемость определенных событий* и гипотеза *реактивации чувств и стресса предвосхищения* в некоторые периоды жизни человека и семьи — стресс годовщины.

Условные обозначения

Условные обозначения очень просты. ○ — круг обозначает женщин, △ — треугольник — мужчин (врачи ставят квадрат), каждый из них связывается с помощью — U-образ-

ной сплошной линии с родителями; используются --- штриховые линии, когда речь идет об обозначении аборта или выкидыша.

Для двух людей = двойная линия указывает на бракосочетание, просто линия — на свободный союз, ---- пунктирная черта подчеркивает привилегированное отношение. В случае семейной пары наличие наклонной линии ≠ говорит об обособленности супругов, двойная же наклонная черта # — о разводе.

Кроме того, используются обозначения:

* индивид доминирующий;

∨ третирующий, использующий насилие
в различных формах;

∇ третируемый;

⊖ эмигрант — иммигрант;

⊕ с психическими проблемами;

⊗ гомосексуалист или бисексуал;

братья — сестры, родившиеся с интервалом

≡ в 12 — 20 месяцев и воспринимаемые
почти как близнецы;

≡ почти тройня;

⊙ еще не женатый в сорок пять лет

○ Кружочки обозначают любую особу женского
пола.

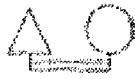
△ Треугольники обозначают любую особу мужского
пола (но врачи изображают квадрат).

□ Квадрат обозначает, что не известен пол лица.

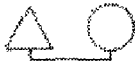
□ Пунктирные квадраты обозначают выкидыш или
аборт в случае, если пол ребенка неизвестен; пун-

△ ⊙ Пунктирный треугольник или круг обозначают выки-
дыш или аборт в случае, если пол ребенка был ус-
тановлен.

△ □ ⊙ Круг или треугольник, обрамленный квадратом
(или двойной линией), обозначают лицо, для кото-
рого была построена геносоциограмма.

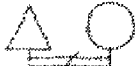
Двойная линия, соединяющая два лица, обозначает бракосочетание.

Простая линия представляет свободный союз.

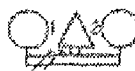
Штриховая линия указывает на простое отношение.

Наклонная черта обозначает обособленность.

Двойная наклонная черта означает развод, простая наклонная черта обозначает обособленность.

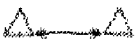
Повторные браки: пронумеровываются горизонтальные линии для указания порядкового номера (например: 1 = первый брак).

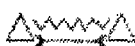
Родители. Дети: номер указывает порядок рождения; здесь третий ребенок (дочерняя связь продублирована пунктиром) является приемным.

Родители. Близнецы.

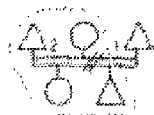
Эта линия связи указывает на согласие между двумя лицами.

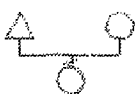
Эта линия связи указывает на разногласия между двумя лицами, линия с зигзагами указывает на конфликт.

Крестик указывает, что лицо скончалось, дата кончины указывается чаще всего сбоку, вместе с возрастом.

Лица, живущие под одной крышей, обведены замкнутой линией.

Наклонная черта на связях указывает, что отношения были прерваны.

Зигзагообразная черта указывает на супружеский конфликт.

Строя геносоциограмму, мужу чаще всего определяют место слева, а жене — справа; детей пронумеровывают (записывают порядковый номер над значком пола); возраст обозначают в круге или треугольнике. Кончины отмечают крестом (†) с последующим указанием даты и причины; например: † 1915 г. (Верден).

Замкнутая линия окружает лиц, живущих под одной крышей. Лицо, которое строит геносоциограмму (субъект), изображается в центре схемы (в кружке или треугольнике внутри квадрата, чтобы его было легко выявить). Линия (стрелка) указывает связи положительные и отрицательные.

Несколько значков, позволяющих обозначать факты и болезни:

б = бракосочетание	О = отец
р = развод	М = мать
с = суицид	БМ = бабушка по материнской линии
н = несчастный случай	ДМ = дедушка по материнской линии
в = война	БО = бабушка по отцовской линии
р = рак	ДО = дедушка по отцовской линии
бс = болезни сердца	ПДМ = прадедушка по материнской линии
ал = алкоголизм	ПБМ = прабабушка по материнской линии
ипб = аборт	ПДО = прадедушка по отцовской линии
дп = депрессия	ПБО = прабабушка по отцовской линии
тб = туберкулез	ии = инцест, изнасилование, сексуальные злоупотребления
в = выкидыш	п = побитый (ая)
мр = мертворожденный ребенок	жс = внезапная смерть

Даты имеют большое значение, так как они являются граничными метками и ключами памяти, сюда же часто относят дни рождения, связи с теми или иными праздниками или значимыми религиозными и историческими событиями.

Точные *даты* чрезвычайно значимы — иногда они могут быть ключами памяти по отношению к болезням, несчастным случаям, разрывам, бракосочетаниям и всему тому, что относится к памяти о семейных мифах. И если наша память имеет разрывы, то следует поинтересоваться, почему. Крайне важно не забывать как «попугая», который может обнажить тайну семейной памяти, так и дорогую двоюродную бабушку, не состоящую в браке, но которая в некотором роде является «семейным секретарем», *семейной памятью*.

Такое графическое представление важно, потому что оно позволяет отследить *повторения*, блуждания «призрака», синхронности или *значимые повторения*, *синдром годовщины*. (Мы соединяем их красной линией.)

Биографическая реконструкция. Метки, ключи, границы памяти и ограничения метода

Следует напомнить, что геносоциограмма строится *главным образом по памяти* на базе генеалогического древа с дополнениями и пометками. Она основана именно на том, что семья хранит в памяти: даты, значимые факты, ключевые моменты, раздел наследства или связь, проявления несправедливости (подлинные или ложные), — то есть на фактах с их мощным зарядом чувств. Геносоциограмма, выстроенная по памяти, отражает также «провалы» и забывания, белые пятна — то, чего не знают о людях, уехавших в дальние края или тех, которых больше не видят. Ни геносоциограмма, ни *генеограмма* не являются в строгом смысле ни объективным генеалогическим исследованием (по документам), ни генеалогическим деревом.

На геносоциограмме одновременно указывают важные факты (события жизни), объективно значимые моменты (уровень образования, даты рождения, бракосочетания, кончины, профессию) и субъективно значимые (встречи, продвижения по службе, провалы, разрывы, переезды, характерные качества личности), а также их связи. Имена, места проживания или проведения каникул, некоторые предметы тоже могут служить ключами: колечко, мебель и т.д.; даты войны, переезда, отставки, семейных праздников.

Параллельно биографической реконструкции семьи важно вспомнить историко-политико-социологический и экономический контекст, который даст много ценных сведений об изменении менталитета и, вероятно, семейного быта той эпохи.

Такую реконструкцию не так уж трудно сделать: надо отвести 25 — 30 лет на каждое поколение. Если ваш отец женился на вашей матери в 1930 г., то вы можете предположить, что, вероятнее всего, его отец женился в 1900 г. Если он женился на вашей бабушке в 1900 г., то ему было, таким образом, 30 лет и родился он около 1870 г. Теперь вы попытаетесь представить, в каком контексте он мог появиться на свет и воспитываться. Если он родился примерно в 1870 — 1872 гг., то это будет война 1870 г. против немцев. Если ваши родственники жили в Париже, то они, может быть, пережили осаду Парижа и голод, который за ней последовал; следовательно, вы можете отметить такие события, как Коммуна, голосование, в ходе которого потерпел провал Наполеон III; в случае необходимости вы возьмете иллюстрированный «Малый Ларусс» или хороший словарь, чтобы проверить и дополнить ваши исторические знания. Вы знаете, что позже произошла серия экономических скандалов: Панама, Суэц. Чтобы лучше понять особенности той эпохи, надо вспомнить о законах Комба (1905, отделение церкви от государства, в результате которого «монахини были удалены из школ», а имущество церкви конфисковано)... затем война 1914 — 1918 гг.

Итак, вы сможете выдвинуть несколько социологических или историко-экономико-социологических гипотез о детстве вашего дедушки на основе того, что происходило в это время.

Чаще всего я работаю именно с группами, так как считаю, что это гораздо интереснее для всех, потому что одни и те же проблемы, драмы, семейные конфигурации встречаются у нескольких участников, и также потому, что политико-социо-экономико-историческая память одних дополняет и пробуждает воспоминания у других.

Начиная *формулировать историко-экономико-социологические гипотезы*, вы замечаете, что, если до этого времени клиент говорил, что не может ни о чем вспомнить, то в этот момент можно сказать, что какая-то «задвигка» открылась в его голове и он сейчас воскликнет: «Ах, да, это правда, я вспоминаю, семья стала очень бедной не во время Панамских событий, это произошло в момент событий на Суэцком канале, когда (мой отец или моя бабушка) сменили школу, так как возникли осложнения».

Внезапно открываются целые блоки памяти — просто потому, что, так сказать, сняты замки с зон запоминания: начинают возникать свободные ассоциации, и люди оказываются в состоянии вспомнить о *чрезвычайно значимых вещах, которые они знали, не ведая того*.

После этого они смогут вспомнить, что знают двоюродную бабушку, соседку крестной матери или бабушки, полкового друга дедушки, с которым двоюродная бабушка еще общается... Они, наконец, смогут навести справки.

Столь внезапно востребованные элементы воспоминаний возвращаются.

В этом контексте вспоминают, откуда еще можно почерпнуть дополнительные сведения: от друзей или соседей, членов далекой семьи, из нотариальных архивов, церковных книг, надгробных плит, трудов по региональной истории, местной печати той эпохи, исторической службы армии (ИСА), различных архивов...

Выше я привела несколько примеров и ключевых дат из истории Франции, но подобные примеры можно привести

из истории Испании, или Италии, или любой другой страны; для протестантов это может быть аннулирование Нантского эдикта королем Луи XIV 18 октября 1685 г.; для евреев — бегство из Испании (1492), Холокост (1942) или «шестидневная война» (1967); для других — армянский геноцид (24 апреля 1915 г.), голод в Ирландии (1846 — 1848) с последовавшей эмиграцией; имеющиеся воспоминания о Вердене (февраль — декабрь 1916), окопы и газы, или военное кладбище при Дуомоне, или война в Алжире (1954 — 1962), или Крестовые походы (1096 — 1270), или 4 июля (1776) — праздник Независимости для американцев.

Очень многообещающий в познавательном плане, этот метод, однако, не является панацеей и не может ни заменить сеанса *психотерапии* (но он его дополняет или придает важность в начале работы), ни произвести генеалогическую реконструкцию, которая предполагает дальнейшие исследования и *дополнительную генеалогическую работу*.

Основы идентичности: имя и фамилия.

Фамилия или отчество: «Как тебя зовут?»

Представить свою идентичность — это значит назвать свое имя и фамилию. А называя их, мы определяем свое место в социальном, географическом, культурном планах, чаще всего выявляя этнические и религиозные оттенки. Мы определяем свое место («отсюда» мы или оттуда), свою принадлежность к той же группе и к тому же миру («быть одним из наших») или же к чужим, даже к потенциальным врагам или их потомкам, что может вызывать *неприятие* (или даже агрессию) и страх.

Подразумевается, что вскоре станет ясно, *когда* мы родились, *где*, *от кого*¹? Тем самым мы задаем координаты во

¹ Библия рассказывает историю рода, начиная так: «Иаков, сын...» В Иерусалиме монастыри выстроили генеалогическое древо Иисуса, восходящее через Иосифа к Адаму и Еве, пренебрегая тем, что, если он является сыном Бога, то не может быть сыном Иосифа, столь значимой и необходимой казалась им родственная связь по отцовской линии. См.: Himmelman C. (Sd), A Family tree: from Adam to Jesus, Israel, Bethlehem, The 3 Arches, rééd. в 1980-х гг.

времени, пространстве и истории. (Классический вопрос в школах: «Чем занимается твой отец?») К какой культуре ты принадлежишь? К какой традиции? Каков твой уровень? Пол? Раса? Религия? Возрастная категория? Идентичность, «Я» («self»), глубинная сущность, «Я для самого себя» связаны одновременно с «Я для другого» (с образом, который вы предъявляете другим, и с тем образом, который другие проецируют на вас, со статусами и воспринимаемыми ролями, а также с ролевыми ожиданиями), с «внутренним Я» («soi-en-soi») (так называемым «объективным Я») и с вашим ощущением себя, своей личности. Идентичность отражается в телесных проявлениях, социальных знаках (*labeling*).

По данным исследования, которое выполнила в 1980 г. Эмэ Пирсон, дети устанавливают родственную связь с четырех с половиной лет, а после семи с половиной лет обретают способность артикулировать «атом родства», т.е. признают родственную связь со своими родителями.

Лишь позднее ребенок начинает осознавать понятия поколения и родства.

Родственная связь — это одновременно биологическая, социальная и психологическая реалья.

Биологическая реалья — это в конечном итоге генетическая фикция: родственная связь возникает в связи с браком родителей, даже если речь идет о внебрачном ребенке, которого скрывают, или в связи с добровольным признанием родства (что может соответствовать действительности, а может быть социальной фикцией).

Можно анализировать структуру родственной связи по двум осям, как это делал Жан Гиота (в 1979, 1985 и 1986 гг.).

1. *Установленное родство* — то, благодаря чему человек объявляет себе и другим, что он является сыном, дочерью, отцом, матерью такого-то и относит себя к соответствующей группе.

В русской традиции человек представляет себя сыном того-то, например, Николай Васильевич Гоголь (Николай сын Василия). Невозможно обратиться к кому-либо без

непременного использования имени и отчества. Даже если оно точно не известно, то бормочут что-то невнятное.

Точно так же во многих африканских племенах принято указывать свою родственную связь.

Таким образом, установленная родственная связь — это связь, смысл которой придается социальной группой через языковые, юридические, культурные структуры (правило наследования и принадлежности).

2. *Воображаемая или нарциссическая родственная связь* — это психологическая реалья, вписанная в прошлую историю и будущее. Психологическая связь часто становится видна по тому, какое большое значение придают физическому сходству между поколениями: «Это связь сходства, которая проходит через тело» (Гиота, 1985, 26).

Именно сюда следовало бы отнести цепи повторяющихся событий в семье: смерть ребенка или родителя, самоубийство, наследственная болезнь или воспринимаемая как таковая.

Жак Гиота замечает, что при наличии сложностей в определении статуса родства (внебрачный ребенок, сомнения в отцовстве, проблемы наследства или лишения прав, изменение отчества) устанавливаемая ось становится хрупкой и вместе с воображаемой осью стремится попасть в своеобразную диалектическую связь.

Можно отметить трудности, связанные с особенностями устанавливаемого родства, такими, как отсутствие или преждевременная смерть отца, мезальянс (как нарушение социальных условностей), смена отчества², внебрачный ребенок, плод адюльтера или брошенный ребенок, мать-

² Многие люди сохранили свой военный псевдоним, главным образом, если он был знаменит, как, например, в случае с семьей генерала Леклера. Или же когда новая идентичность была интериоризирована с иной принадлежностью. Иногда люди сохраняли свои литературные или театральные фамилии; это также видно в случаях соприкосновения с «расовой или религиозной линией», а иногда для легального изменения имени, что разрешалось в случае имен с негативной коннотацией, например, Кошон (в переводе с французского «свинья»), Бош (презрительное обращение во Франции к немцам).

одиночка. Другие трудности могут быть связаны с особенностями установления родства по имени или с лишением родства (лишение наследства, проклятие). Как следствие подобных ситуаций появляются, например, случаи маргинального поведения. Жак Гиота в работе «Психоанализ в университете» (1979, т. IV, N 16, с. 652) предлагает сетку для отслеживания особенностей родства с некоторыми примерами повторяющихся соматических приступов и т.д.

На вопрос: «Как тебя зовут?» можно было бы ответить: «Так, как называли».

Фамилия и *отчество* отмечают отношение к предкам. Фамилию и отчество передают, а «не дают». Дают только имя.

В нашей патриархальной цивилизации мужчина дает свою фамилию женщине, на которой женится, а также детям, которых он признает своими, законнорожденными или усыновленными. Психоаналитик Бернар Тис в своем выступлении на канале «Франскультюр» в 1990 г. напомнил, что раньше в документ — земскую книгу вписывали название земель, приходивших вместе с женщинами, и лишь во время Французской Революции во Франции началась передача прав наследования через отчество, получаемое от мужчины.

Важность фамилии (отчества) во многих культурах и цивилизациях связана с фактом рождения сына. Например, в Верхнем Египте мужчина обязан был иметь сына, который гарантировал бы его погребение согласно обычаям и продолжение его фамилии. (См.: *Histoire de la famille*, 1986, Paris, Colin, 2 volumes.)

Мы живем уже не во времена Церковного Собора в Никее. «Позор тому, кто полагает, что у женщин нет души. У них есть что-то вроде души, как у животных и цветов» — это утверждение на малом Церковном Соборе 538 г. в Меконе оспаривалось одним из епископов (см. приложение, с. 216).

В наших современных законах записано равенство мужчин и женщин, но бессознательное по-прежнему желает сына и продолжения фамилии.

Значимость имени. Нить Ариадны

Имя — одна из основ идентичности.

Имя часто дают в силу семейных традиций, нередко семья дает ребенку два или три имени — в честь бабушек и дедушек, в память о пропавших, в честь крестных, дают имена библейские или связанные с политикой, спортом, кино, театром, а иногда модные имена или те, которые выпали в тот день (по календарю).

В некоторых регионах часто встречается имя Мария, в других — старшего сына в каждом поколении обязательно называют одним и тем же именем, например, в Бретани часто дают имя Ив, а в странах мусульманского Востока — Мухамед или Али.

Многие имена имеют библейское или евангельское происхождение: Жан (Иоанн), Жак (Иаков), Пьер (Петр), Люк (Лука), Анна, Мария...

Иногда имя зависит от личного выбора и бывает связано с приятным воспоминанием супружеской пары, с ее свадебным путешествием (например, Флоранс — Флоренция или Франс — Франция). Иногда это тайное напоминание о чьем-то имени, например, имени бывшего жениха... или даже тайного отца. Может быть *имя-травести*, т.е. слегка измененное, либо феминизированное, как, например, Мишель — имя в мужском и женском варианте, либо Мишлин — Микаель (Michel — Michele — Micheline — Michael). Иногда дают «модное» имя, как у звезды (кино, спорта, эстрады, театра, политики...)

Порой люди задаются вопросом: откуда пришло их имя?

Я, например, работала с одной молодой женщиной, с которой случилась серия дорожных происшествий, и она задумалась о том, почему ее зовут Ариадной, ведь это достаточно редкое имя. Она размышляла над тем, какая связь могла быть между ней и ее отцом. Эту проблему было трудно решить: отец умер до ее рождения и она знала о нем только то, что имя для нее выбирал именно он, а значит, была связь между именем Ариадна и отцом. Она начала изучать

греческую мифологию в лице: стала искать Ариадну, нить Ариадны, лабиринт Тезея, но это ничего не дало. Она не чувствовала связи между своим именем, нитью Ариадны и тем образом, который создавался у ее отца о будущем ребенке — либо желанном, либо нет.

Мы начали работать с ней, с историей отца и контекстом его жизни.

Важность контекста (исторического, экономического, культурного)

Я всегда настаиваю на важности *контекста*, в котором протекает жизнь.

К *политико-историческому и социо-экономическому контекстам* можно добавить *литературный, музыкальный и театральный*.

Мы с Ариадной размышляли о тех временах, когда ее отец был молодым, и вдруг я вспомнила, что видела фильм с Морисом Шевалье и Одри Хепберн, который назывался «*Ариадна*». Этот фильм был снят по одноименной книге, которая появилась примерно в 1910—1930 гг., кажется, была и театральная постановка. Тогда я посоветовала своей клиентке продолжать поиски, расспросить родственников, двоюродных братьев, друзей детства отца, не упоминает ли им о чем-то *имя русской девушки Ариадны*. Одна из ее тетюшек сказала: «Как же, я помню, что твой отец играл в театральной пьесе, которая называлась «*Ариадна — русская девушка*». И с этого момента Ариадна смогла начать поиск ответа на свой вопрос: «Что думал обо мне мой отец?» Очевидно, раз ее отец играл в спектакле о русской девушке Ариадне и захотел выбрать такое имя для своего ребенка, значит, этот персонаж чем-то его привлекал. В романе Ариадна была современной молодой девушкой, училась (до войны 1914 года), была независимой, храброй, не вписывалась в общепринятые рамки, сама выбирала свою судьбу, жила одна и к тому же влюбилась в

незаурядного мужчину, который много путешествовал и тоже любил ее. Моя клиентка смогла идентифицировать себя с героиней романа. Она начала много путешествовать по свету (на грани спортивного подвига), смогла найти себя и решить проблемы самоидентификации и идентичности.

Часто бывает сложно найти собственную идентичность.

Контекст, в котором люди рождаются, важен, а значит, важны и привычки, обычаи, нравы, кризисы, мода, эпоха: это их этнологическая ниша в их экосистеме.

Контекст тоже влияет на выбор имени — имена могут быть связаны с семейными традициями или религией, а могут быть навеяны модой. (Жак Дюпекье изучал частотность имен³ во Франции XIX века по регионам и в 1987 г. опубликовал данные своих исследований в работе «*Время Жюлей*»).

Путеводную нить смысла имени для семьи следует «тянуть» с осторожностью: маленькая девочка Виктория, родившаяся в Париже в 1897 г. могла получить свое имя в связи с тем, что родители страстно желали победы и реванша после поражения 1871 г. (Франко-прусская война), или жаждали социальной победы (в борьбе против нищеты), или политической победы (если отец ее отца был «коммунаром»). Она могла получить свое имя в честь королевы Виктории, или в честь прабабушки, или «дамы сердца» отца.

Важно взять за правило выдвигать только рабочие и тем самым нуждающиеся в проверке *гипотезы*, которые могут вызывать у субъекта аффективный отклик, а могут и не вызывать.

³ Жан (7222), Пьер (3141), Луи (2969), Франсуа (2511), Жозеф (2279), Жюль (шестое место в 1860 г.) — с Жозефом и Марией во втором имени для мальчиков. Мария (12661), Жанна (2408), Луиза (1466), Анна (1434), Маргарита (1163) для девушек. Взято из исследования имен детей у 3000 супружеских пар, вступивших в брак между 1803 и 1832 гг., фамилии которых начинались на «Тра» (Траверс или Трабю), и 92700 актов о рождении.

**Жизненный контекст
(учеба, путешествия,
проживание в дальних краях).**

Имя-код, имя-травести, имя-криптограмма

Несмотря на то, что я обычно работаю во Франции, мне случалось бывать на пяти континентах, с их различными культурами, поэтому я имею некоторое представление об универсальности семейных трансгенерационных проблем.

Вот пример. Речь идет о внебрачном ребенке, девочке, и нашей единственной слабой путеводной нитью было ее имя. Она была американкой и звали ее Элен. Она все думала, кто же мог быть ее отцом и почему ее назвали Элен. Мы начали работать. Мы с ней реконструировали тот контекст, в котором жила ее мать, когда забеременела. Клиентка вспомнила, что в ту пору ее мать училась в колледже, вдали от семьи.

Я стала вместе с Элен искать смысл ее имени и предположила, что оно может быть сокращением — L.N., «эл», «эн» (американцы любят давать имена-инициалы). Я подумала, что речь идет о тайном напоминании, об имени-травести, о тайном смысле, который надо разгадать, об инициалах. Тогда я посоветовала ей посмотреть список профессоров и преподавателей, которые могли работать в том колледже во время учебы ее матери. Элен искала имена на L.N. и нашла некоего Луи Николя. Она поехала к нему и спросила, не был ли он знаком с ее матерью. Оказалось, что этот мужчина и в самом деле ее отец, он не знал, что студентка тогда забеременела от него, и был счастлив, что у него обнаружилась дочь.

Существует красная нить, за которую можно потянуть, а есть нити, которые надо вплетать, когда пытаешься восстановить события в их контексте. Это как игра в «паззлы». Получается как при складывании паззлов или отгадывании кроссвордов: чем больше возишься, тем быстрее продвигаешься, обретая привычку, навык и даже изрядный опыт трансгенерационной психотерапии — появ-

ляется картотека клинических случаев, а также и некоторые социо-исторические точки отсчета.

Такая работа по реконструкции позволяет строить гипотезы (часто они оказываются верными), которые всегда следует проверять на месте.

У каждого из нас есть свой *семейный роман*, и каждая семья хранит истории, которые рассказывают и пересказывают — будь то мифическая история, сага или тайны.

Мы все являемся наследниками этой традиции, точнее, наследниками части этой традиции, этой истории.

Мы все метисы?

Наследники двух культур

Мы все — метисы. *Мы произошли от смешения двух различных семей: семьи нашей матери и нашего отца.* Даже если обе эти семьи живут по соседству на одной улице, если наши родители — дальние родственники или коллеги, принадлежащие к одной расе, к одной религии, имеют один цвет кожи, происходят из одной социальной среды, имеют равное социальное положение, одну национальность, принадлежат к одной культуре, — у них не обязательно совпадают вкусы в области кулинарии, литературы, музыки, не одинаковы реакции на холод и жару, не одинаков образ жизни.

Обычно одна из двух семей в паре становится доминирующей, а вторая — как бы «приложением».

Очень часто мы наследуем одну культуру, а не две: есть доминирующая культура, а есть «изгнанная» и «затертая».

Это отнюдь не просто. Часто дело осложняется тем, что в смешанных браках проявляются проблемы столкновения культур.

Вспомним о том, как в великих государствах XIX века происходило собирание воедино различных культур (братоубийственные войны, религиозные и расовые войны), как в конце XX века пробуждался регионализм и национализм, повторялись «балканизация» и «межплеменные войны».

Отголоски этого взрывоопасного смешения культур (*кросскультурные явления*) выявляются в процессе терапии и в трансгенерационных исследованиях.

Внебрачные дети, побочные дети.

Примеры социального и семейного «стыда»

Часть человеческих проблем происходит из того факта, что люди могут принадлежать к семьям «изгоев», «отодвинутых» на задний план, с одним родителем или возникших в результате повторного брака, хотя внешне речь вроде бы идет о так называемых нормальных семьях.

Подобные примеры можно наблюдать в литературе. Что случается с потомками людей, которые были «изгнаны, задвинуты» (и что вызывает у них проблемы)?

В знаменитой пьесе «*Дама с камелиями*» Александр Дюма-сын изобразил драму, которая происходит тогда, когда молодой человек из хорошей семьи влюбляется в женщину из другого круга, которая добивается места под солнцем, становясь «содержанкой». Маргарита Готье благодаря любви Армана Дюваля как бы вновь становится девственницей, очищается и полностью меняется. Семья Дюваля вмещивается, он не женится на Маргарите, и она (от этого) умирает. Задумаемся над тем, почему Александр Дюма-сын написал такую историю. Это был порядочный молодой человек, сын известного писателя, его хорошо принимали в парижских кругах начала века. Если вы посмотрите на фотографии Александра Дюма-отца, то заметите, что у него были черные, немного курчавые волосы, которые он унаследовал от матери — уроженки одного из островов, а значит, от чернокожей бабушки. Он метис, цветной (квартерон). Иногда он страдал от того, что отличался от «других людей» в Париже, хоть и был модным писателем.

Можно сказать, что пьеса «*Дама с камелиями*» — свидетельство того, что отец Александра Дюма-сына страдал от того, что был вынужден скрывать историю своих цветных предков, хотя его привез в Париж настоящий отец, дворян-

нин. Сын написал об этом страдании, которое отозвалось, как эхо*.

Напомним, что то же самое «литературное» явление встречается у Эрже: Серж Тиссерон, изучая капитана Хэддока, персонаж историй о приключениях *Тентена*, выявил, что их автор, Эрже, страдал от двусмысленной генеалогии (якобы его отец был внебрачным сыном и, возможно, благородных или королевских кровей) и сам Жорж Реми (в школе он подписывался инициалами R.G. — «эр-же»: Эрже) якобы излечился в процессе сочинения историй.

Задачи геносоциограммы

- Ясно показать *историю семьи*⁴ — «нуклеарной» и изначальной, выявляя отношения между составляющими ее людьми.
- Обнаружить, что мир начался не с наших собственных родителей, что они происходят из мира, который начал свое существование задолго до них, т.е. определить свое место в *трансгенерационной перспективе* и начать поиск своих корней, своей идентичности.
- Выявить *процессы трансгенерационной передачи* и явления *трансгенерационного повторения*, например, «скрытую семейную лояльность», семейные тайны, мифы, совпадения, «синдромы годовщины».
- Понять последствия незавершенного траура, невысказанности, осознать такую ситуацию, как «замещающий ребенок», выявить работу «призрака» в семейном бессознательном, «мертвой матери».
- Выявить различные *семейные роли* и те правила, которые стоят за ними, чтобы понять, каким образом в семье проявляются трансактные модальности. Затем указать, как мог внутри семьи передаваться *жизнен-*

* Этот сюжет также обыгран в одной из книг Марии Вире и в поставленном по книге фильме.

⁴ Тема моего курса лекций в университете Ниццы в 1986 — 1990 гг., а в 1991 г. — и о тайне.

ный сценарий, или «кто чьих детей воспитывает», рассмотреть «повторы» в выборе специальности, профессии, «убегании», болезнях.

- Геносоциограмма, применяемая в основном в психотерапии, может также использоваться при подготовке профессионалов в области здравоохранения и социальной помощи.
- Наконец, геносоциограмму можно рассматривать как институциональный инструмент, используемый, например, в промышленности и в больницах, в школах (на уроках математики с возраста 11 лет, т.е. по окончании начальной школы).

Понимая, каким образом строилось взаимодействие субъекта в группе, откуда он произошел, можно сделать ценные выводы о том, как он будет вести себя в институциональной группе: о его месте и роли в группе, запросах, реакции на проблемы других (больных), взаимодействии со специалистами из числа лечебного персонала, значимости вербального и невербального поведения и т.д.

Но, чтобы пользоваться этим инструментом, важно иметь хорошую базовую подготовку — уметь слушать собеседника и работать над собой с учетом этой перспективы.

Наконец, геносоциограмма является орудием познания самого себя, своей семьи, невидимых семейных повторений.

Составив собственную геносоциограмму, терапевт или преподаватель лучше узнает историю собственной семьи, лучше осознает, что может передаваться от одного поколения к другому. Зная эти факты, он сумеет лучше понять свое собственное функционирование, а значит, прояснить некоторые свои поступки. Он лучше поймет, откуда ему что-то слышится и что он может не услышать (например, о самоубийстве, разводе, внебрачном ребенке, смерти от серьезной болезни или несчастного случая, или ему слышатся разговоры о немцах, японцах, арабах, «иностранцах»...). Он может не доверять тому, что проецируется, продолжая прислушиваться к своим ассоциациям. Так он сможет лучше слушать, слышать, воспринимать.

МОЯ КЛИНИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В ТРАНГЕНЕРАЦИОННОМ МЕТОДЕ

Я редко занимаюсь индивидуальным консультированием — только в случае серьезных заболеваний (главным образом рак, иногда — СПИД), а чаще всего работаю в группе.

Я придерживаюсь мнения, что энергия, динамика, которые переходят от одного участника группы к другому, помогают людям уточнить, «вытащить», ухватить их проблему или даже выразить ее словами.

При работе в *маленькой группе* замечаешь, как *жизненная история одних пробуждает воспоминания в других*. Люди сравнивают себя друг с другом, подогревают друг друга, пробуждают воспоминания: человек вспоминает, вновь переживает, *видит* и, наконец, *высказывается*. После двух-трех интенсивных сессий, посвященных работе с геносоциограммами (от двух до пяти дней), участникам этих групп удастся лучше понять свою семью, ее мифы, системы, свою историю, идентичность и то, что мешает им быть самими собой.

Роберт Музиль так пишет о семье в «*Человеке без качества*»: «Конечно же, нужно, чтобы каждый индивид уже представлял собой определенное архитектурное сооружение, а иначе тот ансамбль, который они составляют, будет абсурдной карикатурой».

Еще одно замечание, которое наводит на размышления. В группах, которые я веду, участвуют преимущественно женщины, как будто представительниц этого угнетаемого большинства гораздо сильнее заботит поиск собственной идентичности.

Эта групповая работа занимает около двадцати часов и укладывается в два с половиной дня, в «полу-марафон» или в одну неделю.

Участвуют в ней люди из самых разных кругов. Среди них встречаются представительницы класса буржуа, чиновники, коммерсанты, врачи, социальные работники, медицинские сестры, психологи, преподаватели, изредка священники или пасторы, психотерапевты, неработающие жены-домохозяйки, иногда руководящие кадры промышленности. Нелегко объяснить простыми словами то, как людям, пришедшим с разными проблемами, имеющим различный кругозор, удается за короткий срок избавиться от запрета на высказывание того, что их мучает — того, о чем никто никогда бы не догадался. Они начинают рассказывать вещи, которыми никогда не делились с близкими (даже на сеансах психотерапии или психоанализа).

Нас больше всего поразило то, что во время работы в клинике складывались какие-то особые отношения, вырисовывалось *сходство* между различными семейными историями участников, иногда в рамках *почти одной и той же общей темы*.

Удивляло и то, как все хорошо слушали в группе, как быстро возникала доброжелательность и эмпатия.

Отклик группы позволяет человеку, составляющему свою геносоциограмму, продвигаться дальше в своих открытиях, и параллельно каждый из членов группы получает помощь от того, кто излагает свою семейную трансгенерационную историю, чтобы понять свою личную геносоциограмму.

Например, во многих семьях происходили похожие истории. Однако участники до начала групповой работы не были знакомы друг с другом, записались «случайно». И вот в других членах группы они вдруг находят отражения своих собственных семейных событий...

Например, в одной группе было много сирот военного времени, в другой собрались молодые девушки и женщины, оказавшиеся жертвами инцеста и/или изнасилования (отцом, братом, дедом, другом отца, поденным рабочим, соседом), в третьей было много детей моряков,

погибших в море, отчего вновь всплывали названия потопленных кораблей («Руайяль»), морских битв, исторических событий.

Еще в одной группе было много случаев насильственной смерти: сестру одного из участников убили на автостоянке, двоюродный дедушка другой убил свою жену в приступе ревности, секретарша пострадала от взрыва бомбы в Париже во время покушения на улице Ренн (она была одной из двадцати раненых), самоубийством покончил жизнь дядя еще одной участницы, у другой — муж крестной...

Еще в одной группе многие дети, прошедшие через благотворительные заведения УССД*, имели опыт сильных переживаний из-за своего положения «безотцовщины» (дети, родившиеся у матерей-одиночек, или покинутые, или рожденные вне брака), или из-за того, что их бросила мать (они были усыновленными детьми). Многих других участников воспитывали бабушка или тетя (хотя у них и были живы родители — мелкие коммерсанты, военные, странствующие актеры, дипломаты, отправленные за рубеж руководители предприятий), либо их помещали в интернаты, неважно, по какой причине.

Обычно им приходилось переживать печаль и отчасти стыд из-за того, что мать или оба родителя отказались от них, что усугублялось страданием из-за расставания, когда родители вновь брали своего ребенка (детей) от бабушки, тети, няни. Еще тяжелее было переносить ситуацию, когда единственный ребенок воспитывался не матерью, а другими людьми. Такой случай в семьях часто повторялся через определенное время.

Еще в одной группе были мигранты, эмигранты, перемещенные лица (внутри страны), изгнанники, и они, несмотря на различия расы, культуры, политических взглядов (отличающихся, а подчас и противоположных), осознавали себя «братьями».

* УССД — управление по санитарным и социальным делам во Франции.

Группа, Мари и другие

Однажды я проводила в одном большом западноевропейском городе семинар для семи человек. В нем участвовали: дама из хорошей семьи, у которой были крупные неприятности с детьми и особенно с сыном; медсестра, у которой сначала был рак груди, а потом — костей; разведенная женщина, красивая и энергичная; преподавательница йоги; женщина — специалист в области генеалогии; психотерапевт.

Неважно, каковы были их семейное положение и профессия: у всех были проблемы, с которыми они уже не могли справиться, настолько тяжелым был этот груз.

Все они на первый взгляд казались миролюбивыми женщинами, ответственными, занимающими высокое социальное положение, всем им было около сорока лет (это тоже имеет значение — в жизненном цикле это тот период, когда возникают вопросы, предстоит перешагнуть определенный рубеж, это время, когда выросшие дети уходят из дома), в их геносоциограммах обнаружили «дыры», пробелы, травмы, а иногда и «призраки».

У одной женщины и ее дочери оказались проблемы со зрением, несмотря на то, что они принадлежали к семье, где в трех поколениях были блестящие офтальмологи. По линии же мужа существовало как бы обязательство работать вместе со своим отцом, что, вероятно, сын бессознательно не принимал, отсюда проблема — подавленное состояние от «ощущения тяжести жизни» (наркотики, сигареты, алкоголь...). Это типичная семья, где для того, чтобы существовать, полагалось «внести залог». И все с улыбкой принимали то, что ради хорошего образования приходилось выносить этот гнет, это внутреннее обязательство подчиняться семейным правилам. Но иногда некоторым становилось не в состоянии, тело бунтовало (в данной семье это проявлялось в виде косоглазия, приверженности к наркотикам).

Медсестра Клод, у которой был рак костей, развившийся после рака груди, носит то же имя, что и ее бабушка. Та

тоже была медсестрой и умерла от лекарственного цирроза. И у нее была кома, которая произошла в 1944 г., когда поступило известие о смерти отца, подпольщика¹, в концентрационном лагере Маутхаузен (отец не был погребен в могиле, место его захоронения было неизвестно). Во сне ей всегда видится, как она едет в лагерь Маутхаузен, чтобы найти его могилу. По отцовской линии Клод — дочь героя, но один ее дядя по материнской линии, о котором *никогда не говорят в семье*, был «коллаборационистом»². Она предчувствует, что в семье о чем-то умалчивают, и страдает от этого. В детстве Клод всегда ощущала себя лишней, думала, что она не родная дочь, а усыновленная. Первое раковое заболевание появилось у нее вскоре после того, как она узнала, что ее дочь стала любовницей ее собственного любовника. Она сумела *«это высказать»* благодаря нашей общей поддержке. Клод явно стало легче, она сказала: *«Когда все это видишь, то очень больно, но когда об этом можно поговорить, боль проходит, становится легче»*.

Мари была любимым ребенком, веселым и беззаботным шалуном. Но в семилетнем возрасте, когда умер ее дедушка по маминной линии (она присутствовала на похоронах), у нее начала болеть голова, главным образом по четвергам, воскресеньям и праздничным дням.

¹ Участника движения Сопротивления во время немецкой оккупации в период Второй мировой войны. Многие из них были арестованы, подвергнуты пыткам, угнаны, убиты. Их считали героями.

² То есть он сотрудничал с немецкими оккупантами Франции во время войны (1940 — 1945) после перемирия, предложенного Петеном и правительством Виши. По иронии судьбы многие из сотрудничавших были найдены и привлечены к судебной ответственности после Освобождения и окончания войны. Вспомним Нюрнбергский процесс (в октябре 1946 г.), когда проходил суд над нацистскими руководителями и были вынесены приговоры за преступления против человечества. Еще в 1990-х гг., пятьдесят лет спустя после самих событий (так как по этим преступлениям не имеется срока давности), дела заводятся и передаются в суд. Некоторые семьи сбросили с себя «ноеву мантию» по тем или иным фактам сотрудничества, рассматриваемым как позорное «пятно». Во Франции это внесло раскол в семьи, так же как и дело Дрейфуса (между 1894 и 1904 — 1906 гг.).

Головные боли не утихали, хотя ее и водили на консультации ко многим врачам, и это несколько отравляло ее жизнь. В двадцать два года Мари вышла замуж за специалиста в области добычи нефти и более десяти раз переезжала с места на место. Семь лет тому назад она оказалась свидетелем очень серьезной дорожной катастрофы, случившейся с двумя ее братьями, и с этого дня ей все мерещится рука старшего брата в мозгу другого. Все это создает проблемы, страх, Мари старается справляться с ними, как может. В тридцать три года она разводится, начинает с легкостью зарабатывать деньги: «Тогда я впервые получила *собственные деньги*».

Двое ее детей живут у бывшего мужа, с которым Мари поддерживает дружеские отношения, но ее сын принимает наркотики. Внешне у нее все есть, но она говорит о том, что не *живет своей жизнью, а скорее выживает*. У Мари по-прежнему сохранилось выражение лица счастливого ребенка, это «ее социальная маска», однако вся ее жизнь подчинена ритму ее головных болей, с их «любимыми» днями.

Мы с Мари работаем над историей ее семьи, вспоминаем, что могло ее травмировать и в детстве, и тогда, когда она стала взрослой женщиной, и выстраиваем ее геносоциограмму. Говоря о деде и его смерти, которую мы проигрываем в психодраме, она испытывает сильное волнение (настоящий катарсис в психоаналитическом и психодраматическом значении этого слова); она разговаривает со своим дедом (вспомогательным «я») о том, как тяжело ей было и как сильно она испугалась в момент его похорон, объясняет ему и самой себе, что же произошло, вновь и вновь говорит ему о своей привязанности, затем у нее вырывается глубокий вздох облегчения.

После этих слов головные боли исчезают, и *она начинает, наконец, жить*.

У Маргариты свой успешный путь: она несколько лет занимается йогой, приобщившись к ней из любви к дочери, которая долго жила в Индии. Затем изучает астроло-

гию³, возможно, для того, чтобы понять, отчего в ее семье вот уже в трех поколениях кто-то уезжает очень далеко. Сначала бабушка, куда — неизвестно, затем ее брат — в Соединенные Штаты, наконец, ее дочь — после долгих пяти лет скитаний в Азии окончательно осела в Новой Зеландии. А затем, по мере того, как пробуждаются семейные воспоминания, в ее генеалогическом древе по отцовской линии обнаруживается такой случай: двоюродная бабушка выходит замуж по очереди за трех братьев, первые два один за другим кончают жизнь самоубийством. Другая замужняя двоюродная бабушка кончает жизнь самоубийством, бросившись в колодец. И, наконец, муж той, которая бросилась в колодец, женился на женщине, чей отец тоже покончил жизнь самоубийством, бросившись в колодец. Вероятно, можно задать себе вопрос: «А не были ли эти случаи *самоубийств в колодце*, когда кто-то поддавался зову воды и миражей, «первыми ласточками» в этой серии путешественников в дальние «края»? (Конечно, это только гипотеза.)

Вероника — учительница начальных классов, она живет в служебной квартире, ее уважают на работе. Однако она испытывает почти непреодолимое желание все изменить: работу, жилище, спутника; она рассталась со своим другом, поскольку ей хотелось бы жить с кем-то, кого она еще не встретила. Генеалогическое древо, геносоциограмма Вероники являются иллюстрацией того, что мы, терапевты, работающие в рамках трансгенерационного метода, называем «непомышляемое генеалогическое».

Традиционно различают сознательное, бессознательное и предсознательное. Отличают то, что проговаривается и продумывается, от того, что продумывается и осознается, не высказывается, скрывается, замалчивается и передает-

³ Я повторяю, что для меня астрология и искусство ясновидения, так же как и Таро, являются искусством или времяпрепровождением, — но не наукой, не психологией в академическом и научно-клиническом смысле термина.

ся как тайна, от того, что так трудно выразить и признать (неуловимое), от того, что ужасно настолько, что мы не смеем даже думать об этом (немыслимое)⁴.

Альбертина «чувствует», что попадает в семейную ловушку: ей явственно видится, что она должна «нести» тайны других. Ее геносоциограмма — это целый роман с неожиданными поворотами, с «тайнами», засевшими в каждой ветви семьи.

С материнской стороны в пяти поколениях женщины не воспитывают своих детей, по крайней мере, одного из детей. Началось все, кажется, в начале XIX века с девочки, которую усыновила и воспитала владелица замка, в семье про нее говорили, что она якобы и была настоящей матерью ребенка. И вот снова речь заходит о владелице замка, которая дарила отцу и дяде Эржэ прекрасную одежду. Говорят также, будто у бабушки Альбертины был тайный незаконнорожденный ребенок. Внешне у нее с мужем был идеальный брак, но в их отношениях ощущалась напряженность. Он говорил ей: «Я физически воспрепятствую твоему отъезду!» Она ему отвечала: «Тогда тебе придется меня убить». «У меня не было выбора, мне приходилось оставаться там, иначе он убил бы меня». Со

⁴ Говорят о передаче тайны или несказанного, того, что становится запретным, вытесняется, чего избегают упоминать и даже считают неуловимым или непомышляемым.

Обычно существует представление об аффектах и чувствах, когда есть возможность их психической проработки. Но в некоторых случаях событие рассматривается как столь серьезное и травмирующее или настолько преждевременное, что о нем не существует сколько-нибудь внятного умственного представления. Оно рассматривается как невозможное, немыслимое событие (непомысленное) и, таким образом, остается неотработанным, а лишь оставляет сенсорные или моторные следы — телесные или психосоматические. Для многих современных аналитиков это скорее соответствовало бы преждевременному травматизму в возрасте, который не позволил бы психическую интеграцию. Напомним, что Франсуаза Дольто считала, что груднички, маленькие дети и собаки все воспринимают и интегрируют. В самых общих чертах, по отношению к событию, связанному с травмирующими переживаниями в прошлом, можно сказать, что бабушки и дедушки умалчивают и передают невысказанное, что будет предугадываться детьми и станет для них тайной (невысказанным, непроговариваемым, неуловимым), а для их собственных детей (то есть внуков тех, кто пережил событие) оно будет непомышляемым.

стороны отца в давнем поколении якобы кто-то умер от желтой лихорадки, но в семье шептались о том, что он-де умер в психиатрической больнице (*постыдные тайны* такого рода в семьях скрывают, а от этой «невысказанности» страдают потомки). Брату прадеда *предсказали* (акушерка), что он умрет новорожденным, у него были сросшиеся пальцы, он умер в полтора года. Альбертину, как и одну из ее сестер, воспитывал дедушка, учил их читать, писать, считать. Таким образом, здесь мы вновь встречаем ситуацию, когда по семейной «традиции» детей часто воспитывали другие люди, обычно бабушка с дедушкой (начало этому положил случай с неизвестной владелицей замка в начале XIX века, когда она удочерила девочку). Ее сестра была на третьем месяце беременности, когда воспитавший их обеих дедушка умер. Итак, роды сестры проходят в атмосфере траурной грусти. Она стала, по терминологии Андре Грина, *мертвой матерью*⁵, т.е. живой, но похожей на мертвую, погруженной в свои грустные мысли. Дочь ее страдает психотическим расстройством. У другой сестры, которая воспитывалась в пансионе с четырехлетнего возраста, случаются периоды бреда: она заявляет, что ее отец — немец.

Альбертина предчувствовала, «чувствовала» все эти «тайны», теперь она терпеливо обнаруживает их и может, наконец, *высказать неуловимое и непомышляемое*. От этого она испытывает облегчение, но ей все еще не удастся избавиться от пут «западни», которая хотела ее поглотить. Нужно еще раз поработать со всем этим.

Конечно, недостаточно выявить прошлую семейную травму, тайну или несправедливую смерть, чтобы радикально изменить жизнь или здоровье, но обнаружение проблемы, высказывание невысказанного, наконец, сама возможность высказаться приносят облегчение и становятся первым шагом на пути к изменению.

⁵ «Мертвая мать», см.: *Narcissisme de vie, narcissisme de mort*, Paris, Minuit, 1983.

Можно было бы продолжать ворошить прошлое и находить тайны, невысказанное, «трудные» события, *примечательные ситуации*, которые в той или иной степени оказывают влияние на последующие поколения, особенно на некоторых потомков.

Напомним, что многие исследования и школы работают над проблемой передачи: как, по отношению к кому, почему она осуществляется?

Я в самом начале говорила о том, что жизнь каждого из нас — это роман. Когда несущее нас генеалогическое древо имеет много «пробелов», «пустот», «белых пятен», это так или иначе негативно влияет на нас, мы не знаем, кто же мы на самом деле.

Каждый ощущает эту потребность найти свое место, как персонаж с картины Гогена: «Откуда мы пришли? Где мы? Куда идем?» Другими словами, по высказыванию Музиля, мы можем являться лишь этаким «абсурдной карикатурой».

Вновь обрести свою идентичность.

Передача

Клиника и научные исследования, посвященные *покинутым детям*, которых собрали в приюте для детей-сирот, держали у себя сменяющие друг друга няни, а затем организация, занимающаяся социальной благотворительностью (раньше она называлась «Ассистанс Публик», теперь — УССД) показали наличие психологических или психотических проблем, трудность или невозможность влиться в школьную, либо профессиональную жизнь, как описывает, в частности, психолог Мартина Лани и как видно из многих научных работ, проведенных под моим руководством.

Эти проблемы встречаются также у «детей улицы», у детей матерей-одиночек, сменивших несколько «пап» (или «дядей»), в *расширенных восстановленных семьях*, где «они не могут определить свое место». Но бывают исключения, таких детей американцы называют «несгибаемыми» (*unbre-*

akable). Они обладают высоким запасом прочности, выдерживают все, даже концлагеря (см. Борис Цирюльник).

Запас прочности

«Несгибаемые дети», которые выдерживают все, и проблемы их потомков

Иногда кажется, что некоторые дети, не имеющие отца, а часто и матери, без семьи, без поддержки, выживают вопреки всему. Об этих успехах психоаналитики (особенно те, кто их популяризировал) «забыли», и работники социальных служб тоже. Они (ошибочно) продолжают говорить, что основа равновесия и идентичности создается с трех или до семи лет, и если этот период прошел неудачно, то возникнут проблемы. Но уже Дж. Боулби видел исключение в своем знаменитом исследовании, посвященном покинутым детям, а недавно американские, а за ними и французские исследования (см. Борис Цирюльник) выявили случаи выдающихся семейных и профессиональных успехов детей, «воспитанных» на улице либо в концентрационных лагерях.

«Базовая безопасность».

Жизненный порыв

Возможно, этим детям удастся выжить, потому что у них есть *врожденный или скрытый стержень*, связанный с *огромной жизненной энергией*, которая позволяет им быстро подняться, — иногда благодаря тому, что они сумели найти замещающих отцов или матерей или замену старшим братьям. Франсуа Тоскель, кстати, говорил о *поли-отцах и поли-матерях* в нашей современной цивилизации.

Это основы безопасности, они даются *родителями* или теми, кто с *любовью* их заменил, в момент рождения или научения: как не упасть, делая свои первые шаги (у животных это происходит при вылизывании). В противном случае получают «недолизанные» медведи или неудачники по жизни и даже «смертники».

Некоторые *встречи* не только помогают, но и позволяют *выжить* и почти нормально *развиваться*, «открывая путь в жизнь»: дед, бабушка или сосед (соседка), занимающийся воспитанием родственник, учитель в школе, великодушный начальник, кто-то, заслуживающий доверия, или иной «помощник» или «проводник», товарищ по несчастью или попутчик (везде, даже в концентрационном лагере, военном либо политическом). Этот «кто-то» является столь необходимой палочкой-выручалочкой и позволяет поверить в жизнь.

Чтобы охарактеризовать таких «несгибаемых» детей, недавно придумали термин «*запас прочности*», который обозначает способность достичь успеха, выходить из трудных ситуаций, жить, развиваться, несмотря на противодействие обстоятельств (несмотря на психологический, а скорее и биологический отпечаток, который накладывает травма или рана).

Проблема проявляется у их потомства, поскольку *травма, которая передается, намного сильнее той, которую получают*, как это недавно обнаружили на примере дозировки кортизола. Исследовались рецепторы кортикоидов и секреторий CRF (Cortico-Relieving Factor), его уровень (как указано Цирюльником, 1999) в четыре раза выше у потомков тех, кто перенес травму, чем у самих травмированных. Так и дети выживших во время Холокоста в три раза чаще страдают от *посттравматических синдромов*, чем их родители, которые в реальной жизни страдали и боролись (см. R. Yehuda, 1995).

***Что нужно сделать,
чтобы узнать о своем происхождении?***

На первом этапе, в начале работы в трансгенерационной терапии предполагается *определить, откуда я пришел, найти себя, понять, что досталось в наследство* (свою идентичность). Это осуществляется при поддержке, теплом участии со стороны как терапевта, так и группы.

Воспоминания, реальные или с долей фантазии, обнажаются, а затем, на втором этапе, мы свободно находим свое место в этом ряду, и тогда можно расширить горизон-

ты, представить себя в будущем, начать испытывать желания, потребности, выстроить свой проект собственной жизни. Найти свою идентичность, свое «я». По сути, всегда, с самого рождения стоит проблема — перерезать пуповину, отделить Себя от Другого (матери, семьи, как показывает Мюррей Боуэн). Подобное «рассоединение» приходится продолжать, чаще всего оно проходит тяжело. В результате мы получаем свою *собственную идентичность* через долгое приобщение к родственным связям. Речь идет о зрелости, о взрослении *после работы, связанной с саморазвитием, или после психотерапии*. Американцы вслед за Карлом Роджерсом называют это *личностным ростом* (*growth* — вырасти, повзрослеть, раскрыться).

Трансгенерационную работу только начинают понимать, и научные исследования, особенно статистические, пока чрезвычайно редки или вовсе отсутствуют (не считая диссертационной работы Жозефины Хилгард 1953 г. на соискание ученой степени доктора психологии).

Как происходит передача?

Эта тема время от времени освещается, но еще далеко до объяснения того, как действует эта память, ее следы. Что это — генетическая память? Но как она функционирует?

Человек — единственное говорящее существо. Может быть, слово, высказанное или невысказанное, язык (вербальный или телесный) и являются теми передающими устройствами, которые еще предстоит открыть?

Напомним, что Фрейд интересовался *семейным романом*, который он описывал в 1909 г. как выражение фантазий субъекта по поводу его связей со своими родителями. Например, человек мог вообразить, что его нашли, или что он сын важной персоны, переданный на воспитание в другую семью, или что он сын знатной особы, или что его похитили цыгане (это близко к теории Отто Ранка о мифе рождения героя, 1909).

В наше время термин «*семейный роман*» иногда употребляют в расширенном значении — *семейная сага*, т.е. ис-

тория, рассказываемая семьей о своей собственной истории, в которой перемешаны воспоминания, пропуски, умолчания, добавления, фантазии и реальность. Для детей, воспитанных в такой семье, все они имеют психическую реальность.

Большинство людей задаются вопросом о своем происхождении, что выводит их к *первичной фантазии*, обычно связанной с *первичной сценой* (т.е. с зачатием индивида, а также с наблюдением за сексуальными отношениями родителей, иногда через замочную скважину... Фантазия или реальность?).

Фрейд уже в своих первых работах уточняет, что в бессознательном и в памяти не бывает реальности фактов:

«В бессознательном отсутствуют какие-либо «указатели» на реальность, в том смысле, что невозможно отделить одно от другого — правду от вымысла, питаемого аффектами. Вероятно, речь идет о чувствах или о реальности, которая образуется на основе *услышанного*, они обретают значение *в последствии*; в них соединяется прожитое и услышанное, прошлое (по рассказам о родителях и предках) и то, что они видели сами» (Freud, *Draft L*). «Они соотносятся с услышанным так же, как сны соотносятся с увиденным» (Freud, *Draft L*). «Кроме того, фантазии возникают при бессознательном комбинировании увиденного и услышанного» (Freud, *Draft M*).

Вот уже несколько лет некоторые психоаналитики размышляют над проблемой *первичного, первичной фантазии* и *передачи* чего-то важного от одного поколения к другому. Когда я перечитывала Фрейда и тех, кто его комментировал, в частности, Лапланша и Понталиса, а также отчет о работе коллоквиума по психоанализу в Провансе (Монпелье, ноябрь 1983 г.), мне показалось, что проблема первичного вновь становится актуальной. Перечитав разные редакции фрейдовских текстов (в частности, *Draft L* и

М и его ссылки на семейные «призраки»), я подумала, что Фрейда интересовала проблема психической передачи от одного поколения к другому, хоть он и не развил вглубь эту тему и не обсуждал ее в опубликованных работах.

Первичные фантазии можно определить, как это делает Андре Грин, следующим образом: «Отношение субъекта с теми, кто его произвел на свет, с учетом двойного различия пола и поколений, о которых известно, что они оказывают основополагающее воздействие на структурирование всей личности и ее модальностей (Donnet J. L. et Green A., *L'enfant et le ça*, Paris, Éd. de Minuit, 1973).

Интуиция Фрейда — это всего лишь интуиция и клиническая констатация; нам еще предстоит выполнить углубленное исследование эффекта трансгенерационной передачи, как по отношению к человеку, так и к животным.

Трансгенерационное и интергенерационное.

Память, к которой вновь обращаются:

живая память или провалы памяти

Различают два типа семейной «передачи» — осознанную или бессознательную, «метаболизированную» или нет:

— те виды *межгенерационной передачи*, о которых думают и которые обсуждают бабушки и дедушки, родители и дети: это семейные привычки, шноровка, стиль жизни. От отца к сыну передаются профессии врача, учителя, фермера, нотариуса, моряка, военного. Мы работаем «на почте» или «на железной дороге», у кого-то «талант садовода и огородника», или «музыкальный слух», «кулинарные способности», кто-то «любитель поесть» (или наоборот).

— о *трансгенерационной передаче* не говорят, это тайна, непроговариваемое, умалчиваемое, скрываемое, иногда об этом запрещено даже думать («непомышляемое»), все это входит в жизнь потомков, хотя об этом не думают, не «переваривают». Вот тогда появляются травмы, болезни, соматические либо психосоматические проблемы, которые часто исчезают, когда о них размышляют, говорят, оплаки-

вают их, о них кричат, если над ними работают и «перерабатывают» их. Наблюдаются случаи ужасных кошмаров у некоторых внуков депортированных, участников сопротивления, нацистов, погибших в море, умерших при разных обстоятельствах без погребения. Такое случается даже у потомков живых людей, перенесших травму из-за слишком тяжелого прошлого (о котором не говорили, умалчивали), это шок от «ветра пушечного ядра»*.

* N.B. Мы совершенно сознательно не цитируем работы Зонди (Szondi), так как, с одной стороны, я верю не в судьбу, а только в возможность делать выбор и изменять свою жизнь (поэтому я профессор, терапевт, учитель и провожу исследование действием). А с другой стороны, в ряде исследований, проведенных в Париже в 1950-1954 гг. с доктором Марселем-Полем Шутценбергером, и повторенных в Соединенных Штатах Арди Любенем, мы показали, что Зонди ничего не доказал (см.: 1976 «Contributions à l'étude de la communication non verbale», статьи об Испании и США.).

КЛИНИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ С УПРОЩЕННЫМИ ГЕНОСОЦИОГРАММАМИ

Синдром годовщины и семейная невидимая лояльность

Перейдем к рассмотрению нескольких клинических случаев. При этом я изложу свои объяснения, полученные мной лично и проверенные на практике.

В течение примерно двадцати лет я занималась тяжело больными людьми, страдающими раком в последней стадии, старалась помочь им облегчить жизнь. К своему большому удивлению, я обнаружила среди родственников этих людей повторяющиеся случаи тяжелых болезней (не передающихся по наследству)¹.

Все происходит так, как если бы что-то проявлялось и передавалось от деда к внуку или внучке.

Можно сказать, что все происходит так, как если бы нечто, о чем нельзя забыть, передавалось из поколения в поколение (нельзя было забыть о каком-то *событии в жизни* — *нельзя ни забыть, ни говорить о нем, а лишь молча передавать*).

Шарль: синдром годовщины и невидимая лояльность семье

Рассмотрим клинический случай человека, больного раком. Я писала о нем в моей книге «*Стремиться к исцелению*» и опубликовала его упрощенную геносоциограмму.

Я хочу описать ситуацию этого человека. Его зовут, скажем, Шарль, он страдает раком яичек. Ему тридцать

¹ Vouloir guérir, rééd. compl. 1991, с генограммой.

девять лет, он работает коммивояжером. Его оперируют, он чувствует себя хорошо. Все нормально, как обычно. Через шесть месяцев у него наступает ухудшение. В легких появляются метастазы. Так бывает. Но он отказывается от химиотерапии и от любого другого лечения. Его состояние ухудшается, без врачебного вмешательства он умрет.

Мы стараемся вместе с ним разобраться в его ситуации: он женат*, у него девятилетняя дочь, он любит свою жену и свою профессию, он происходит из старинной семьи из Савойи. Возникает вопрос: почему он согласился на хирургическую операцию, а химиотерапию и любое другое лечение отвергает? Мы говорим с ним об этом, и то, что он сообщает о своей семье, записывается в его присутствии, вместе с ним и для него в виде генеалогического древа с комментариями (геносоциограммы).

Начинаем с него самого, его жены и их дочери, затем поднимаемся по восходящей линии генеалогического древа: его отцу семьдесят лет, матери — шестьдесят девять; его отец — мясник, он здоров. Здесь, если отметить, что отец Шарля мясник и что больной согласился на операцию, возможно, появится гипотеза: поскольку отец в совершенстве владеет ножом, Шарль верит в силу ножа: нож ему кажется знакомым предметом, и он согласился на хирургическую операцию. Но тогда почему он впоследствии отказывается от лечения? Все еще непонятно, почему Шарль отвергает химиотерапию.

Поднимаемся выше по генеалогическому древу: дед Шарля умер в тридцать девять лет от удара верблюда в пах (мы это не выдумали!). Удары ноги верблюда не наследуются! Вот почему я для иллюстрации своих рассуждений выбрала этот пример.

Итак, очевидно, что Шарль готов умереть в *том же возрасте*, что и его дед, и *поражен у него тот же орган*: можно даже сказать, что у него «случайно» оказалось заболева-

* Ради упрощения схемы их брачный союз обозначен одной линией.

Упрощенная генсоциограмма Шарля

Двойной синдром годовщины; повторение одного и того же возраста отца (39) и ребенка (9).

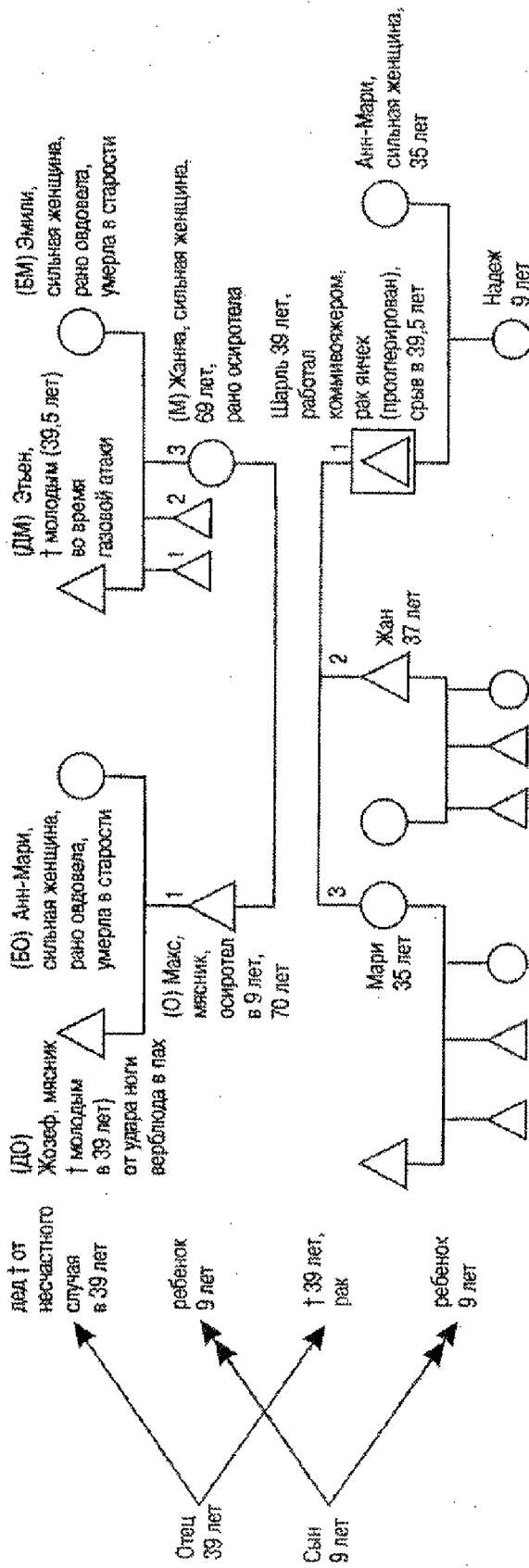

Рис. 1.

Комментарий. Можно было бы сказать, что Шарль «вписывает» в свое тело болезнь и риск смерти, свои транзгенерационные связи и ловляность по отношению к семье: у него поражены яички, как и у его деда по линии отца (ДО), и осложнение с легкими, как у деда по линии матери (ДМ, отравлен газом), которые проявились в том же возрасте (39 лет). Он соглашается на хирургическую операцию, но отказывается от других видов лечения (химиотерапии, радиотерапии, локальной медицины), как сын мясника, доверяя только ношу. Все женщины семейства отличаются очень сильным характером, две бабушки рано стали вдовами. Кроме того, отец Шарля остался без отца в 9 лет и дочь Шарля рискует остаться сиротой в 9 лет, так как он считает себя безнадежным, а его жена рискует остаться молодой вдовой. В семье существует повторяющийся сценарий смерти отца в 39 лет, оставляющего после себя девятилетнего ребенка. Обращает на себя внимание повторение имен женщин (Мари-Анн и Анн).

Проанализировав все это вместе с Шарлем, мы попытаемся помочь ему «обрести другие рамки» и перестроить жизненный сценарий неудачника (смерть в раннем возрасте) на сценарий победителя: можно любить своего деда, но не обязательно умирать, как он, молодым.

ние яичек, т.е. в том же месте, что и у деда, умершего от этого («невидимая лояльность»?)!

Продолжаем изучать генеалогию Шарля по материнской линии: мать тоже рано осталась сиротой. Отец его матери, то есть дед, погиб на войне в тридцать девять с половиной лет во время газовой атаки, то есть от поражения легких.

Здесь можно констатировать следующее (это будет встречаться и в других клинических случаях, поскольку моя картотека составляет примерно три-четыре сотни геносоциограмм): когда люди женятся, это происходит совсем не случайно; часто они находят себе супругов, имеющих ту же семейную конфигурацию, что и у них самих, или те же болезни или даже те же имена, одинаковые детские травмы.

Две родительские семьи такой пары зеркально отражаются.

Рассмотрим историю родителей Шарля более детально. Его мать рано осталась сиротой, отец стал сиротой в девять лет, оба деда умерли в тридцать девять лет. Дед по материнской линии умер от поражения легких во время газовой атаки. Теперь нам не будет казаться странным, что когда у Шарля выявилось поражение легких, он отказывается от химиотерапии: она, как известно, является производной от горчичного газа (который использовали немцы во время войны 1914—1918 гг. под Ипром и Верденом, а также в окопах в 1915 г.).

У Шарля оказались пораженными те же органы, что и у двух дедов (яички и легкие). Можно было бы сказать, что через «*неосознанную и невидимую лояльность по отношению к семье*»² он выражает смерть обоих дедов, поскольку в том же возрасте у него оказались поражены те же органы, которые вызвали смерть дедов. Можно также заметить, что его жену зовут *Мари*, как и его сестру и бабушку (но это распространенное имя, следовательно, для статистики значимости не представляет).

² Используя и расширяя терминологию Бузормени-Надя.

Если проводить поиск еще выше по *структуре семьи*, мы увидим, что дед умер в 39 лет, оставив девятилетнего ребенка, и Шарль готовится к смерти в 39 лет, имея девятилетнего ребенка... Структура семьи идентична той, что была у деда³.

Можно задать вопрос: почему он отказывается лечиться после повторного витка заболевания в том же возрасте, когда умер дед? Случайна ли эта смерть? Откуда берется такая *невидимая лояльность семье*? Уникален ли этот случай или же типичен среди большого числа других?

Идет ли речь о многочисленных клинических случаях, которые многие из нас замечали? Напомним, что психоанализ родился из нескольких клинических случаев — хорошо описанных, ставших классикой.

Однако из работ Жозефины Хилгард по статистическому учету всех пациентов одной из американских больниц за четыре года мы знаем, что синдром годовщины, или двойного повторения возраста (возраста пострадавшего родителя и возраста ребенка в момент этого травмирующего события) имеет статистическую значимость (см. примечание 3 на с. 90 и Приложение), что усиливает наши выводы по клиническим случаям повторения.

Марк: семейное повторение несчастных случаев

А сейчас рассмотрим *психологическую наследственность*, связанную с попаданием в дорожно-транспортные происшествия или авиакатастрофы. Здесь тоже встречаются «повторения».

³ Этот клинический случай типичен для сотен больных, у которых на семейном уровне я наблюдала повторение несчастных случаев (в связи с автокатастрофой) или тяжелых болезней и смертей по возрастам и даже датам и поражению частей тела в трех-десяти поколениях.

Именно это я называю теперь синдромом годовщины, развивая понятие Жозефины Хилгард о возрасте, датах, критических периодах или «годах уязвимости». Мы будем вновь к этому возвращаться.

Начнем с примера несчастного случая при взлете (дельтаплана).

В одной моей психодраматической группе участвовал молодой человек, обладающий всеми качествами, чтобы нравиться людям, — очаровательный, энергичный, раскованный, улыбчивый. Он очень быстро управлялся со своим маленьким инвалидным креслом. Марк приехал на машине один, проделав путь в 600 км. Возвращался он тоже один: подъезжал в кресле к машине, открывал дверцу, запрыгивал на переднее сиденье, складывал кресло и бросал его на заднее сиденье. Это было не просто спортивно, а совершенно потрясающе.

Я делаю «глупое» замечание:

— Мсье, вы так веселы и подвижны, наверняка вы здоровы и прикованы к креслу ненадолго?

— Ошибаетесь, мадам, это пожизненно, у меня паралич, я упал с дельтаплана и могу двигать только головой и руками! — отвечает он.

— Как это случилось?

— Если бы вы только знали! Это так глупо! Я люблю спорт. Обычно я тренировался в команде. В тот раз мои приятели из команды не смогли прийти. Я все же пошел на летное поле. Незнакомый человек сказал мне: «Если хочешь, я тебя отбуксирую». Я согласился. Он меня потянул. Товарищ, который обычно меня буксирует, всегда спрашивает, хорошо ли я пристегнут, я проверяю и отвечаю ему «да». Этот же ничего у меня не спросил, а я забыл пристегнуться. Дельтаплан взлетел, я же упал на спину и стал паралитиком. Это глупо. Я много занимался поиском причины, даже с помощью психоанализа, гештальт-психологии, биоэнергетики, и не понял, как и отчего я мог сделать такую глупость!

— Давайте попробуем составить то, что я называю гено-социограммой, — предложила я.

Спрашиваю, сколько ему лет, он отвечает: «Мне 32 года».

— У Вас есть дети?

— Нет!

— Вы женаты?

— Нет, но вроде того: я живу с подругой.

— Кто-нибудь в вашей семье был прикован к инвалидному креслу?

— Я долго вспоминал — никто!

Меня это очень удивляет:

— Вспоминайте получше!

— Ах да, правда, мой отец!

(И он об этом забыл!)

— Почему ваш отец был в инвалидном кресле?

— Отец был сослан на принудительные работы в Германию, работал в литейном цехе вместе с группой французов. Однажды бригада, с которой он работал, не смогла выйти, и он пошел на завод один. Кто-то другой работал с ним в паре, этот человек забыл привязать ковш с чугуном, и ковш, полный кипящего чугуна, опрокинулся отцу на ноги. Это было ужасно, он не мог больше ходить...

Мы вместе вспоминаем *даты*: это случилось с его отцом в том же возрасте — в 32 года, в том же месяце, в июле (день он не вспомнил).

Такой несчастный случай не может передаваться по наследству!

И все же это одна семейная история в двух поколениях (мы не смогли подняться выше): кто-то в рискованной ситуации делает что-то опасное, причем в присутствии товарищей опасности нет; а в их отсутствие меры безопасности не принимаются, и происходит глупый несчастный случай, в результате чего пострадавший лишается ног. Несчастный случай и с отцом, и с сыном происходит в том же возрасте, в том же месяце и при тех же психологических обстоятельствах.

То, что рабочий, угнанный в Германию, мог в какой-то момент забыть привязать ковш с чугуном, не кажется невероятным, но то, что можно забыть пристегнуться, занимаясь дельтапланеризмом, — это случай куда более редкий!

Здесь мы видим простой повтор или *простую невидимую и неосознанную лояльность по отношению к семье*, или *синдром годовщины* (повторение события в том же возрасте).

Упрощенная геносоциограмма Марка. Случай повторяющегося тяжелого травматизма

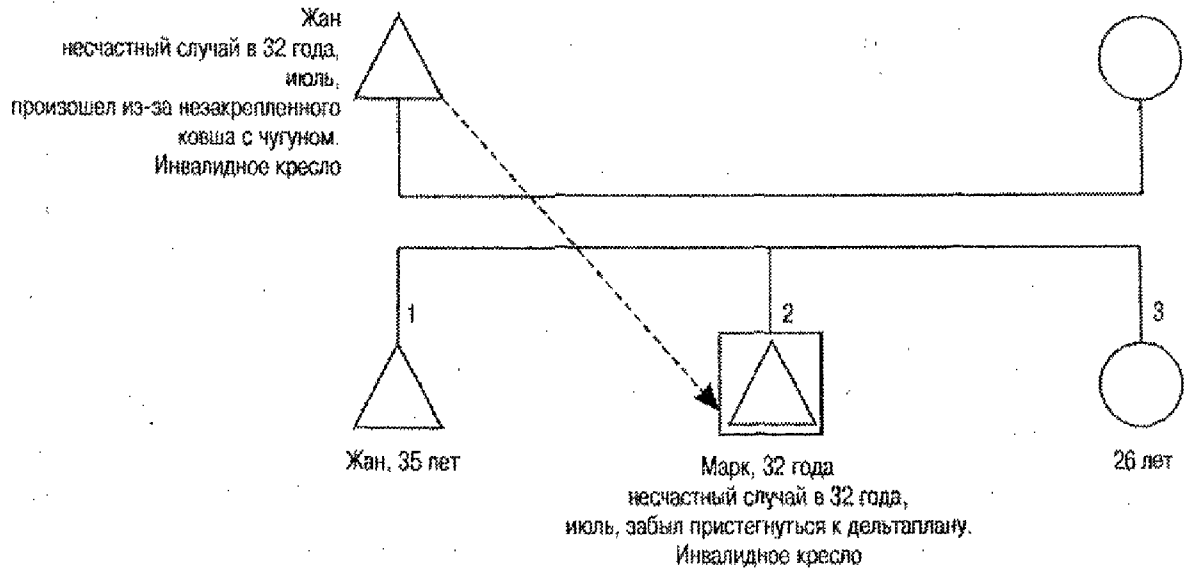

Рис. 2.

Мы много работали с Марком, он испытывал одновременно удивление и облегчение от того, что найдена причина произошедшего, пусть неразумная и нелогичная. Сейчас он живет неплохо, работает, зарабатывает на жизнь, передвигается самостоятельно, они по-прежнему вместе с подругой. Марк снова занимается дельтапланеризмом; у него почти нормальная эмоциональная, семейная, социальная, профессиональная жизнь. Два года спустя после занятий в группе и отработки семейной ситуации у него родился ребенок.

Можно выдвинуть гипотезу о невидимой лояльности семье: произошло серьезное событие, о котором в семье не говорили, «это было несправедливо».

Прошло то, о чем нельзя было забыть, но и помнить запрещено.

Не забыть забыть... «Do remember to forget»

Когда я спросила у Марка: «В вашей семье кто-то был прикован к инвалидному креслу?», его первый ответ был «Нет!»

Он *забыл* о том, что с его отцом случилось почти то же самое. И в то же время он ничего не забывает, поскольку он *не забыл забыть пристегнуться* в том же возрасте и в том же месяце, что и его отец, когда на его ноги упало то, что забыли привязать... Отчего он не смог больше ходить.

Кант говорил: «Напомним себе забыть».

Итак, важно *не забывать забыть, не забывая* и не имея права говорить об этом.

Это почти парадоксальное предписание (по терминологии группы Пало Альто) или же «двойное послание, накладывающее двойные обязательства», *double-bind*.

Не вполне ясно, что происходит и каким образом, отчего возникает такой повтор? Почему несчастный случай произошел именно с Марком, а не с его братом? То есть *почему пострадал один из братьев, а не другой или не оба?*

Можно утверждать, что прослеживается повторение событий в семье, можно почти предсказывать, что, если не «лечить» генеалогическое древо, то плохие события будут повторяться, но нельзя предсказать, кто из детей (братьев-сестер или группы двоюродных братьев-сестер) возьмет на себя невидимую лояльность по отношению к семье. При современном уровне знаний *это повторение констатируют a posteriori*.

И это мы тоже называем *синдромом годовщины*.

Жаклин: армянский геноцид

В одной из групп, которую я проводила во Франции, участвовала очаровательная молодая женщина. Она разрешила мне рассказать о своем случае. Ее зовут Жаклин. В ту пору она носила на шее специальную повязку, поддерживающую голову. Когда ее спросили, почему, она сказала, что это результат дорожного происшествия. Когда это случилось? Вскоре после того, как она похоронила своего ребенка. Я стала расспрашивать ее об обстоятельствах: она была замужем (говорю в прошедшем времени, так как она развелась с мужем), у нее была дочь, которая умерла в де-

сятилетнем возрасте. Ее дочка родилась, обвитая пуповиной вокруг шеи, долго была в коме, в реанимации, и стала инвалидом церебрально-двигательной системы; десять лет она находилась в специальном учреждении и умерла в апреле 1986 г.

Я спросила Жаклин, кто она по профессии, — оказалось, что парикмахер. Я спросила, были ли у нее другие дети, она ответила: «Нет, когда я увидела мою племянницу, мне не захотелось иметь других детей!»

— Вашу племянницу?

— Да, дочь моей сестры.

У ее сестры была дочь, родившаяся с цервикальной грыжей, Жаклин пояснила: мозг выходил наружу из головы. Каждая из сестер присутствовала при родах второй. У обеих были трудные роды. Жаклин не захотелось повторения.

Я стала расспрашивать о других деталях: в семье было две дочери (Жаклин и ее сестра), и у обеих дети имели серьезные проблемы, связанные с головой. Когда? При рождении. А браки? Обе сестры вышли замуж в один день. Я начала строить геносоциограмму: отец парикмахер, мать парикмахер. Поднимаемся выше, к бабушке — и она парикмахер, значит, эта семья занимается головами уже в третьем поколении.

Я спрашиваю, где они родились. Во Франции, в горах. А отец? В Бейруте. А бабушка и дедушка? Бабушка — в Турции. Я говорю: «Вот как! В Турции? Но почему ваши родители приехали во Францию?»

— Мы приехали во Францию после армянского геноцида. Это было ужасно. Турки убили тысячи людей. Моя бабушка видела, как мимо пронесли на пиках головы двух ее сестер и матери — много голов! Было более двух миллионов убитых.

Я спрашиваю дату армянского геноцида: 24 апреля 1915 г., дочь Жаклин умерла 24 апреля 1986 г.

Можно обсуждать вопросы наследственности в случае с раком, сердечными болезнями, но несчастные случаи за рулем, на дельтаплане или... отрезанные головы — это ге-

Упрощенная геносциограмма Жаклин. Дети армянского геноцида

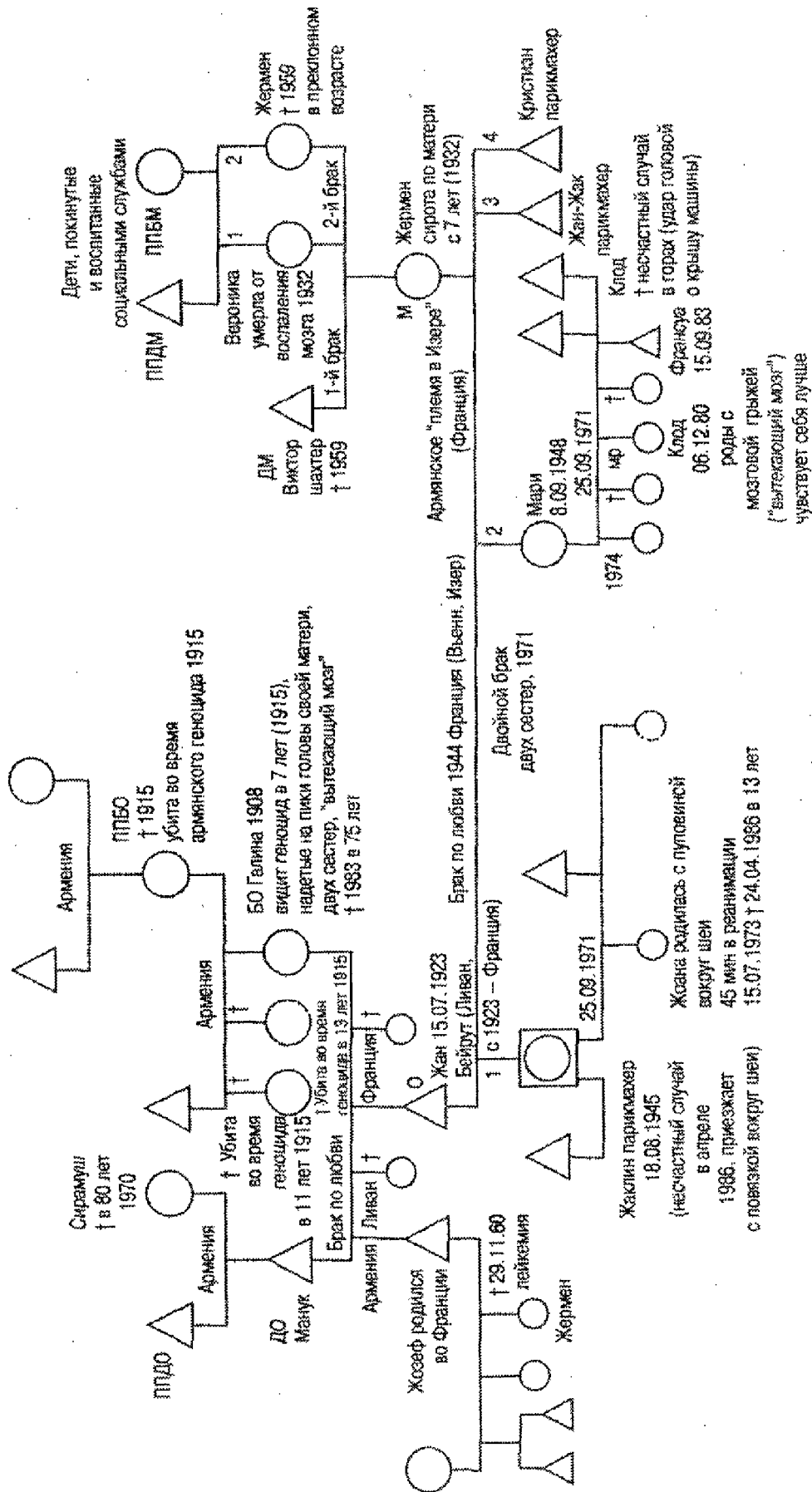

Рис. 3.

нетически не передается! Физически это не передается через гены.

Следует признать: для меня было шоком услышать, что все эти женщины работали парикмахерами. Бабушка видела отрезанные головы, с тех пор все дочери исправляют и улучшают головы, кроме одной: сестра Жаклин работает анестезиологом в реанимации. (Не «исправляет» ли она смерть?)

Выражать своим телом

Есть ощущение, что эти француженки армянского происхождения и их дети странным образом выражают своим телом и телами своих детей то, что произошло с их сообществом и семьей. Как будто надо было одновременно *искупить* геноцид и *напомнить* о нем, о *несправедливости*, о смерти несправедливой и преждевременной.

Не существует никакого объяснения: ни медицинского, ни парамедицинского, ни психоаналитического, ни с помощью толкования сновидений — никаким способом невозможно объяснить, почему через три поколения после того, как отрезанные головы пронесли на пиках, две маленькие девочки родились с проблемами в области шеи и головы. И почему мать, рассказывающая об этом, должна носить вокруг шеи специальное ортопедическое приспособление, чтобы поддерживать собственную голову.

При более пристальном рассмотрении выясняется, что Жаклин хотела быть преподавателем гимнастики. Но накануне конкурса она вывихнула лодыжку (Неудавшееся действие? Классовый невроз? Потребность в провале, чтобы затем продолжить семейную традицию?) Жаклин не прошла конкурс, стала парикмахером, как мать и бабушка. Ее мать (француженка) рано стала сиротой, потеряв мать, как и ее турецкая бабушка.

Дети, особенно дочери, с колыбели наслушались историй о турецком терроризме и ужасах.

Непонятный факт, но я констатирую: чем больше я веду поиск, строю геносоциограммы, тем больше вижу прояв-

лений невидимой лояльности по отношению к семье и невысказанных повторений. Вероятно, можно сказать, что с научной точки зрения все это чистая случайность? Чистое совпадение? История этой армянской семьи поразительна, может быть, таинственна, поскольку совсем непонятно, как такое возможно.

Мой коллега и друг Пьер Вейль, преподаватель психологии в университете Бело Оризонте, провел три года, три месяца и три дня в монастыре тибетских монахов во Франции. Он полагает, что следовало бы говорить о возможной реинкарнации. Но это не мой путь и не мой ход мыслей.

Я констатирую факты, собираю клинические случаи и надеюсь, что междисциплинарные исследования в области психонейроиммунологии и трансгенерационного психоанализа дадут некоторые ответы.

Валери и Роже: существует ли «наследственная предрасположенность» к дорожно-транспортным происшествиям?

Сейчас я хочу коснуться вопроса о *вероятной психологической наследственности дорожно-транспортных происшествий* как неосознанной лояльности по отношению к семье и разновидности синдрома годовщины.

Время от времени я провожу в больницах семинары, обучая приемам работы с серьезными больными, в том числе онкологическими, а также подготовке больных к хирургическому вмешательству. Я даю персоналу практическое задание и, для того чтобы им было понятнее, что такое настоящий стресс, прошу их рассказать о последнем стрессе, который они сами пережили, и мы вместе его анализируем.

Очаровательная медсестра с севера Франции говорит: «Со мной ничего серьезного не случилось, только маленькое дорожно-транспортное происшествие, но это не настоящий стресс!»

— Как это произошло?

— Я везла на машине мою маленькую дочку, и на нас налетел другой шофер, кстати, он был виноват в столкновении.

— Сколько вам лет?

— Мне двадцать восемь, дочке четыре года.

— У вас уже были дорожные происшествия?

— Никогда!

— Подумайте хорошо!

— О! Когда я была маленькой девочкой, мы попали в аварию с моим отцом, мне было четыре года. Действительно, у меня с дочкой авария произошла точно в том месте, на той же дороге, когда моей дочке было столько же лет, сколько мне тогда, когда я ехала с отцом. Странно, я никогда об этом не думала, я забыла.

Совпадали возраст, обстоятельства, был двойной повтор годовщины, а она об этом забыла.

Возьмем другой пример психологической «наследственности» дорожных происшествий. Речь пойдет о молодом человеке по имени Роже. Он врач, ему двадцать семь лет. Он рассказывает о небольшом дорожном происшествии, которое произошло в Париже на углу авеню Моцарта в день, когда он собирался в первый раз отправить своего ребенка в школу. Он женат, его ребенку шесть лет. Это случилось в сентябре, и происшествие было пустяковое — только вмятина на машине.

Я спрашиваю у него:

— А с кем-то в вашей семье или с вами прежде случались дорожные происшествия?

— Никогда!

— Подумайте хорошо.

— Ах, да, когда я был ребенком.

Потом я прошу его расспросить своего отца и бабушку с дедушкой. Он выясняет, что, когда ему было шесть лет и он в первый раз шел в школу со своим отцом (это было 1 октября), произошла авария. И у его отца случилось то же самое, когда он первый раз шел в школу с отцом (дедом Роже).

Упрощенная геносоциограмма Роже.
Повторение несчастных случаев на дороге
из поколения в поколение

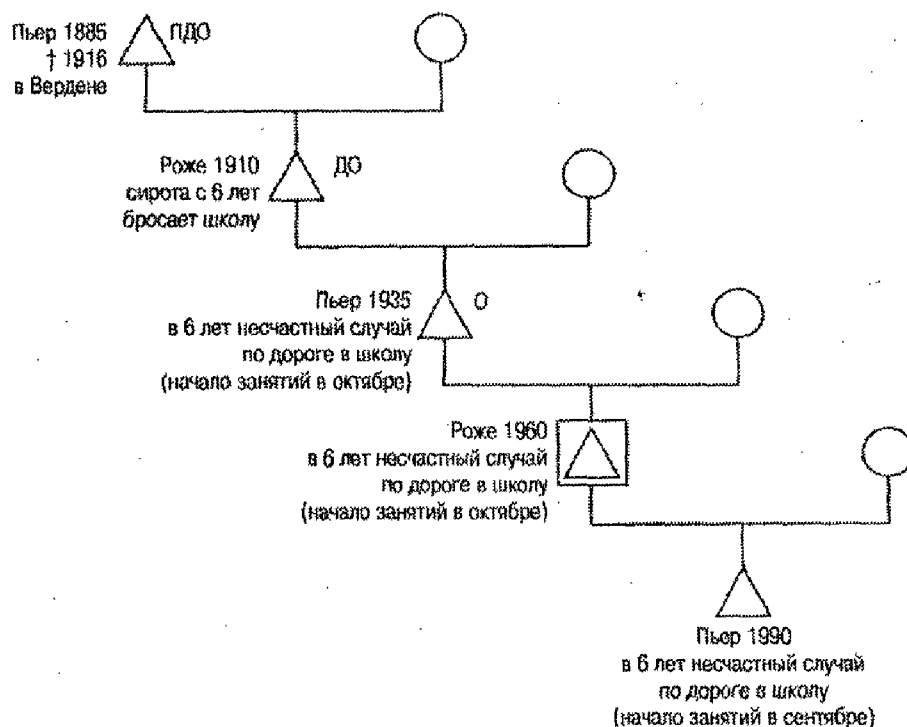

Рис. 4.

У его деда происшествий по дороге в школу не было, так как он туда не ходил. Его отца убили под Верденом, семья была очень бедная (в те времена вдовы солдат не получали пенсии, по крайней мере, сразу). Поэтому его отправили пасти коров, а он заглядывался на школу.

С тех пор в каждом поколении начало учебного года омрачалось дорожным происшествием по пути в школу, когда ребенок ехал со своим отцом, вызывавшимся его проводить (заметим, что обычно матери отводят ребенка в школу в первый раз). Происходило это каждый раз в начале учебного года (иногда в октябре, иногда в сентябре, по-разному, в зависимости от начала учебы).

Почему происходит авария и только один раз?

Почему именно в день начала учебы, по дороге в школу?

Чистая случайность? Но правдоподобно ли это с точки зрения статистики?

И что в самом деле случайно в четырех поколениях из пяти? Или же это вызвано какой-то внутренней потребностью?

Как? Почему? Что срабатывало в памяти? Что нельзя забывать, поскольку это как-то помечено: смертью в молодости во время войны, кажущейся несправедливой? У матери долго не было военной пенсии? Сын героя войны жил в бедности? Его лишили возможности учиться в школе? Окружающие — общество, семья — были безразличны к его судьбе? И чувство (обида) передается по наследству? Дата начала учебного года в пяти поколениях менялась (то сентябрь, то октябрь), но период тот же (начало учебного года, первый день, по дороге в школу), *та же конфигурация* (двойная годовщина) и *тот же контекст* с той же семейной ситуацией (отец вводит сына в жизнь через школу).

Итак, еще раз повторяется двойная годовщина при тех же обстоятельствах или, скорее, в той же конфигурации.

Семейная конфигурация и синдром «двойной годовщины»

Под *семейной конфигурацией* я имею в виду одного из *родителей* (отца или мать в определенном возрасте, скажем, в 31 год), с *ребенком* определенного *возраста* (скажем, 6 лет) и *жизненное событие* (здесь автомобильная авария по пути в школу в день начала учебного года).

Я уже более десяти лет работаю с геносоциограммами и теперь у меня есть обширная картотека описаний клинических случаев с многочисленными *повторениями конфигурации*, двойными годовщинами в двух-трех, а иногда в пяти и более поколениях.

В итоге я стала думать, что у людей, возможно, существует *период уязвимости*, когда они приближаются к возрасту, в котором с кем-то из членов их семьи произошли неприятности, несчастья или травмы: серьезная болезнь, несчастный случай, смерть... или несправедливость. Этот период становится *периодом годовщины*.

Годовщина – период уязвимости, «стресс годовщины»

Симона де Бовуар умерла (точнее, «дала себе умереть») ночью 16 апреля 1986 г., через несколько лет после смерти Жана-Поля Сартра (15 апреля 1980 г.), в тот же день недели, той же ночью с 15-го на 16-е, плюс – минус несколько часов.

В жизни каждого человека бывают *плохие периоды*, черные серии неприятностей и неудач. Люди не знают, что их томит, им не по себе, они плохо спят, плохо себя чувствуют, подхватывают любую инфекцию, с ними случается то грипп, то небольшое дорожное происшествие, то вывих лодыжки, то что-то более серьезное, а иногда и смертельное. Они часто испытывают *недомогание*, которое не выявляет ни рентген, ни анализ крови. Они переживают полосу неудач, сами не зная отчего. Они ходят по врачам, которые ничего не выявляют. Но иногда у них обнаруживается рак или срочно нужна операция, а с ними что-нибудь неожиданно случается во время операции или же возникают послеоперационные осложнения, а возможно, дорожное происшествие.

При составлении геносоциограммы, т.е. генеалогического древа, на котором отмечаются важные события жизни, даты и возраст, можно заметить, что очень часто все это происходит в тот же самый период и в том возрасте, в котором кто-то в их семье умер, или расстался с кем-то, или лежал в больнице.

Вот пример: Жанна очень испугалась во время маленького дорожного происшествия, когда ей пришлось толкать заглохшую машину по туннелю; она испугалась смерти. Потом она укоряла себя за небрежность (ее панель управления указывала на неисправность, но она проигнорировала предупреждение техники). Во время совместного исследования она вдруг вспомнила, что ей тогда было столько же лет, сколько ее отцу, когда тот попал в автокатастрофу, от которой умер. Это произошло того же числа, 6 декабря.

(Напомним, что президент Кеннеди сам отказался ставить пуленепробиваемый верх на свою машину в Далласе 22 ноября 1963 г., «забыв» об угрозе смерти и о том, что отец его деда Патрик умер 22 ноября 1858 г. Он забыл об этом событии, а рисковать не забыл).

Вероятно, можно было бы предположить, что Жанна бессознательно *пошла на риск*, который мог оказаться смертельным, в *годовщину смерти, дату которой она забыла*.

Два брата, выживший и умерший

Уже десять лет я читаю лекции по *невысказываемым* семейным эмоциям в университете Ниццы. Однажды я захотела в качестве примера показать на доске геносоциограмму. Один студент, с виду какой-то «опустошенный», вызвался добровольцем. Ему было тридцать три года. Назовем его Бернар.

Когда составляли геносоциограмму Бернара, его генеалогическое древо, выяснилось, что его старший брат Люсьен умер (не скажу «покончил жизнь самоубийством») от непроизвольной передозировки лекарств в возрасте тридцати трех лет. Когда Бернар приблизился к этому возрасту, у него началась полоса болезней и происшествий: гриппы, бронхиты, пневмония, дорожное происшествие...

Когда мы смогли поговорить об этом и выявить возможную связь со смертью брата, его симптомы исчезли (без формальной психотерапии, само рассмотрение его случая с учебной целью и последующие разговоры дали терапевтический эффект).

Бернар заметил, что он и вправду как бы стал жить за брата, взял его жизнь такой, какой она была.

У старшего брата Люсьена было двое детей, родившихся с разницей в три года, и у него самого тоже было двое детей с такой же разницей в возрасте. Его брат жил в большом доме, он тоже только что купил большой дом, похожий на дом брата. Бернар практически идентифицировался с Люсьеном и в тоске ждал тридцатитрехлетия и... окончания своей жизни.

Упрощенная геносоциограмма Люсьена и Бернара. Идентификация с умершим старшим братом

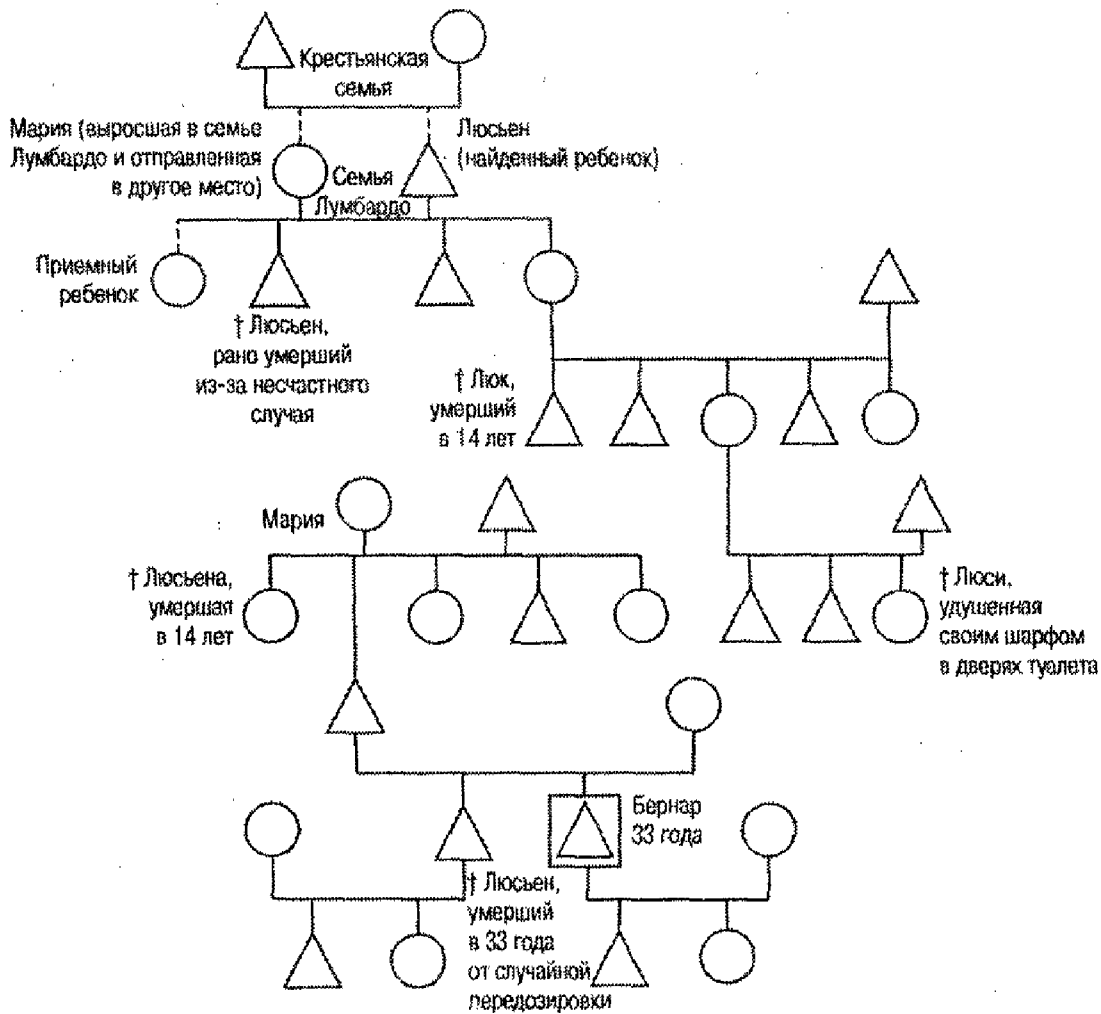

Рис. 5.

Он больше ничего не планировал. Плохо спал. Никто из окружающих не понимал, что с ним происходит, — ни его семья, ни врач, ни психотерапевт, к которому он обратился.

Мы начали вместе работать, попытались обнаружить *внутреннее (неосознанное) самопрограммирование*⁴, выявить его жизненный сценарий, а затем «извлечь програм-

⁴ Мы отметили, что в детстве во время обучения в католическом колледже, брат Бернара считался умным и прилежным мальчиком; кроме того, он придавал большое значение Страстям Христовым, его смерти в 33 года и читал книги в подражание Иисусу Христу. А с Бернаром мы вновь увиделись 10 лет спустя, в 1994 г.: у него все в порядке, он чувствует себя хорошо.

му» и «перепрограммировать заново». С моей помощью он решил, что не обязан умирать в том же возрасте, что и брат. Как только Бернар осознал повторяющуюся ситуацию и решил не копировать жизнь брата из-за *невидимой лояльности семье*, он вновь обрел силы, расцвел и самоутвердился. Он полностью изменил свою жизнь. У него родился третий ребенок, чему он был очень рад, они с женой даже подумывают о четвертом. Бернар сменил профессию. Продал свой большой дом и приобрел квартиру в другом месте.

Эту бессознательную идентификацию с братом довольно легко понять, но вернемся к истории Бернара, поскольку мы сталкиваемся с совершенно необъяснимыми с рациональной точки зрения фактами. Можно было бы говорить о случайных необъяснимых фактах, повторяющихся в семье. Но случайность ли это или внутренняя потребность? Вспомним историю его семьи.

Люсьен и мадам Андре: генеалогический инцест

Вновь рассматривая и анализируя геносоциограмму Бернара, мы видим, что у него было двадцать шесть двоюродных братьев, сестер и их потомков. Среди этих двадцати шести четырнадцать носили имена Люк, Люсьен, Люси, Люсьена, девять умерли молодыми при трагических и/или непредвиденных обстоятельствах.

Поднимаясь по его генеалогическому дереву, обнаруживаем, что более века тому назад его прапрадед (итальянец по происхождению) *ребенком был найден* у церковной лестницы. Нашел его врач и передал на воспитание в бедную крестьянскую семью. На следующий год им отдали на воспитание другого младенца, которого нашли в той же деревне. Маленький мальчик и маленькая девочка воспитывались вместе и очень любили друг друга (конечно, как брат и сестра). Приемные родители не могли позволить себе оставить обоих детей, они не стали удочерять девочку и отправили ее в монастырь.

Мальчик, любивший эту девочку, предпринял большие усилия, чтобы разыскать ее. Он нашел ее, закончил учебу и женился на ней. На самом деле они не были братом и сестрой, даже не были официально усыновлены этой семьей и молочными братом и сестрой тоже не были. Их просто некоторое время воспитывала одна и та же кормилица, которая одного оставила у себя, а другого (другую) отправила в монастырь. Следовательно, инцеста не было. Они всего лишь вместе воспитывались. Мы называем это *генеалогическим инцестом*.

Мальчика звали Люсьеном. Большинство потомков, которые носили это же имя, умерли при трагических обстоятельствах, как следует из истории семьи. *Почему?* Мы не знаем этого! Нет никакого объяснения, только особые причины, различные у каждого. *Каким образом?* Мы тоже не знаем! *Случайность ли это?*

Все в этой семье происходит так, как если бы ее члены хотели наказать себя за инцест — «генеалогический», а не реальный, — вновь и вновь давая детям имя Люсьен и «наказывая себя» повторением случайных смертей. Это обстоятельство поднимает проблему *невысказанного* и повторяющихся ситуаций.

Что это — *последствие стресса от предсказания?*

В этой истории у нас есть мальчик и девочка, которые не являются братом и сестрой, поскольку их нашла и воспитала одна кормилица. Они женятся и у них рождаются несколько детей — многих из потомков звали так же, как и первого, Люсьенами, и погибли они при несчастных случаях... Люсьен, брат Бернара, умер случайно и сам Бернар чуть не умер, пока мы не остановили и «не прервали эту цепь»⁵ трансгенерационной работой.

«*Генеалогический инцест*» — весьма распространенное явление.

⁵ Что бы это ни было: «автоматическая бессознательная реализация предсказания», «невидимая лояльность», «пророческий стресс» в продолжение рассказанных в семье историй, либо «повторение», «психологическая энграммация»... либо «устойчивость срывов» — скорее всего это происходит в голове, чем в генах.

Упрощенная геносоциограмма мадам Андре. Генеалогический инцест

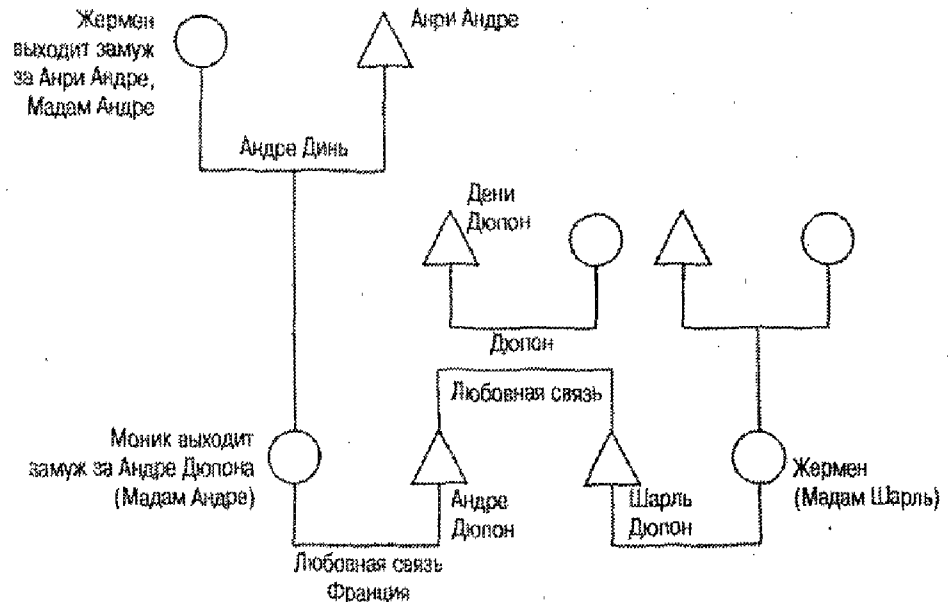

Рис. 6.

Молодая женщина, назовем ее *Моникой*, — Моника Андре, дочь Анри Андре. Она выходит замуж за Андре Дюпона. В деревне ее зовут мадам Андре, чтобы не путать со свекровью и золовкой, но так же звали и ее мать, мадам Андре. И ее саму зовут мадам Андре, как если бы она была женой своего отца. Это не инцест и даже не тяготение к омонимии. Законом это не запрещено. Но это вызывает ряд проблем, которые станут обостряться: раковые заболевания, самоубийства, депрессия. Подобная семья (Мартен-Леру) описана в книге Дидье Дюма «Ангел и призрак»: две сестры выходят замуж за тезок, и с одной из сестер происходит то, что называется генеалогическим инцестом. Это очень плохо кончилось! Произошла серия смертей (мужей, детей), самоубийств и т.д.

Две молодые мадам Раванель: непроясненный генеалогический инцест

Обратимся к рисунку (генограмме) и к анализу, который сделала Катрин Меснард, одна из моих студенток универ-

ситета в Ницце, по случаю генеалогического инцеста, на который ссылается Дидье Дюма. Альфонс Мартен в середине XX века женился на Викторине Розье, которая родила ему трех дочерей: Мари, Огюстину и Жозефину. Две последние дочери носили мужские имена, измененные на женские, так как Альфонс Мартен ждал мальчиков.

Жозефина Мартен вышла замуж за человека по имени Мартен Леру. И ее стали звать мадам Мартен-Леру. Первый генеалогический инцест (Mesnard, 1986, p. 115-116, *Mémoire de maîtrise*).

«Мари Мартен, старшая сестра, выходит замуж за человека по фамилии Леру, но звали его Эмиль. Второй генеалогической инцест. Хотя эти двое мужчин и не являются родственниками, мы видим, что Жозефина и Мари, отказавшись от фамилии отца, оказываются как бы замужем совместно. [...] Если то, что Жозефина взяла фамилию Мартен, приводит к смешению генеалогических позиций, то воображаемый брак между обеими сестрами отрицает функцию имени отца, а особенно — отрицает функцию женственности». (Дюма, 1985, с. 80.)

От Мартена Леру у Жозефины было семеро детей. Он покончил жизнь самоубийством — повесился. Овдовевшая Жозефина некоторое время имела сожителя, но, забеременев, рассталась с ним, и тот исчез из истории семьи.

Супруг Мари умирает от туберкулеза, она снова выходит замуж — за Огюста. Зная, что сестру Мари звали Огюстина, можно предположить удвоение ее генеалогического инцеста. От второго мужа у Мари было двое детей, а супруг покончил жизнь самоубийством.

Люси, единственному ребенку пары Мари — Эмиль, было шесть месяцев, когда умер ее отец.

Люси Леру (бабушка Жана-Мишеля) выйдет замуж за своего двоюродного брата Эдмона Леру, тот тоже овдовел в

первом браке (жена умерла от туберкулеза). Третий генеалогический инцест (см. Mesnard, *ibid*). Их внук Жан-Мишель страдает детским аутизмом, в три года он перестает говорить, отгораживается от мира.

Чтобы лучше проиллюстрировать «генеалогический инцест» и «брак с двойными связями», рассмотрим клинический пример.

Очаровательная женщина сорока лет болеет раком молочной железы. Я выясняю вместе с ней, когда и при каких обстоятельствах она заболела и что происходило в ее жизни в то время. Она отвечает, что совсем ничего не происходило, и она не понимает причины болезни. Ее жизнь была легкая и простая, она работала секретарем в преуспевающем медицинском центре в провинциальном городке. Не было никаких стрессовых событий, вызвавших рак в 1986 г. Я спрашиваю:

— Что произошло годом раньше, в 1985 году?

— Ничего!

— Но все же?

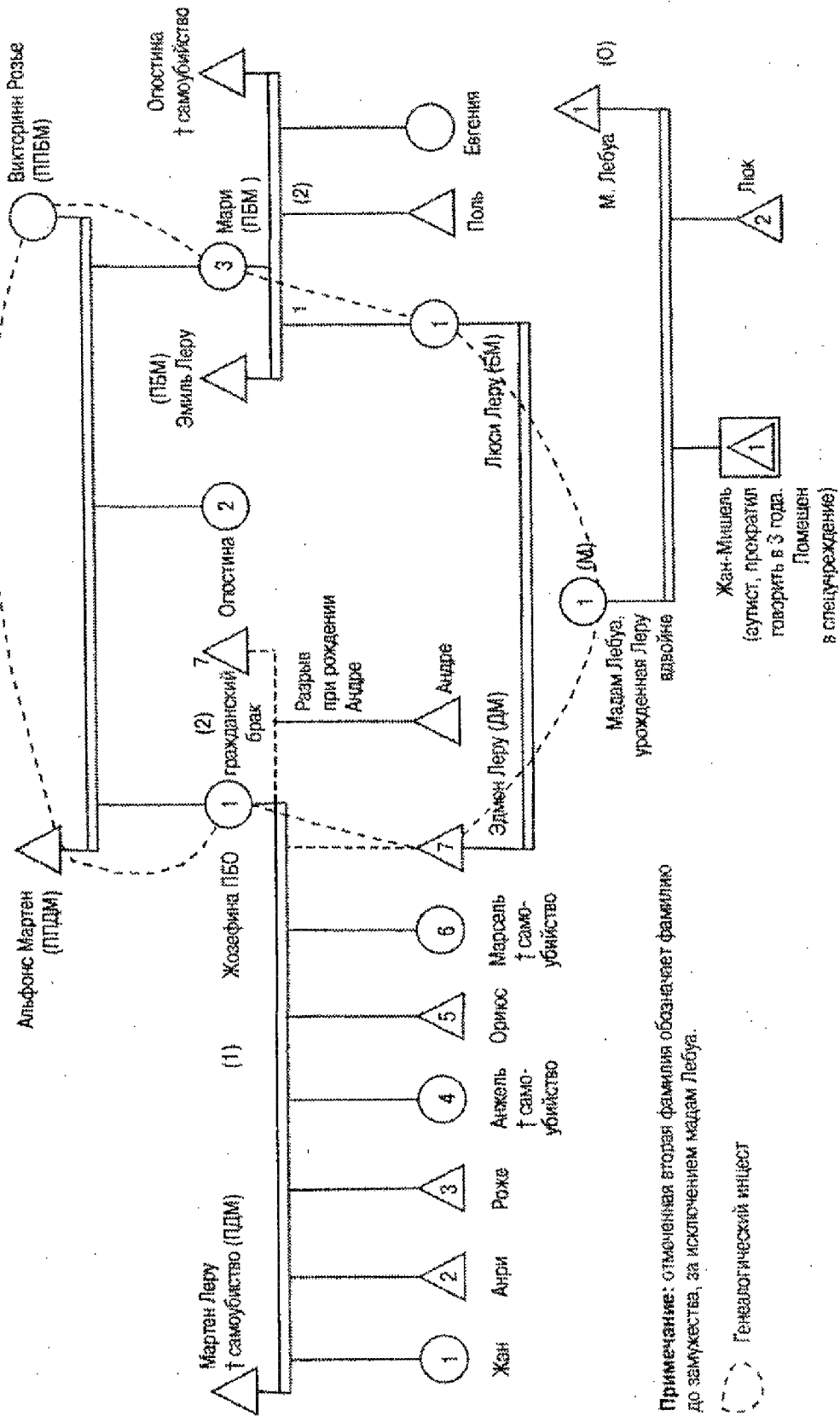
— Моя сестра вышла замуж.

— За кого?

— За моего шурина.

Итак, мы видим, что две сестры вышли замуж за братьев. Наша больная была младшим, последним ребенком и в детстве страдала от этого. Родилась она как бы случайно, у нее не было своей комнаты, просто ей поставили третью кровать в комнате двух старших сестер. Она донашивала их одежду и вплоть до замужества «ничего своего» у нее не было. Выйдя замуж, она стала «молодой мадам Раванель». Она расцвела, похорошела... Будучи общительной и обладая «хорошим характером», она принимала братьев мужа, своих сестер и их супругов. И вот одна из ее сестер, Жаклин, выходит замуж за ее шурина Жака и тоже становится «молодой мадам Раванель». Жозефина вдруг лишается своей новой фамилии и места под солнцем. Появилась новая молодая мадам Раванель, значит, возможно, одна из них была лишней.

Упрощенная геносциограмма семьи Жана-Мишеля Лебуа по материнской линии.
 Клинический случай, приведенный Д. Дюма,
 установленный и перепроверенный Катрин Меснард

Примечание: отмененная вторая фамилия обозначает фамилию до замужества, за исключением мадам Лебуа.

Рис. 7.

Хуже того: свекровь очень любила ее сестру (ей отдавала предпочтение и мать). Не осмеливаясь обижаться за это вторжение на свою территорию и свою потерю, Жозефина стала терзать себя. И вдруг она заявляет, что это и привело к раку. У нее словно что-то украли — право быть молодой мадам Раванель. Их стало две, и у нее все разладилось. Она вновь ощутила потерю своей идентичности и территории, сестра забрала их у нее.

Это стало невыносимым! Кроме того, Жозефина чувствовала себя беспомощной и беззащитной в этой ситуации, ощущала безнадежность (так описывают ее случай специалисты: *Hopeless and helpless*). Следовательно, произошла серьезная потеря идентичности и положения. *Повторившаяся потеря любимого объекта разбередила* травму и рану от *серьезной потери любимого объекта в детстве*, потерю эту нельзя было ни обсуждать, ни оплакивать (нельзя было объявить траур). Как ранее отметил американский психолог Лоренс ЛеШан⁷, при раковых заболеваниях такие ситуации встречаются часто.

Когда мы сумели все это выявить и проработать, Жозефина выздоровела (конечно же, с помощью медицинского лечения, спорта, многократной релаксации в течение дня, позитивной визуализации, йоги и психотерапии):

В этом случае, возможно, также имел место *генеалогический инцест*.

Следует отметить, что Жозефина сохранила тесные связи с семьей, в которой она родилась, «случайно» выйдя замуж за человека, именем которого была фамилия ее отца, а фамилия у него была другая.

Заметим мимоходом, что многие встречи и связи, приводящие к браку, случаются на семейных мероприятиях и праздниках (крестины, браки, похороны и т.д.).

⁷ Американский психолог Лоренс ЛеШан говорит о «потере объекта любви» в жизни больных, о второй потере, которая будит травму и рану основной потери объекта любви в детстве, которая не была ни проговорена, ни оплакана. Это часто встречается при раковом заболевании и главным образом у сдержанных людей. См.: *You can fight for your life, Vous pouvez lutter pour votre vie*, Paris, Laffont.

Упрощенная геносоциограмма Жозефины.
 Две молодые мадам Раванель
 (Две сестры выходят замуж за двух братьев)

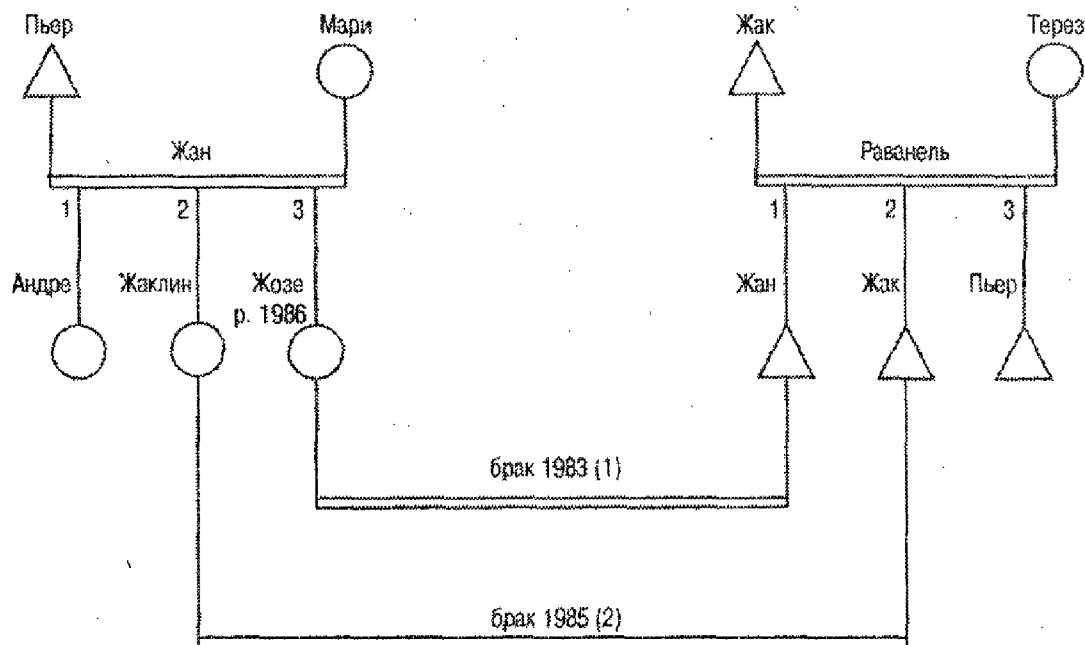

Рис. 8.

Запрет на инцест не касается некровных родственников и их семей, не существует даже термина для обозначения отношений между двумя семьями, объединившимися благодаря браку детей, отношений детей разведенных родителей, вновь вступивших в брак, когда они живут под одной крышей в расширенной восстановленной семье. Каждый из братьев вправе влюбиться в кого угодно, и даже в сестру своей «новой сестры» (свояченицу). Двойные браки и цепочки семейных союзов иногда имеют продолжение в виде субституционного инцеста. См. историю зачатия Ги де Мопассана (с. 216).

«Цепочка» семейных союзов

Нет закона, запрещающего двум братьям жениться на двух сестрах или сестре и брату вступить в брак с братом и сестрой.

Фрейд⁸, например, и его сестра Анна вступили в брак с братом и сестрой Бернайс. В 1882 г. Зигмунд Фрейд (1856 — 1939) знакомится с Мартой Бернайс (1861 — 1951). В 1883 г. его сестра Анна Фрейд (1858 — 1955) выходит замуж за брата Марты — Эли Бернайса (1860 — 1923). Затем в 1896 г. Фрейд женится на своей невестке Марте Бернайс, сестре мужа своей сестры Анны. При этом каждый даст своей любимой дочери имя невестки⁹.

Действительно, такие двойные браки, когда два брата женятся на двух сестрах, или браки между двоюродными братьями и сестрами часто практикуются в Бретани и Нормандии, например для того, чтобы укрупнить земельную собственность.

Нередко происходит трансгенерационное повторение таких союзов между двоюродными братьями и сестрами. Мартина Сегален даже смогла в 1985 г. написать о *«пятнадцати поколениях в Нижней Бретани»*: две пары предков меняют супругов в нескольких поколениях. Она выявила *неоднократные союзы — «цепочки»*.

Многие женщины плохо переносят то, что их сестры выходят замуж за братьев мужа. Им трудно поделить свою новую фамилию с сестрой, от которой они надеялись «избавиться», покинув родительскую семью. Некоторые свек-

⁸ Отметим, что Фрейд не упоминает своих братьев и сестер в своей автобиографии, за исключением Анны, да и то вскользь.

⁹ В каждой из семейных пар дочерей нарекут именем другой сестры: Эли и Анна Бернайс дадут своей дочери имя Марта, а Зигмунд Фрейд и его жена Марта дадут своей дочери имя Анна (1895 — 1982). К ней Фрейд относился с особой любовью. Она станет психоаналитиком, и они будут вместе работать. Отметим, что годом позже в 1896 г. свояченица Фрейда Минна Бернайс (1865 — 1941) переезжает в дом четы Фрейдов, где их спальня будут сообщаться между собой. У супругов Фрейдов прекращаются половые отношения. Чуть позже в том же 1896 г. отец Фрейда Якоб (1815 — 1896) умирает, и Фрейд приступает к самоанализу. Отметим также, что Фрейд внешне не кажется травмированным после смерти своего девятилетнего младшего брата Юлиуса (1857 — 1858), которая совпала со смертью его двадцатилетнего дяди Юлиуса — младшего брата его матери Амалии (однако он удерживает за собой место обожаемого старшего сына). Зигмунд Фрейд и Анна Фрейд-Бернайс останутся единственными из братьев и сестер, кто эмигрировал и не был убит во время Второй Мировой войны (1942 — 1943).

рови не могут делить свою фамилию с пришельцей — невесткой. Возможны различные семейные комбинации, иногда они вызывают проблемы и даже драмы.

***Лже-братья и сестры,
воспитанные под одной крышей,
или расширенная семья***

Рассмотрим пример двух женщин, матери и дочери, которые выходят замуж за отца и сына¹⁰ и носят как бы дважды одну и ту же фамилию. Им предстоит жить под одной крышей, они борются за территорию, кухню, дом, землю, наследство (даже если оно незначительное).

Подобные встречи происходят дома, и браки обычно объединяют сына и дочь от предыдущих браков людей, создающих новую семью, в расширенной восстановленной семье. Иногда отчим или свекор (второй муж или сожитель матери, либо отец мужа) женится на своей падчерице/невестке. Здесь также имеет место генеалогический инцест: смешение родов и поколений не проходит бесследно, даже если законом это не возбраняется (см. «Инцест второго типа», с. 188).

**Переданное наследство
и структура семьи**

Наблюдая семейные структуры, можно обнаружить «наследственные структуры» с повторами, которые не являлись результатами осознанного решения и даже не были замечены.

¹⁰ В «Очерках о психодраме» я рассказала о случае Жизель — психотической особы, помещенной в больницу после попытки убийства своей матери. Мать и дочь вышли замуж за отца и сына (т.е. носили одну и ту же фамилию), проживая под одним кровом. Если же быть более точными, ее мать повторно вышла замуж за вдовца, и Жизель воспитывалась под одной крышей с подростком — сыном своего отчима. «Родители» дают им совместное воспитание, «как брату и сестре» в рамках «воссозданной семьи». Однако они начинают «встречаться» и женятся. После родов у Жизель происходит психотическая декомпенсация и ее отправляют в спецучреждение.

Кажутся наследственными (хотя это точно не установлено) такие факторы, как число детей, разница в возрасте между детьми, даже число браков, выкидышей и абортов (IVG). Существуют моногамные семьи, семьи, где был один брак или несколько повторных браков. Есть семьи с одним, двумя, тремя или четырьмя браками. Я никогда не сталкивалась с семьей, где было пять браков, но такое встречается, в частности, в Соединенных Штатах. Есть семьи, где часты разводы или вдовство. Есть семьи, где были случаи самоубийства, внезапная смерть или незаконнорожденные дети, рожденные от супруга, или плоды адюльтера. Есть семьи, где живут «стрекозы» и «муравьи», поднимающиеся или опускающиеся по социальной лестнице.

Все происходит так, как если бы состав и структура семьи были повторяющимися и наследовались психологически, как если бы существовал единый для всех неписанный закон — как для духа, так и для тела.

Некоторые виды наследства можно считать дарами — такие, как *музыкальная одаренность* в семье Бахов (Иоганн-Себастьян, Иоганн-Христиан). Другие наследуют *качества* — выносливость, ловкость, спортивные или художественные таланты, технические навыки или ловкость рук... Но в этих наследственных¹¹ структурах иногда появляются труднообъяснимые вещи.

Семья де Мортелак: смерть детей в раннем возрасте в нескольких поколениях

Вот история известной древней семьи де Мортелак, корни которой теряются в эпохе Крестовых походов. Как-то после лекции о «повторяющихся трансгенерационных связях» неизвестный слушатель предложил мне пойти «побе-

¹¹ «Наследственность» больше психологическая или умственная, чем биологическая, может быть чем-то вроде энграммы (то есть следом, оставленным в памяти тем или иным событием в процессе биоэлектрического функционирования мозга).

седовать и выпить стаканчик вина». Он хотел поговорить со мной о том, что мои выводы разбередили в нем: в его семье из поколения в поколение передавались драматические события. В детстве он был травмирован смертью своего маленького брата. Он представился Жаном де Мортелакком и рассказал, что история его семьи насчитывает, насколько ему известно, более тысячи лет. И в каждом поколении ребенок трех лет или моложе умирает в воде — в озере, болоте, пруду... Эта повторяющаяся угроза настолько угнетала его, что он решил не жениться и не заводить детей.

Мы знаем, что *фамилии часто происходят от прозвищ*. Фамилия нередко связывается с «конкретным местом» (Дюлак, Дюпон, Дюмулен — французские фамилии, созвучные словам «озеро», «мост», «мельница»), с географическим названием (Ломбар — родом из Ломбардии, Жермен — германец, Тулуз, Сарагос — соотносятся с одноименными городами), с профессией (Буланже — булочник, Буше — мясник), с физической (Легран — большой, Лебрен — брюнет, Легро — толстый) или морально-интеллектуальной характеристикой (Лебон — хороший, Кретен — кретин), или напоминают о событиях (Лекруазе — крестоносец, Лепендю — повешенный...).

Что касается фамилии Де Мортелак («морт» — смерть, «лак» — озеро), она означает, что, весьма вероятно, раньше в семье произошла запомнившаяся многим внезапная смерть: взрослый или ребенок умер в воде — в пруду, озере, болоте, большой луже, реке... Это, вероятно, объясняет происхождение прозвища или фамилии.

Но повторение этого факта? Что происходит, почему и сейчас, в наше время, в каждом поколении де Мортелаков погибает маленький ребенок?

Я не работала ни над их семейной историей, ни над генеалогическим деревом, ни над геносоциограммой — я всего лишь поговорила с одним мужчиной из семьи де Мортелак, а затем с одной из его внучатых кузин (урожденной де Мортелак), которая тоже потеряла и маленького брата, и ма-

ленького ребенка (ее мать также потеряла брата, но ничего ей не рассказывала «ради ее же блага», чтобы оградить от переживаний).

Отметим все же, что смерти малолетних детей часто происходили даже в королевских семьях: Людовик XIV потерял малолетних детей. Даже в XIX веке почти половина грудных детей не доживала до года.

Но в семье де Мортелак и в XIII веке, и при Людовике XIV, и в 1990 году в воде погибает ребенок, который уже ходит, и всякий раз как бы нечаянно. Это не значит, что над семьей тяготеет проклятие — я не верю в проклятия. Однако хотелось бы найти объяснение, причину.

Может быть это неосознанное «предсказание», или искупление, или напоминание, или метка, или указание на *неуловимый и даже непомышляемый факт?*

Предсказания и проклятия в истории

Что касается проклятий и сбывающихся предсказаний, даже в истории Франции есть тому примеры.

Король Филипп Красивый (1285-1314) упразднил орден Тамплиеров (1312) и приговорил к смерти Великого Магистра ордена Жака де Молей. 18 марта 1314 года тот воскликнул перед смертью на костре: «Папа Клеман! Шевалье Гийом! Король Филипп! Меньше, чем через год, вы предстанете перед Божьим судом, чтобы получить справедливое возмездие! Будьте вы прокляты, прокляты! Проклятие всем вам и всему вашему роду до тринадцатого колена!»

И в течение последующих месяцев 1314 г. все трое соучастников этого несправедливого осуждения поплатились: король Франции, Папа Клеман, кардинал (который возглавлял суд) — все они умерли в том же году, затем старшего сына Филиппа Красивого постигла та же участь — он был, вероятно, убит через полтора года.

Эта династия французских королей очень быстро угасла. Настал конец правления Капетингов.

На смену им в 1328 году пришли их кузены Валуа, затем их кузены Бурбоны (Генрих IV (1589 — 1610) был убит, Людовик XIII, Людовик XIV, Людовик XVI — отправлены на гильотину). Напомним, что Людовик XVI вышел из тюрьмы Консьержери, принадлежавшей Тамплиерам, через ту же дверь, что и Жак де Молей четыреста шестьдесят семь лет тому назад, и отправился навстречу мучениям. Это было тринадцатое поколение.

Можно ли говорить о «Божественной справедливости»?

Мы не решаемся думать о проклятии — пожелании зла, высказанном торжественно и действующим на будущее людей, но тем не менее Жак де Молей произнес проклятие на костре. Однако таковы факты: костер, проклятие, смерть короля, тринадцатое поколение. Что это — чистая случайность? Совпадение? Синхрония со сдвигом во времени? Автоматическое осуществление предсказаний?

Сторонники Декарта сказали бы, что это, конечно же, чистая случайность (Людовик XVI — тринадцатое поколение французских королей, считая от Филиппа Красивого).

Возьмем другой исторический факт, опять из семьи французских королей.

Конечно же, чисто случайно двумя веками позже в год двухсотлетия Великой Французской революции (1989) пятидесятидвухлетний внучатый кузен Людовика XVI принц Альфонс де Бурбон, герцог Анжуйский, президент оргкомитета зимних Олимпийских игр «лишился головы»¹² на поле из-за забытой проволоки, когда он проверял олимпийскую лыжню в Бивер Крик в понедельник 30 января 1989 г. Он получил смертельное ранение головы в тот же месяц

¹² Таковы были заголовки парижской прессы. Одна лишь деталь неверна: принц умер от перелома черепа — даже если смерть была вызвана железной проволокой, на которую он налетел. Для сторонников легитимности он является законным «королем» Франции — Луи XX. И недавно он возглавлял праздник «тысячелетия рода Капетингов» (см. Thierry Ardisson «Louis XX», а также ведущую прессу). 9 февраля 1989 в полдень в королевской базилике Сен-Дени соберется толпа на большую мессу — реквием по герцогу Анжуйскому — кузену Хуана Карлоса Испанского и дальнему кузену Луи XVI.

годовщины (\pm несколько дней), когда погиб его предок Людовик XVI, 21 января 1793 г.

Напомним, что Альфонс де Бурбон месяцем раньше, 21 декабря 1988 года выиграл судебный процесс, на котором его кузен Генрих Орманский оспаривал права на наследство. Именно его признали истинным Бурбоном, потенциальным претендентом на трон Франции. Подчеркнем также, что с 1789 г. посол из Мадрида напоминал о правах испанских Бурбонов на французский трон, в случае несчастья с Людовиком XVI и его потомками. Людовика XVI сменили на троне его братья Людовик XVIII и Карл X, затем их французские кузены (потомки Филиппа Эгалите, который голосовал за смерть Людовика XVI) после «Трех Великих дней» (июль 1830), Луи-Филипп (до 1848 г.).

Эффект «сильного слова».

Проклятие Катона:

«Delenda Carthago est»

Не веря в проклятие, можно задуматься об эффекте *сильного слова, сопровождающего сильную эмоцию*, особенно исходящего от авторитетной фигуры¹³ — священника, лекаря, родителя, учителя.

Мы можем задаться вопросом о том, что произошло с Капетингами, об их конце, об автоматической реализации предсказаний в адрес действующих лиц и их потомков, но пока это лишь констатация фактов и вопросы без ответа.

Но от *отрицательного предсказания* может возникнуть *стресс*, аналогичным образом может улучшаться ситуация

¹³ Именно из-за бессознательного характера воздействия того, что говорится или предсказывается, я не доверяю астрологии, гаданию на картах, чтению линий на руке, ясновидению, так как никто не знает, реализуется ли иногда предсказанное несчастье именно из-за произнесенного сильного слова, которое в сознании людей ведет к неудаче, смерти, несчастному случаю и делает, таким образом, их возможными или прогнозируемыми, воздействуя тем самым на изменение тела — пространства — времени — будущего (это как бы приближает «автоматическое свершение предсказаний» и как бы создает стресс пророчества). Именно это и может быть «сглазом», знакомым нам по многочисленным сказкам, легендам, историям о колдунах и превратностях судьбы.

при благоприятном предсказании и позитивном взгляде (эффект Пигмалиона).

Delenda: гнев отца и пол ребенка

Чтобы закончить это обозрение моих трансгенерационных исследований, расскажу о своем открытии *значимой весомости слов*, если можно так выразиться, в культуре, отличной от нашей.

Я работала с семьями, их историей, с генеалогическими деревьями в других странах помимо Франции — в странах Ближнего Востока, в Тунисе.

Я хотела бы рассказать историю одной арабской семьи, где было множество дочерей: Джамия, Айша, Лейла, Ориана, Ясмина. И вот рождается шестая дочь, отец называет ее Делендой. На следующий год появляется сын Мухамед, затем второй сын Али. Все это происходит в районе Карфагена.

Я много раз встречала подобную конфигурацию — в семье одна за другой рождаются дочери, а после Деленды — первый сын после множества девочек.

Что означает *Деленда*? Это не арабское имя, а латинское слово. Оно является частью призыва древнеримского сенатора и писателя Катона: «*Delenda Carthago est*» («Карфаген должен быть разрушен»).

И вот уже две тысячи лет в окрестностях Карфагена, когда крестьянин или горожанин уже «больше не могут выносить» рождения многочисленных дочерей, они в гневе называют Делендой последнюю новорожденную, и девичьему роду приходит конец. Ни с Делендой, ни с другими дочерьми ничего плохого не случается. Но девочки перестают рождаться и появляются мальчики.

Эта традиция в здешних краях продолжается две тысячи лет. Случайность? Объяснения нет. Можно было бы сказать: все это предрассудки. Но как действует предрассудок, чтобы предопределить пол ребенка? Сила слова? Но как «сила слова» влияет на генетику? Если отец скажет: «Лишь бы родился мальчик!» или «Я хочу сына!», — это не действует.

Упрощенная геносоциограмма Деленды.
Серия дочерей в семье, живущей в окрестностях Карфагена

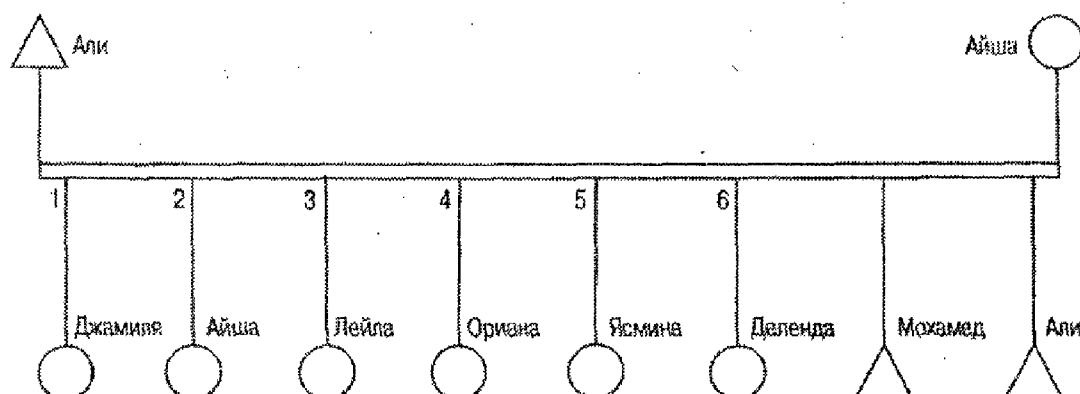

Рис. 9.

Нужно, чтобы отец разозлился, чтобы он был вне себя после рождения множества дочерей — при рождении пятой, шестой, а то и седьмой дочери. Нужно, чтобы он назвал ее Делендой, и тогда родится сын. Это происходит в семьях неграмотных людей, которые слыхом не слыхивали о пунических войнах — так говорят и делают две тысячи лет во всем Магрибе¹⁴.

Священник: эффект неверно понятого «сильного слова»

Возьмем другую семейную историю.

В психодраматической группе несколько лет тому назад одна дама сказала:

— Я беспокоюсь: моя внучка тяжело болеет астмой, боюсь, как бы она не умерла.

— Почему?

— Потому что моя старшая дочь тоже болеет... Моя старшая сестра умерла... Мать потеряла старшую сестру... Бабушка потеряла старшего брата... Вот уже во многих поколениях нашей семьи старший ребенок умирает в детстве.

¹⁴ Я написала президенту Бургибе, попросив его о проведении статистического исследования, но он не ответил.

И добавляет:

— Я хочу остановить это, но не могу! Я говорила об этом с нашим врачом, и он тоже очень беспокоится за дочь.

Я прошу ее подробнее рассказать об истории своей семьи, и в ходе разговора мы изображаем на доске ее психогенеалогию, геносоциограмму.

Мы работаем с ней над тем, что происходит в течение нескольких поколений, и терпеливо ищем выдающиеся события в жизни прапрабабушек и прапрадедушек, поднимаясь все выше во времени — Третья Республика, Империя, Революция (получается семь — восемь поколений за два века).

Это земледельцы, перемещались они мало. Крестьяне Савойи во время революции прятали у себя священника, после террора тот вышел из укрытия. Он их отблагодарил — благословил, сказав: «Да будет старший ребенок в каждом поколении вашим хранителем».

С тех пор вот уже два века старший ребенок в каждом поколении становится как бы «небесным ангелом» и охраняет их покой.

И эта женщина с тоской переживала смерть детей в каждом поколении, как своего рода необъяснимое проклятие семьи.

Любая система зависит от своей экосистемы. Я стала размышлять о *контексте* и о *референтных рамках* этой семьи в те времена и сейчас.

Я долго говорила с этой дамой и объяснила, что все можно понимать иначе, что есть разница между благословением и проклятием, что фразу: «Старший ребенок в каждом поколении будет вашим хранителем» — можно истолковать по-разному в зависимости от используемой референтной рамки. Следовательно, если вдруг дочь стала бы врачом или медсестрой, она могла бы заботиться о матери, когда та станет старой или заболеет. Заботиться о семье можно по-разному... Либо лечить (врач, медсестра, фармацевт), либо быть полезным членом общества, помощником (булочник, земледелец, жандарм, нотариус, банкир... кюре, монахиня, психотерапевт...).

Итак, мы поместили фразу и предсказание в другую смысловую рамку.

С тех пор что-то изменилось в ее видении, в жизни, и малышка поправилась. Десять лет спустя она по-прежнему жива и хорошо себя чувствует. Впервые со времен Революции старший ребенок в этой семье не умирает.

Повторение событий в каждом поколении вот уже две сотни лет — как такое возможно? Почему? Что происходит? Где это записывается в семейное и персональное бессознательное? Как осуществляется передача? Что это — разновидность энграммы? Какой в этом смысл?

Как прервать цепь?

Почему и как слово (терапевтическое) ее останавливает?

Что происходило в этой семье, чтобы старший ребенок умирал? Это серьезные, ответственные люди. Они живут в хороших условиях, заботятся о своих детях.

Что происходит, почему со времен Революции до наших дней, т.е. в семи поколениях, что-то не срабатывает и старший ребенок заболевает, получает ранение и умирает?

И почему, когда мы прояснили и переосмыслили фразу, произнесенную священником, этого больше не происходит?

Как будто у семьи не было права знать и говорить и в то же время не было права забывать. Надо было, чтобы обо всем этом давали знать, но не говоря открыто, даже не зная то, что это известно и передается, — дьявольски довлеющая двойная связь (*double bind*), двойной «гордиев узел».

Мы обнаружили здесь главную характеристику этой тайны. Ги Ауслоос¹⁵ (Guy Ausloos), так же, как и мы, отметил, что ее запрещается и знать, и не знать одновременно.

Все происходит так, как если бы бессознательное имело хорошую память и старалось одновременно и напомнить факты, и нанести удар — не говоря, не объясняя. Но то, как бессознательное указывает на событие, зависит от

¹⁵ Ausloos Guy (1980), «Les secrets de famille», in Annales de psychothérapie: changements systémiques en thérapie familiale, Paris, ESF, 62–80 (collectif).

того, как семья понимает и интерпретирует происходящее и реагирует на него.

Контекст, как и жизнь, видны, их можно прочесть, интерпретировать в определенном контексте, в заданных рамках. Можно что-то взять из одного контекста и перенести в другой контекст или рамку, и та же фраза будет освещаться по-иному, можно *изменить рамки события* — проклятия, и оно станет благословением.

То же самое можно, кстати, увидеть и в случае рака в последней стадии. Из непреодолимой ситуация может стать труднопреодолимой и даже просто трудной, но захватывающей при попытке ее преодолеть (понятие *hardiness* — *стойкость*), как подтверждают своим примером люди, выжившие в концентрационных лагерях.

Удивительно обнаруживать в геносоциограммах эти *повторения*, прослеживающиеся из поколения в поколение, как если бы что-то произносилось. Это происходит на «*другой сцене*», как выражались Фрейд* и Гроддек, но протянутая красная нить ведет нас дальше за кулисы.

Конрад¹⁶ уже сказал, что «все происходит так, будто огромная, мощная и невидимая рука была готова опуститься на человеческий муравейник, схватить каждого из нас за плечи, столкнуть головами, разбросать в неожиданных направлениях к неизбежным целям наши неосознанные силы, как будто сверхъестественная сила ведет нас к нашей судьбе».

А когда занимаешься серьезными физическими болезнями типа рака, то замечаешь *повторения* и *значимые связи* при составлении геносоциограммы — полного генеалогического древа с указанием имен, семейных связей, болезней, несчастных случаев, основных событий в жизни, памятных мест, крупных изменений в жизни, разрывов и перемен.

Указывая на эти повторения и освещая их, можно улучшить ситуацию, когда пациент тяжело переносит *трудный*

* См. приложение: «Оно говорит на другой сцене», с. 227.

¹⁶ Беседа, записанная на кассете в Центре Помпиду в Париже во время выставки Дали в 1980-х гг. и автобиографический труд «Как становятся Дали».

период уязвимости. Перегруппировав по-иному, изменив жизненный сценарий по отношению к болезни и смерти, многочисленным несчастным случаям или неудачам, можно сделать его позитивным, и тогда клиент сможет вновь стать действующим лицом, делать выбор и, наконец, *жить*.

Переосмысление серьезной болезни в повторяющихся семейных ситуациях придает им иной смысл и часто изменяет течение болезни.

Я не хочу сказать, что непременно удастся предотвратить смерть или драматические последствия несчастного случая. Но можно иначе относиться ко всему.

Часто все утрясается и человек преодолевает уязвимость, когда получает возможность поговорить о том, что произошло. Ситуация расшифровывается, когда выстраивается «красная нить» событий и клиент следует за ней, когда события ставятся в определенные рамки, представляются иначе, когда *говорят о тайне*, когда добираются до *невысказанного*. Иногда удается дифференцировать семейную привязанность, уважение, лояльность по отношению к семье и идентификацию с другим («невидимую лояльность семье») в такой степени, что человек перестает жить жизнью другого или умирать, как и он. Это часто выявляется, когда сталкиваешься с синдромом годовщины.

В моей терапевтической практике, особенно с тех пор, как я стала заниматься трансгенерационным анализом, встречались семьи, в которых повторялись болезни, несчастные случаи или невольная смерть в одном, двух или даже нескольких поколениях по непонятным причинам, но клинически это констатируется как «отметина на теле».

Я беру на себя смелость утверждать, что *работа по выявлению связей и повторений и их декодированию придает смысл событиям и позволяет управлять ими*. Когда начинают видеть и понимать, появляется смысл, меняется контекст, из глубины проступает новая форма, все изменяется: человек дышит, избавляется от груза прошлого, часто меняется его тело и жизнь. Он становится другим... а иногда приходит и выздоровление.

Ван Гог, Дали и Фрейд: замещающий ребенок и ребенок восстанавливающий

Необъяснимые факты замечены и в тех случаях, когда речь идет о «замещающем ребенке», то есть тогда, когда зачинают ребенка, чтобы заменить недавно умершего маленького ребенка или родственника. Часто новорожденного называют именем покойного и/или он рождается в годовщину смерти, хотя траур не был совершен.

Если об этом покойном не вспоминают и не оплакивают его, то жизнь замещающего ребенка проходит не самым счастливым образом.

Один из самых потрясающих примеров — жизнь художника Винсента Ван Гога, родившегося 30 марта 1852 г., ровно через год после смерти старшего брата, тоже Винсента. В семье не хотели о нем говорить, но ребенку передали без изменений его двойное имя — Винсент-Вильгельм. Жизнь у Винсента Ван Гога была трагической, как будто кто-то запрещал ему существовать. Его сводный брат по отцу, Тео, с которым он был очень дружен и который очень любил его, женился. У него родился ребенок и он назвал его Винсентом-Вильгельмом, именно из любви к брату. Несколькими месяцами позже Тео пишет брату-художнику о своем сыне: «Я надеюсь, что этот Винсент будет жить, сможет реализовать себя». Получив это письмо, Винсент Ван Гог покончил с собой. Как будто для него не могло быть двух живых Винсентов Ван Гогов одновременно. Как будто брат указал ему на несовместимость присутствия обоих.

Это пример замещающего ребенка, который занял место умершего, не оплаканного во время траура, и ему не хватило места для жизни. Этот замещающий ребенок даже не мог говорить о мертвом брате, он чувствовал себя в какой-то степени «узурпатором», поскольку занял место и имя, не ему предназначавшиеся.

Сальвадор Дали, напротив, сумел избавиться от своего предназначения замещающего ребенка.

С детства он хорошо знал, что другой Сальвадор Дали, «настоящий», был его старшим братом, «умершим малышом», на могилу которого его мама ходила плакать два раза в неделю. Тогда он решил с помощью одной проделки отделаться от первого, умершего и похороненного Сальвадора Дали — такого послушного ангелочка. Сальвадор Дали — «замещающий ребенок», решивший не сдаваться, шестьдесят четыре раза переписал знаменитую картину Милле «Вечерний звон» (крестьянин и его жена с опущенными головами, соединив руки, молятся на пшеничном поле над корзиной с картошкой), переделав ее на свой лад.

Когда картину Милле просветили рентгеном, то обнаружили под корзиной с картофелем *pentimento*, «покаяние художника» — гробик маленького ребенка. Милле рассказывал в своих мемуарах, что когда он хотел выставить эту картину с мертвым ребенком, то один друг посоветовал ему изменить сюжет, так как первоначальный был слишком грустным, что затруднило бы продажу картины... Тогда Милле закрыл гробик корзиной с картофелем. Услышав эту историю, Дали сказал: «Я всегда чувствовал смерть в этой картине».

Он думал над тем, кто он, и частично понял механизм выживания в качестве «замещающего ребенка»:

«Я прожил смерть прежде, чем прожил жизнь [...]. Мой брат умер за три месяца до моего рождения. Моя мать была потрясена этим до глубины души [...]. И в чреве матери я уже ощущал тоску моих родителей. Мой плод омывала адская плацента. Я глубоко переживал это навязанное присутствие, как будто меня обделили любовью [...]. Этот умерший брат, чей призрак встретил меня, носил имя Сальвадор — как мой отец и я, и это не случайно... Я научился жить, заполняя вакуум любви, которая мне в действительности не предназначалась». (Дали, 1973, 12-13).

Не могу удержаться, чтобы не привести в этой связи прекрасный отрывок из интервью японского романиста Кен-

жи Нагаками (France Huser, *le Nouvel Observateur*, 25.07.1991¹⁷), когда он вспоминает о смерти своего брата — человека вспыльчивого, которого он не любил: «Когда он умер... я испытал сильное чувство облегчения... Но его смерть меня преследовала, она без конца возвращается в моих романах, одновременно с моим чувством вины за ту радость, которую я испытал тогда. Я долго думал, что умру, когда мне исполнится двадцать четыре года — в этом возрасте покончил с собой мой брат. Эта дата приближалась, но родился сын, и он занял место моего покойного брата. Тогда я понял, что не умру».

Ребенок, рождающийся после смерти, не обязательно становится *замещающим ребенком мертвой матери* (погруженной в депрессию). Иногда, наоборот, это знак, что жизнь возвращается, набирает силы и радость с рождением *ребенка-восстановителя*. Например, маленький Зигмунд Фрейд воспитывался как обожаемый единственный сын. Он родился через три месяца после смерти своего деда Шломо Фрейда (1856). Но даже печаль, вызванная смертью его маленького брата Юлия, родившегося позже (1857 — 1858), и двадцатилетнего дяди Юлия, брата матери, (тоже в 1858 году) не изменила его места любимца.

Но эта *смерть младенца*, возможно, наложила на него отпечаток в детстве. Можно предположить, что именно его он имеет в виду в анализе своего сна *Non vixit*, говоря о призраке (Фрейд *З. Интерпретации сновидений*, 1926, с. 417): незаменимых людей нет; посмотри, это призраки — все, кого мы потеряли, возвращаются.

Если Зигмунд Фрейд упоминает о *призраках*, то Франсуаза Дольто говорит о *невидимых существах* и напоминает, что Жюль Лафорг часто приводил фразу Блаженного Августина: «*Мертвые невидимы, но они не отсутствуют*». Для нее невидимые мертвые присутствуют вокруг нас и направляют наши действия. (Невидимки Дольто близки к

¹⁷ Книги Нагаками, вышедшие на французском: «Тысяча лет удовольствия» и «Море с мертвыми деревьями», Париж, Файар.

Даймону Сократа.) Это, возможно, другая интуиция, касающаяся способа передачи событий и травм от поколения к поколению.

Сандрина и другие: помечающая – помеченная годовщина

Анализируя историю двух братьев — Люсьена и Бернара, умершего и живого, мы уже говорили о *синдроме годовщины и периоде уязвимости* (тот же возраст, то же время года, даже дата совпадает день в день), о некоторых трудных событиях, болезнях, несчастных случаях, смертях, «недомогании»...

«Мертвые хватают живых», — говорили римляне. Как будто мертвый ребенок или подросток толкает к смерти другого ребенка или подростка. Часто это становится драмой «замещающего ребенка», о которой мы уже говорили.

Грегори Бейсон рассказал мне в 1976 г., как его сильно поразило самоубийство старшего брата в возрасте двадцати двух лет, которое произошло 22 апреля 1922 года. Мартин Бейсон выстрелил в себя из револьвера в центре Лондона на Трафальгарской площади в годовщину рождения своего старшего брата Джона (22 апреля 1898 г. — 14 октября 1918 г.), который погиб во время Первой мировой войны.

Одна из моих студенток в университете Ниццы, назовем ее Сандриной, составляла свою геносоциограмму. Обрабатывая ее, она обнаружила как бы цепную реакцию в своей семье. Ее мать умерла от рака 12 мая. На следующий год ее дядя (брат матери) 12 мая попал в аварию и погиб. Позже она приходила ко мне, чтобы поработать над смертью своей бабушки, умершей естественной смертью тоже 12 мая. Разбирая семейные бумаги, она обнаружила, что ее дед погиб 12 мая от несчастного случая, а двоюродный дедушка и крестный (деда) были убиты на войне 12 мая.

Она сама плохо себя чувствовала весной, с трудом дышала, и ее должны были оперировать 12 мая, дату хирург назначил случайно. Но она решила, что это уже чересчур и

перенесла дату операции (закончившейся успешно) на более поздний срок.

После составления своей геносоциограммы Сандрина занимается генеалогическими исследованиями, чтобы выяснить судьбу предыдущих поколений, предков двоюродного дедушки своего дедушки, чтобы понять, почему и как вновь и вновь возникает эта дата, связанная со смертью членов ее семьи разных возрастов, помечающая всю их семейную жизнь.

Возьмем второй пример годовщины смерти, которая произошла не в семье, а у близких друзей, часто бывающих в доме. Это особая семья, столь же близкая, как кровные родственники. Те и другие принадлежат тому, что Морено называет «социальным атомом» личности, ее эмоциональным окружением, кого любят или ненавидят, они существуют где-то в бессознательной сфере, в предсознании и сознании.

Конечно, к этому следует добавить любимых домашних животных. Часто бывает, что дети иногда на всю жизнь остаются под впечатлением трагической потери домашнего животного, часто не оплаканной совсем или оплаканной недостаточно. Так бывает и с одинокими женщинами: кошка, собака, попугай заменяют им детей, которых никогда не было или которые ушли из дома. Случается это иногда и с мужчинами, переживающими из-за своей собаки.

Люди, животные или вещи (бабушка, няня, добрая соседка, собака, пианино, семейный дом, картина), составляющие «социальный атом», часто должны заноситься в геносоциограмму, но помечаться другим цветом.

Ливия и Мария — две сердечные подруги, они очень близки со времен детства. В один прекрасный день Мария выходит замуж и ждет ребенка. Тогда Ливия тоже решает завести ребенка. Мария умирает в родах 27 декабря от очень редкого обострения — фибринолиза; ее ребенок остается жив. Молодая мать-одиночка Ливия рождает ребенка через шесть месяцев. Ребенок Марии, должно быть, родился в день Святого Сильвестра, его зовут Мари-Сильвен, а ребенка Ливии — Сильвен-Мари. Не говоря о предска-

ниях, следует напомнить, что Мария считала ребенка, которого она вынашивала, «предвестником беды» и полагала, что он принесет только печаль и проблемы.

Через десять лет, 27 декабря, выяснилось, что у Ливии рак, и ее тотчас оперируют. С тех пор у нее все хорошо.

За год до этого 27 декабря у нее случился вывих, достаточно серьезная неприятность, вынудившая ее две недели пользоваться костылями. Через год (т.е. одиннадцать лет спустя) она едет с семьей на зимние каникулы в горы и получает небольшую травму, катаясь на лыжах 27 декабря.

Еще через два года ей становится плохо, она испытывает состояние тревоги, смутного страха, как всегда в праздники, не выходит из комнаты и не встает с постели. Через три года, несколько месяцев спустя после операции, она едет в горы, падает, поскользнувшись, и повреждает руку накануне Рождества, затем получает вывих плеча 27 декабря (тендинит из-за нового падения). Рентген показывает, что перелома нет, но она и ее близкие испугались. Тогда она приходит ко мне и мы начинаем разговаривать обо всем этом: рисуем полную геносоциограмму, включая в нее весь «социальный атом», куда входит ее семья и близкие друзья. Подчеркиваем даты важных событий и выделяем красным повторяющиеся возрасты и даты. Повторения тем более бросаются в глаза, что мы помечаем красным связи между датами (социометрические связи).

Повторение 27 декабря становится очевидным для нее: отношения и связи между несчастными случаями, хирургическим вмешательством и смертью близкой подруги — каждый раз «неприятность» отмечает эту преждевременную смерть, эту грустную трагическую годовщину.

Мы надеемся, что после работы по выявлению маркера годовщины у Ливии больше не будет несчастных случаев 27 декабря. Наверное, она сможет по-настоящему похоронить свою покойную подругу и завершить свой *траур* по ней, ведь она его *высказала*, а не только оплакала и отметила действиями (тем более, что в то время ей не с кем было поговорить об этом).

Четыре других примера: мусульмане; Жак/Жаклин; понедельник на Пасху 1965 г. – след Севастополя; Изабель

Бессознательное по-своему рассчитывает годовщины и даты, что немаловажно.

Вот четыре маленьких примера.

Рассмотрим основные даты *Крестовых походов* и текст Амина Маалуфа «*Крестовые походы глазами арабов*» (ор. cit., 294):

«В пятницу 17 июня 1291 г., обладая подавляющим военным превосходством, мусульманская армия наконец силой проникает в осажденный город [Акр]. Король Анри [...] бежит на Кипр. Другие франжи захвачены в плен и убиты. Город сметен с лица земли.

Город Акр был вновь завоеван, уточнил Абул-Фида, в полдень на семнадцатый день второго месяца Юмада 690 года. Точно так же в тот же день и час в 587 г. франжи взяли Акр у Салахеддина, захватив в плен и затем убив всех находившихся там мусульман. Не странное ли это совпадение?

По христианскому календарю это совпадение не менее удивительно, так как победа франжей в Акре произошла в 1191 году с точностью почти до дня за сто лет до их окончательного поражения».

Это был конец завоевания крестоносцами Египта, Сирии, Палестины.

На этом сведение счетов не закончилось. Восемью веками позже 13 мая 1981 г. в Риме мусульманин Али Агджа стреляет в Папу Иоанна Павла II и ранит «главу Церкви и виновника Крестовых походов». Было бы упрощением говорить об этом лишь как о поступке одного мусульманина-фанатика. На самом деле, хотя и прошли века, следы про-

изошедшего еще не стерлись из памяти и мусульмане все еще говорят о геноциде.

Франсуаза Дольто-Маретт в своей работе «Автопортрет женщины-психоаналитика» делится воспоминаниями о том, что ее сестра Жаклин родилась почти точно в день годовщины смерти ее маленького брата Жака. Ее называли, как и брата, в честь святого Жака. Жаклин также умерла молодой (Dolto, 1989).

***В понедельник на Пасху (1965)
после случайной смерти в Севастополе (1855)***

Наш милейший сосед Мишель разбился на велосипеде в понедельник на Пасху по дороге в деревенскую церковь. Вместе с его семьей мы стали искать повторяющиеся события и увидели, что его деда ранили весной, во время аварии, но в другой день (однако, проверив по календарю числа праздников, бывающих в разное время, мы выяснили, что это произошло на следующий день после Пасхи). Поднимаясь выше по древу истории семьи, мы увидели, что его прадеда судили за непреднамеренное убийство велосипедиста, который не остановился и налетел на его машину. Прадедушку оправдали. (Проверив число, день и «скользящие» праздники, мы выяснили, что это произошло в понедельник на Пасху). Поднимаясь еще выше, нашли предка-артиллериста, во время Севастопольской битвы¹⁸ случайно погубившего канонира, который не до конца слышал приказ...

¹⁸ Много интересного можно было бы отметить по поводу сражения под Севастополем (27 марта 1854 г. — сентябрь 1855 г.), начатой вследствие трений по поводу Святых Мест (царь защищал православных, император — католиков) и тайного признания Наполеона III царем Николаем в мае 1851 г. (Крымская война, 1853 — 1855 гг.). Неожиданный франко-английский союз (против русских) приводит англичанина Реглана и француза Пелиссье к выбору 18 июня (годовщина Ватерлоо) для нападения на Малахов. Это обернется трагическим поражением, следствием которого будет смерть Реглана от холеры 28 июня, а Пелиссье возьмет Малахов 8 сентября 1855 г., что и приведет к миру (Lavissee, 1989, Histoire générale, t. X).

В моей собственной семье дочь и все ее дети родились в октябре, как и ее отец, — кроме старшей дочери, случайно родившейся в середине января. Занимаясь поисками истинной даты рождения Морено для одной из моих книг, я столкнулась с изменениями дат жизненных событий, связанных с различием календарей по старому и новому стилю после сравнительно недавней «подгонки дат» грегорианского календаря (чтобы выровнять лунное отставание). В Центральной и Восточной Европе (в СССР) новый календарь был введен только в 1917 г. [см. примечание 7, с. 48]. Я вспомнила тогда, что мы праздновали день рождения моей матери Изабель 25 января, но к концу жизни она упрекала нас в забывчивости: она родилась в Москве 13 января «по старому стилю», а воспитывалась в Монтрее (в Швейцарии), дата ее рождения изменилась и стала 25 января. К концу жизни она их путала. Итак, она родилась в ночь с 13 на 14 января (1892 г.) незадолго до полуночи (в документах записано 13 января), ее мама (моя бабушка) в то время танцевала на балу в честь святой Татьяны, покровительницы москвичей, и моя первая внучка родилась с разницей в несколько часов того же числа, чуть после полуночи в ночь с 14 на 15 января (в документах записано 15), ее зовут Од-Изабель (а моя дочь не знает об этих историях корректировки календаря).

Ноэль: конфликты пищевых привычек и «диетической идентичности»

Супружеские и семейные конфликты не всегда связаны с межкультурными, межэтническими и межрасовыми браками. Они могут быть обусловлены и социально-классовыми различиями (классовый невроз), различием политических, религиозных взглядов или даже просто повседневными привычками. «Жаворонки» и «совы» трудно уживаются друг с другом, существуют конфликты между любителями открытых и закрытых окон, «стрекозами» и «муравьями», путешественниками и домоседами, между сторонниками классической музыки и рока, бывают даже кон-

фликлы любителей Бах и Вагнера, или поклонников оперы и оперетты...

Многие конфликты связаны с деньгами, с *бюджетом* и *экономическим бессознательным*: кто и на что тратит (сколько муж, сколько жена), кто экономит, как решается вопрос бюджета и кто его ведет, как его делить, общий счет или раздельный. Можно использовать геносоциограмму и, как ее продолжение, ролевую игру, чтобы прояснить, а затем и решить проблему.

В этом перечне банальных и повседневных вещей рассмотрим пример «*диетических конфликтов*», часто связанных с «*пищевой идентичностью*».

Ноэль, студентка, заканчивающая учебу, будущий врач. Она француженка алжирского происхождения, по линии бабушки — испанка (в Испании вся кухня на растительном масле), по линии прадедушки со стороны отца — уроженка Савойи (где готовят на сливочном масле). Она живет с мужем и сыном на юге Франции. Она происходит из простой семьи — отец был преподавателем математики в Алжире, ему пришлось оттуда уехать в 1962 г., когда объявили независимость. В 1968 г. они обосновались во Фрежюсе. По ее словам, надо было хватать чемоданы, иначе — конец.

Ее муж врач, он принадлежит к тому же кругу.

В родительской семье Ноэль любят поесть: отец ест много, любит мясо, но с тех пор, как у него появились проблемы с холестерином, жена (мать Ноэль) посадила его на диету, вынудила отказаться от мяса, есть вареные овощи, иногда чуть-чуть приправленные оливковым маслом.

Всю свою юность Ноэль прожила при жесткой диете и всю жизнь страдала от того, что «ест не так, как все». Единственной отдушиной было напроситься в гости к крестной, которая «ела все, нормально питалась». Она думала, что в браке ее желудок получит свободу, и пошла учиться на врача, «чтобы лечить своих родителей».

Ее муж, врач, меняет свои вкусы, даже пищевые пристрастия одно за другим и заставляет всю свою семью следовать его примеру и соблюдать диету: он очень строго сле-

Упрощенная геносоциограмма «диетических конфликтов»

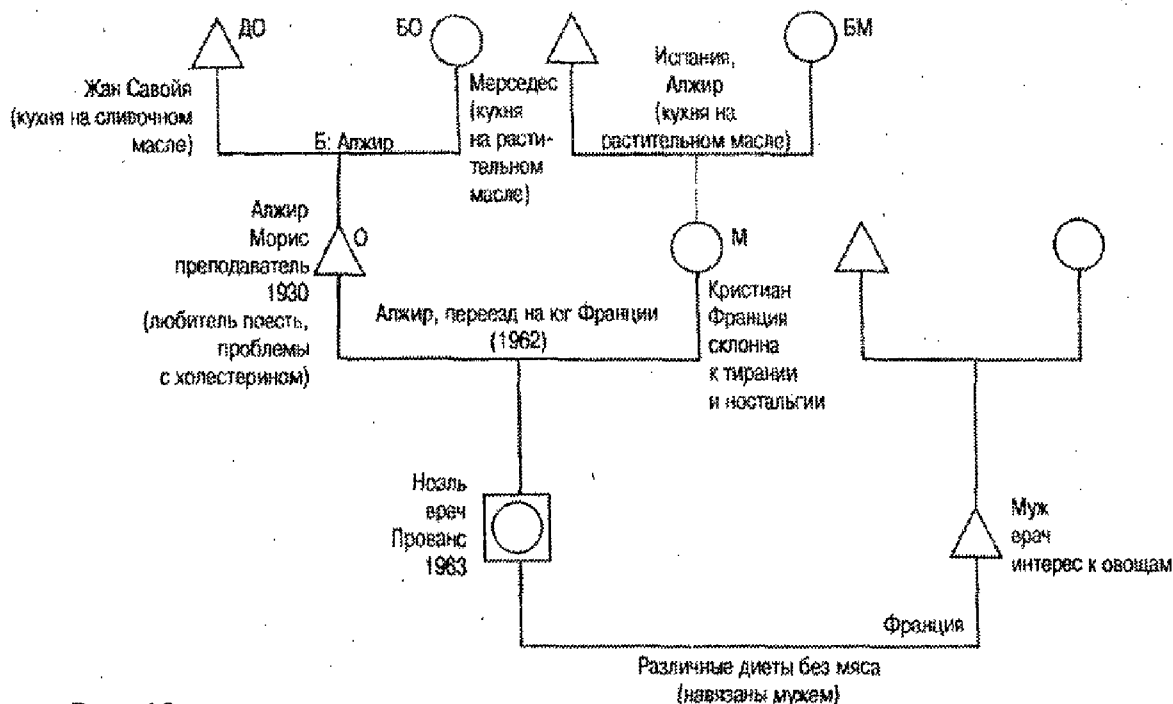

Рис. 10.

дит за питанием их сына, которого кормят рисом и чечевицей. В диетах он столь же строг, как и мать Нозль по отношению к отцу. Итак, Нозль снова переживает тот же стресс и то же давление в отношении питания. Ее муж сначала увлекается «инстинктотерапией»: ест все сырое, выбирая продукты на запах непосредственно перед тем, как сесть за стол (для хозяйки дома это лишняя проблема, так как приходится покупать больше, чем съедается, она готовит и подает еду, а часть ее выбрасывается). Затем он столь же убежденно и страстно переходит к макробиотике (в рационе остаются главным образом рис и пророщенные зерна, никакого мяса и рыбы), и это создает для хозяйки новые проблемы: проращивание зерна и долгое приготовление, закупки в специальных магазинах, не говоря уже о проблемах приема гостей и семейных обедов с друзьями, у которых другие, т.е. нормальные привычки.

Нозль страдает от этого давления и социальной дифференциации, которая создает социальную дистанцию. Она уже перестала ориентироваться, теряет по поводу вкуса, запахов, густоты и вида еды, запуталась в выборе посе-

щаемых ею магазинов. Это становится поводом для частых споров, супружеских конфликтов и постоянной напряженности.

Но самая серьезная (и совершенно незаметная) проблема состоит в том, что ее муж, резко отрицающий мясо, лишает ее семейных корней, ее «*диетической идентичности*» — представлений о том, какая еда казалась «нормальной» ее отцу, что должен есть «настоящий мужчина» (главным образом бифштекс с жареной картошкой). Ее муж лишает их сына этой важнейшей составляющей, отрезая таким образом от семьи, традиций и «пищевой, а также мужской идентификации». Эти пищевые запросы отделяют его даже от собственной семьи, которая считает, что он «немного не в себе». В семье Ноэль женщина выбирает пищевую идентичность и навязывает ее, в семье мужа это делает мужчина.

ВЫВОДЫ

ВЕРХНИЙ ЯРУС ТРОПИЧЕСКОГО ЛЕСА И ЧЕЛОВЕК

Углубление в геносоциогаммы и трансгенерационный анализ при современном уровне знаний и научных исследований может лишь дать выход на клиническую работу, целью которой является поиск повторяющихся ситуаций в семье, чтобы в случае необходимости прекратить их, а также нарушений, вызванных невысказанностью, чтобы устранили и преодолеть их. Такая работа позволяет субъекту поставить перед собой жизненно важные вопросы.

Итак, очевидно, что каждый человек обретает *идентичность* с учетом собственной истории — как семейной, так и личной; обе они связаны с историческим контекстом, который лучше знать и активно использовать, чем пассивно испытывать его влияние на себе.

В начале нового века генеалогия вошла в моду. Мы живем в период радикальных трансформаций окружающей среды и нашего образа мыслей, «обрамления» жизни и ее контекста. Как сказал Тоффлер, стресс — это своего рода «шок от будущего», которое многие люди ожидают с тоской: ведь вокруг столько всего неизвестного, в том числе связанного с выживанием нашей культуры, да и всей планеты.

Каждый тренер, каждый терапевт, каждый врач, к какой бы школе он ни принадлежал, сталкивается с трудными случаями, которые классические теории объяснить не в состоянии. Он встречается с тем, что человек «корнями уходит» в собственную историю, часто скрытую, которая проявляется в особые моменты, моменты «ясности» — на уровне речи или представления о «вещи» через тело (болезнь, несчастный случай, смерть).

Задача терапевта состоит в том, чтобы вести своего клиента, анализируя, помогая найти свою «историю», предста-

вить ее словами в связном виде, увидеть ее нити и прояснить смысл. И когда речь идет о личной истории, в которой было много тягостных событий, ставкой такой работы становится возможность выхода из хаоса, бездумности, невысказанности и повторений, осознание истории своей семьи и своего прошлого. Начать сначала, перевернуть страницу можно лишь тогда, когда на этой странице все ясно, все стерто или вот-вот будет стерто или изменено.

Таким образом можно создать и заново «изобрести» свою жизнь.

Весной 1957 г. в лесах Амазонии, куда я, недолго думая, отправилась одна в этнологическую экспедицию, я присоединилась к группе охотников на тигров и золотоискателей. Маленький самолет, которым управлял воздушный ковбой, должен был доставить нас на место, тогда неизвестное, в лагуну Канаямы, на излучине Ориноко и Рио-Каррао. Ориентируясь по островам брошенных самолетов, мы приземлились на поляне, которая называлась «Прыжок ангела», разбили лагерь неподалеку от огромного водопада Салто дель Анжель, примерно на тысячеметровой высоте, и спали в гамаках, привязанных к деревьям.

Пробуждение ранним утром оказалось незабываемым: чудо *серендипити*¹ — как если бы трем принцам из Серендипа улыбнулась удача и они нашли бы не то, что искали, а то, что им было нужно и чего хотелось.

Внизу шла своя жизнь: индейские женщины, вышедшие из леса, забавлялись с моими вещами, передразнивали меня, когда я умывалась, испытывали средства от комаров, духи, мыло, одежду, не понимая их смысла и предназначение. Потом я спустилась, мы познакомились, и они пригла-

¹ *Серендипити* — выражение Горация Уолгула (1717 — 1797), заимствованное из цейлонской сказки о трех принцах из Серендипа (*The Three Princes of Serendip*), которые обладали способностью случайно делать счастливые и неожиданные открытия; используется экзистенциальными психологами, cf. *Oxford Dictionary*, 1964. Уже греки использовали тот же корень, чтобы достигнуть цели и иметь удачу (*eutychia, tychè, fortune*): Platon, *Euthydeme ou le Disputeur*, Paris, La Pléiade, vol. 1, 571, 1950, rééd. 1989. [Cf. A. Ancelin Schutzenberger, 1996, *La serendipité*».]

сили нас в свою деревню. Это одна из самых незабываемых встреч в моей жизни.

Наверху, очень высоко, шла еще более таинственная и совершенно неизвестная жизнь под кроной больших тысячелетних деревьев.

С тех пор как исследователи, ботаники, биологи, зоологи, этологи, взялись за изучение того, что называется «верхним ярусом влажного тропического леса» (*the canopy, the tree top* — вершина деревьев по-английски), они используют для этого «вершинный плот» (*the tree top raft*)², на который они приземляются с помощью дирижаблей или небольших челноков.

Так они открыли переплетение неизвестных связей, целую жизнь между небом и землей, в плоскости лес — атмосфера, в тридцати — сорока метрах от земли, где есть своя особая растительность и мелкие животные, нигде больше не встречающиеся.

Верхний ярус тропического леса — это лиственный экран для организмов, живущих на низких уровнях (на земле). Он является как бы солнечной энергетической станцией, которая обеспечивает рост и функционирование всего леса.

Исследователи (этологи в широком смысле) изучают на их основе происхождение жизни и человека, выдвигают гипотезы о будущем нашей планеты.

Мне показалось, что подобным же образом, взбираясь на вершины нашего генеалогического древа и «психогенеалогии», вникая в ее *различные формы* и переплетения, мы сможем распутать нить нашей семейной и личной жизни (нашу геносоциограмму), понять ее. Таковы перспективы *верхнего яруса жизни для человека*.

Перечитываем Фрейда. В «Толковании сновидений» он говорит о «призраках»: «Имена детей должны определять-

² Верхний ярус тропического леса (*the canopy*) был обнаружен некоторыми исследователями в конце сороковых после войны, и наиболее важные исследования были проведены в Амазонии, Гвиане и Камеруне около 1986 и 1989 гг.

ся памятью о дорогих людях. Их имена делают детей призраками».

Рассмотрим некоторые психоаналитические корни этой работы в наследии Фрейда и Ференци. Отметим «семейные повторения» (и хорошие, и трагические), синхронию возрастов и чисел, «синдром годовщины».

Более двадцати лет назад (1975) Иван Бузормени-Надь открыл «невидимые» связи, «невидимые лояльности» (семейные), которые соединяют каждого человека с его семьей (с представлениями о справедливости и балансе «семейных счетов»).

Николя Абрахам и Мария Тёрёк (1975) столкнулись с так называемыми замурованными «призраками», которые якобы иногда выходят из тайных семейных склепов и являются людям, влияя на тело и дух (как в рассказах о домах с привидениями или в некоторых новеллах Агаты Кристи).

Как такое может быть возможно?

Что это — своего рода энграммация³, скорее психологическая, нежели физиологическая?

Говоря упрощенно, при рождении и даже *во чреве* ребенок получает определенное количество посланий: ему передают фамилию и имя, ожидание ролей, которые ему придется играть или же избегать. Эти ролевые ожидания могут быть позитивными и/или негативными. На ребенка может проецироваться, например, идея о том, что он — «копия дедушкиного брата Жюля», и все вокруг начинают думать, что он будет авантюристом, «недобропорядочным гражданином», как и дед. Из ребенка делают «козла отпущения», на него «наденут одежду покойного», которого ему предстоит замещать. Как феи вокруг колыбели Спящей Красавицы, ему много всего предскажут — предписания, сценарии, будущее. Это будет сказано явно или останется невысказанным и будет подразумеваться «по умолчанию» и храниться в стро-

³ Энграмма — след, оставленный в памяти любыми событиями в процессе биоэлектрического функционирования мозга (Larousse).

гой тайне. Однако явные или неявные ожидания будут «программировать» ребенка.

Затем семья и окружение начнут вводить эту программу в психику ребенка: его жизнь и смерть, брак или безбрачие, профессия или призвание, будущее станут, таким образом, производной от всего семейного контекста — высказанного и невысказанного.

Эта область мало изучена. Каждый терапевт сам разрабатывает собственную концепцию в зависимости от школы, к которой принадлежит. Однако точно известно, что исследованиями Жозефины Хилгард доказана *статистическая значимость синдрома годовщины*. Существуют клинические подтверждения *синхронности дат* рождений и смертей, значимой во многих семьях, и, конечно, повторения ситуаций в семье из поколения в поколение.

Одно представляется более, чем вероятным — это то, что мы находимся в области *истоков, которую в терминах психоанализа можно было бы назвать областью основополагающего забвения субъекта*.

Для большей ясности обратимся к случаю, на который ссылается психоаналитик Сильвана Олиндо Вебер, чьи исследования посвящены изучению соматизации, т.е. «роли, которую бессознательная сфера заставляет играть тело»⁴. Она рассказывает историю женщины, у которой четвертый ребенок, мальчик, каждую ночь просыпался с плачем. Во время лечения пациентка вспомнила, что однажды ночью умер ее двухлетний младший брат — «внезапной смертью грудного младенца». Тот же печальный конец постиг двух других братьев.

После того, как она рассказала аналитику об умерших братьях, ее ребенок стал спать спокойно. Это напоминает многочисленные клинические случаи, на которые ссылается Франсуаза Дольто, рассказывая о том, как она работает с грудными детьми и детьми постарше.

⁴ Olindo-Weber S. et Mazeran V. (1991), «A l'écoute du corps souffrant» in Journal des Psychologues, sept. 1991.

На мой взгляд, все, что происходит в трансгенерационной терапии, имеет ту же природу.

Кстати, Фрейд интуитивно чувствовал важность трансгенерационной передачи. В своей работе «*Totem и табу*» он пишет:

«Если психические процессы одного поколения не передавались бы другому, не продолжались бы в другом, каждому пришлось бы вновь учиться жизни, что исключило бы всякий прогресс и развитие. [...] Какими средствами пользуется одно поколение, чтобы передать свои психические состояния следующему поколению? Эти два вопроса еще не получили удовлетворительного решения, и прямая передача через традицию, о которой есть соблазн подумать в первую очередь, далеко не соответствует желаемым условиям. Каким бы сильным ни было подавление, тенденция никогда не исчезает до такой степени, чтобы не оставить после себя какой-нибудь субститут, который, в свою очередь, становится отправной точкой некоторых реакций»⁵.

Не желая сравнивать несравнимое, передача все еще (пока) находится под знаком неизвестности и вопроса. Но мы надеемся, что вскоре прогресс междисциплинарных исследований, затрагивающих одновременно гуманитарные науки, биологию, квантовую физику, этологию животных и человека, а также открытия новых нейротрансмиттеров позволят лучше понять, как происходит эта передача и как осуществляется коммуникация и между индивидами, и между поколениями (то, что Морено интуитивно почувствовал, назвав термином «теле»).

Карл Прибрам доказал, что мозг работает, как голограмма. Недавние исследования Ильи Пригожина, Давида Бох-

⁵ Freud S. (1913), *Totem et Tabou*, Paris, Payot, 1965, PBP: 181–182.

ма, Фритьофа Капры о времени и «теле — пространстве — времени» показали, что все взаимосвязано.

Этология животных, от Дарвина до Хинде и Шельдрейка также затрагивает проблемы передачи.

Руперт Шельдрейк⁶ рассматривает вопрос о передаче как своего рода *энграммации*, подобно тому, как синицы в Англии из поколения в поколение передают друг другу способ вскрывать банки с молоком, выставляемые у дверей коттеджей, — ведь сейчас все происходит так, как будто им не нужно обучаться этому.

К проблеме *передачи, происхождения и забвения* из области *первичного вытеснения* обращался не только Фрейд⁷, но и совсем недавно Анзье и Кэс⁸ (1992).

Проблему *передачи* ставил еще Платон в «Мифе Эрр Памфлиен»: Платон⁹ описывал, как души теряют память обо всем и забывают, что они видели до рождения. Мы могли бы сказать, что это забывание предшествующих знаний позволяет жить здесь и теперь, создавая собственное личное будущее, в известной степени свободное от гнета прошлого. Если я хорошо понимаю Платона, *Лета* означает, вероятно, возврат к предшествующим поколениям.

Уже несколько лет психоаналитики как в США (Мартин Бергман и Хилтон Джакуи, с 1982 г. работающие с

⁶ Sheldrake Rupert (1981), *A New Science of Life: the Hypothesis of Formative Causation*, London, Blond and Briggs, rééd. 1985.

Sheldrake Rupert (1990), *The Rebirth of Nature*, London, Rider. Sheldrake Rupert (1988), *The Present of the Past: Morphic Resonance and the Habit of Nature*, London, Collins, tr. fr. *La Mémoire de l'univers*, Monaco, Le Rocher, 1988, 184. (Sheldrake reprend les cartes de Fisher et Hinde, 1949, *British Birds*, о вскрытии бутылок молока в 1935, 1941, 1945, 1947, в Великобритании.)

Sheldrake Rupert (1990), *Communication privée*, 1991/1992.

⁷ Freud S. (1915), *Métapsychologie* (вытеснение, 48, и бессознательное, 88), Paris, Gallimard, 1952.

⁸ Kais René (1992), *L'invention psychanalytique du groupe; hommage à Didier Anzieu. Portrait d'Anzieu avec groupe*, Marseille, Hommes et Perspectives, 1992.

⁹ Platon (427-347), «Mythe de Er le Pamphylien», in *La République*, X, 614, Paris, Gallimard, *La Pléiade*, volume 1, 1231-1232, 1950, rééd. 1989.

Я напоминаю, что я не специалист по Платону и не говорю ни по-немецки, ни по-гречески.

поколением детей — жертв Холокоста), так и во Франции (в частности, Франсуаза Дольто-Маретт, Николя Абрахам и Мария Тёрёк, а также Дидье Дюма и Серж Тиссерон) снова выдвигают гипотезу о консервативном вытеснении и цепи передач *невысказанного* от одного поколения другому, — того, что становится для детей тайной, о которой не говорят (т.е. захороненной), *страданием, которое можно представить, но нельзя выразить словами* (они не имеют права говорить об этом). Это *невыразимое* оказывается похороненным в бессознательном как внутренней структуре. В третьем поколении тайное и невыразимое словами становится *непомышляемым* (то есть даже подумать о нем нельзя), поскольку это невозможно представить (*генеалогическое непомышляемое*), оно становится «призраком», преследующим того, кто часто страдает от необъяснимых симптомов, указывающих на тайну, которую родственник спроецировал на него, а он об этом и не подозревает.

Рассуждая с позиций трансактного анализа, психоаналитик Фанита Инглиш даже говорит, что в замкнутой системе «горячую картофелину» (the hot potatoe) передают из поколения в поколение, чтобы от нее избавиться.

По ее мнению, в случаях серьезных трудностей с родителями маленький ребенок сам себе строит *эпизоды* — историю, тайную интригу, основанную на магической вере в то, что ему удастся избежать печальной судьбы, если он сумеет передать ее жертве или козлу отпущения (English, 1974, p.199). Она называет это хамартическим сценарием: передавая проблему другому, человек освобождается от своего «разрушительного трагического сценария».

Монтень, в тридцать лет потерявший своего друга Ла Боэция, вел себя так, как если бы тот жил в нем, являлся ему — он пытался оживить его, публикуя его записи или говоря о нем, о своей привязанности, дружеских чувствах к нему в своих «Эссе» (1580 — 1582). Монтень описывает это овладение душой так:

«В дружбе, о которой я говорю, [наши души] сливаются, перемешиваются друг с другом, становясь такой универсальной смесью, что стираются и исчезают швы в месте их соединения. Если меня спросят, почему я его любил, я чувствую, что это можно объяснить, только ответив так: потому что это был он, потому, что это был я» (Essais, 1, 28).

Вот как описывает это Ла Боэций (в пересказе Сент-Бева): «Некоторые души объединились однажды, и ничто не может их разъединить. То, что навсегда соединило тебя со мной, о Монтень, что бы ни случилось, — это сила природы, это самая приятная черта любви, добродетель»¹⁰.

У Монтеня эта одержимость в течение всей его жизни была осознанной. Кстати, он оживил Ла Боэция в своих «Эссе», передал нам память о нем, впрочем, он говорит о «квинтэссенции всей этой смеси», в результате чего более нельзя отделить мысль одного от мысли другого.

Подобная неосознанная одержимость, по мнению Николая Абрахама и Марии Тёрёк, вероятно, является результатом работы «призрака» в бессознательной сфере.

Эти гипотезы вписываются в поле психоаналитических исследований, опираясь на аналитические понятия «проецирования», «инкорпорирования», «вытеснения», «раскола».

Но не будем забывать о том, что Фрейд мыслил также в терминах филогенеза, будучи «биологом по духу»¹¹.

В работе «Пять случаев психоанализа»¹² он уточняет: «Я склонен думать, что филогенетические схемы, которые ребенок приносит, появляясь на свет [...] — это сухой остаток истории человеческой цивилизации», даже если эта гипотеза оспаривается некоторыми как фантазийная экстраполяция.

¹⁰ Sainte-Beuve (1857), *Causerie du Lundi*, t. IX, Paris, Garnier.

¹¹ Sulloway F. (1975), *Freud, biologiste de l'esprit*, Paris, Aubier-Flammarion, 1978.

¹² Freud S. (1909), *Cinq psychanalyses*, Paris, PUF, 1954.

Указания на эту интуицию мы снова встречаем в журнале «Соматотерапия» (1991 – 1992). О ней упоминают исследователи, работающие с ребефингом, которые заметили, что еще *во чреве матери* с седьмого месяца беременности ребенок начинает видеть сны, и, вероятно, эти сны передает ему мать: у него те же сны и тем самым он имеет (или может иметь) доступ к ее бессознательной сфере.

Аналогичные предположения на уровне интуиции делает Франсуаза Дольто, по мнению которой бессознательное матери и ребенка связаны, и ребенок знает, угадывает и чувствует вещи, относящиеся к семье в течение двух-трех поколений¹³.

Это в известной мере совпадает с нашим клиническим опытом. На психодраматических сессиях во время повторного переживания рождения у взрослого человека появляются манеры, движения губ и тонкий голос младенца (какой бывает до ломки у взрослого человека), он вспоминает важные и травмирующие факты своего рождения или события, случившиеся до его появления на свет (в некоторых случаях это удалось проверить).

Николя Абрахам и Мария Тёрёк пишут, что «призрак — это то, что производит наше бессознательное, особенность которого состоит в том, что он никогда не был осознанным и не случайно является результатом перехода (как именно, *остается выяснить*) из бессознательного родителя к бессознательному ребенка».

Сократ говорил, что он идет своим путем, по своему усмотрению, кроме тех случаев, когда тихий голос¹⁴ *Даймона* («внутреннего поводыря», «доброего демона» или при-

¹³ Dolto-Marette Françoise (1908-1988), *Euvres Complètes et communications privées* (1953-1988).

¹⁴ Platon, *Apologie de Socrate, œuvres complètes*, t. I, 31 D (p. 159) et 40 A (p. 170) et 41 D (p. 173), Paris, Les Belles Lettres, Association Guillaume Budé, 1959.

«Это связано с [...] происходящим во мне определенным проявлением Бога или Божественного разума...». «Это нечто, берущее начало в моем детстве, некий голос, который, когда его слушают, всегда уводит от того, что я собирался делать, и никогда не подталкивает к действию». [31 D, 159.] «Привычное мне предупреждение от Божественного разума доносилось до моего слуха очень часто [...] и сдерживало меня даже в маловаж-

вычного духа) не останавливал его и не заставлял повернуть вспять.

Но нам не всегда хватает мудрости или терпения не спешить, прислушаться к нашему тихому внутреннему голосу.

Я полагаю, что при современном уровне знаний нам, клиницистам, следует наблюдать и описывать эти явления — скажем, странные случаи передачи от одного бессознательного другому, собирать факты, клинические описания, публиковать их, проводить клинические и одновременно статистические исследования (как сумела сделать Жозефина Хилгард по синдрому годовщины). Тогда, может быть, понимание этих «фантомов» бессознательного, этих «повторений», «годовщин» приблизит нас к познанию взаимодействующих существ, имеющих интуицию и язык, т.е. нас.

Мертвец хватает живого, как гласит поговорка и римское право.

ных действиях именно в тот момент, когда я собирался делать то, что не было хорошо». [40, 170.]

«Итак, ни этим утром, когда я выходил от себя, Божественный голос не остановил меня, ни в тот момент, когда я поднимался [...], ни в то время, когда я говорил, предупреждая о том, что я собирался сказать...» [40 В, 170.]

«Часто, однако, при других обстоятельствах он заставлял меня замолкать в самый разгар моего изложения...» [40 В, 171]. «...Это [...] является для меня убедительным доказательством. Исключено, чтобы мой обычный знак не остановил меня, если то, что, я собирался делать, не было хорошим». [40 С, 171.]

ПРИЛОЖЕНИЯ

Определение «склепа» и «призрака» по Николя Абрахаму и Марии Тёрёк

В некоторых случаях (в частности, при наличии тайн) все происходит так, как будто тот, кто умер при драматических, постыдных или «несправедливых» обстоятельствах, не мог уйти и оставался связанным с семьей в виде призрака или привидения, спрятанного или плохо захороненного в склепе — в сердце потомка. Иногда он говорит как чрево-вещатель, а иногда проявляется в виде повторяющихся симптомов, передающихся через бессознательное от родителя к ребенку.

«Чтобы появился склеп, нужно, чтобы постыдная тайна стала фактом объекта, играющего роль Я-идеала. Речь идет, таким образом, о том, чтобы хранить свою тайну, прикрыть свой стыд (N. Abraham, M. Török, *L'Écorce et le Noyau*, *op. cit.*)».

Место склепа в психическом аппарате.

В топике «склепу» соответствует определенное место. Это не динамическое бессознательное, не «Я» интроекции.

«Это скорее раб обоих, своего рода искусственное бессознательное, которое находится внутри «Я» (moi). (Ничто не должно просочиться во внешний мир.) Именно «Я» (moi) принадлежит функция охраны кладбища» (*ibid.*, p. 254).

Возведение «склепа», по мнению авторов, — это консервативное вытеснение, которое они противопоставляют соб-

ственно вытеснению (обычно называемому динамическим вытеснением), особенно отчетливо проявляющемуся в случае истерии. Главное различие между этими двумя видами вытеснения состоит в том, что в истерии желание, порожденное запретом, ищет выход и находит его в символической реализации (истерическая конверсия), тогда как у «склепоносителя» (то есть у того, кто несет в себе склеп),

«... это реализованное желание, бесповоротное, которое оказывается погребенным, не способным ни возродиться, ни превратиться в пыль. [...] Таким образом, прошлое выступает как блок реальности, именно к нему стремятся при отрицаниях и «опровержениях» (ibid., p. 255).

Коротко говоря, склеп — это что-то вроде включения внутри самого «Я» (moi), результатом чего является консервативное вытеснение.

Используя терминологию Марии Тёрёк и Николая Абрахама, мы предлагаем следующее резюме:

«Склеп» — это некое искусственное бессознательное, расположенное внутри «Я» (moi), результат потери объекта, нарциссически необходимого, причем эту потерю нельзя открыто признать из-за тайны, которую делят носитель «склепа» и потерянный объект. Содержание тайны расценивается как некое «преступление», которого следует стыдиться и в котором невозможно сознаться, оно составляет Реальность (в метафизическом смысле этого термина) субъекта-«склепоносителя».

Работа «призрака» в бессознательном

«Призрак — это образование бессознательного, которое имеет особенность никогда не быть осознанным [...] и возникает в результате перехода (каким образом — еще предстоит определить) из бессознательного родителя к бессознательному ребенку». [...] «Призрак — это работа

в бессознательном, тайна, в которой невозможно признаться другому (инцест, преступление, внебрачный ребенок...). Его закон — вынужденное незнание». [...] «Появляющийся призрак-преследователь — свидетельство существования покойного в другом человеке. [...] Он не имеет собственной энергии. [...] Он молча преследует свою цель — нарушить связь. Добавим, что его поддерживают оккультными словами, он вроде невидимого гнома, который старательно трудится, чтобы из бессознательного разорвать когерентность последовательных связей». [...] «Именно из бессознательного приходят навязчивые слова, поддерживающие призрака, [...] часто это ключевые слова всей семейной истории, в которой они помечают жалкие стыки». [...] «Это пробел в том, что можно выразить словами. [...] Появление призрака указывает, что на потомка, вероятно, воздействует то, что для родителя означало рану, даже нарциссическую катастрофу». [...] «Его проявление, навязчивость — это возврат призрака через слова и странные действия, симптомы (фобические, маниакальные) и т.д. В моменты периодического компульсивного возвращения [...] призрак проявляется, как чревоуещатель, как чужой по отношению к собственной топике субъекта». [...] «Так, человек, которому является призрак, оказывается зажатым с двух сторон: любой ценой соблюсти незнание тайны ближнего (отсюда ее игнорирование) и одновременно снять это состояние тайны, отчего та превращается в неосознанное знание». [...] Так показывается и прячется то, что в глубинах бессознательного заложено как знание о тайнах ближнего, живое и мертвое одновременно» (ibid., p. 391 — 432).

Дуальное единство и навязчивое преследование

Николя Абрахам и Мария Тёрёк полагают, что только введение генеалогического понятия, в частности, «дуального единства» позволяет осознать призрак и его проявление, навязчивость в преследовании как метапсихологические факты.

Концепция единства имеет дуальный характер: изначальным двуединством является единство отношений «мать — ребенок» (или «родитель — ребенок»).

«Дуальное единство — это неразделенное — разделенное, или разделение, включенное в неразделимое. Неразделимое, индивид появляется как раз через разделение, происходящее внутри» (ibid., p. 397).

В основе этого разделения лежит филогенетическое событие — разлука, отделение от матери. Таким образом:

«Это разделение у обоих партнеров вызовет лишь боль из-за отсутствия матери. Действительно, возникает парадокс: если ребенку будет не хватать матери, то матери, в свою очередь, будет не хватать той матери ребенка, которой она была» (ibid., p. 396).

По мере взросления

«двуединство «мать — ребенок» превращается во внутренний двойной союз между Бессознательным и Я (moi)» (ibid., p. 399).

Статистические исследования синдрома годовщины, проведенные Жозефиной Хилгард (работы с 1952 по 1989 г.)

Жозефина Хилгард в 1953 г. в маленькой статье описала некоторые клинические случаи *синдрома годовщины* у родителей в виде «направленной» реакции в химическом

смысле слова или вновь «пущенной в ход» их же собственными детьми, достигшими того возраста, в котором были их родители в то время, когда их собственные родители умирали или попадали в медицинское учреждение.

Хилгард Ж.Р. (1953): *Anniversary Reactions in Parents precipitated by children*, *Psychiatry*, 16, с. 73-80:

«Мария Банкрофт, мать шестилетней девочки Дженни, страдает пневмонией, плевритом и психозом. Когда самой Марии было шесть лет, ее отец умер от плеврита, пневмонии и менингита на последней стадии [...]

Возможно, речь идет о реакции годовщины. [...] На это указывает тот факт, что острые симптомы проявились, когда дочери исполнилось столько лет, сколько было ее матери в год смерти отца, а также то, что ее пневмония и плеврит повторяют симптомы отца на финальной стадии болезни. Психотические симптомы появились еще тогда, когда она лечилась в больнице от пневмонии. [...] Однажды утром пациентка заявила, что она беседовала с Богом, что она сама божественна [...] и бессмертна, [...] и начала петь, свистеть, кричать.» (1953, с. 73).

За год до того, как я ее увидела, ее госпитализировали и трижды лечили электрошоком (но получили лишь кратковременные улучшения)».

Во время психотерапевтического лечения у Жозефины Хилгард [...] «мадам Банкрофт часто связывала опыт своей дочери с собственным детским опытом — Дженни видела, что ее (Марию) уносят на носилках. Как мать Марии отвергала ее, так сейчас она сама своим отсутствием бросает Дженни. [...]

Она делает многое из того, что делала ее мать, совсем не то, что ей свойственно. [...] Когда мы начали рассматривать ее нынешнюю болезнь

как повторение чего-то, чему она не могла противостоять, будучи ребенком, появились заметные успехи в лечении (она смогла покинуть больницу, возобновить совместную жизнь со своим мужем, но пока что не с дочерью) (ibid., p. 74).

Джеймса Карсона тридцати четырех лет госпитализировали в связи с жалобами на невыносимую головную боль, длящуюся более четырех лет. [...] Дело дошло даже до попытки самоубийства — он выпил 50 таблеток фенобарбитала. Острые симптомы начались, когда его сыну исполнилось четыре года — столько же было самому Джеймсу, когда его собственный отец внезапно умер от *инфлюэнцы* (гриппа). [...]

При рождении сына он сменил работу — из службы в охранном бюро универмага перешел на работу криминалиста — следователя в частной полицейской фирме. [...] А когда сыну исполнилось четыре года, он перешел на службу в железнодорожную полицию в ту же кампанию, где работал его отец (хотя давал себе слово никогда этого не делать). Возможно, это реакция на годовщину? Бессознательное отождествление себя с отцом?» (ibid., p.75.)

После не очень успешной психотерапии клиент оказался в ситуации, которую считали безнадежной — у него были галлюцинации, тяга к убийству и самоубийству. «Но когда возникла гипотеза о связи его болезни с годовщиной, состояние его значительно улучшилось после того, как он воскликнул: «О, черт, если бы мой отец не умер, я не был бы в этом г... [...] Вы знаете, я стал понимать: у моего отца были сын и дочь, и у меня есть сын и дочь, [...] и у меня такое чувство, будто мой отец — это я, а я — это мой отец»:

Аспект инкорпорирования идентификации с умершим отцом (тем более) очевиден, что [как он говорит, вспоминая про боли в желудке] ему казалось, будто его раздувает, словно внутри него было что-то вроде трупа» (ibid., p. 77).

Ж. Хилгард пишет по этому поводу:

«Пока не обнаружили центральную тему (синдром годовщины), оба эти случая казались необъяснимыми (им навесили ярлык шизофрении). Казалось, симптомы появляются без причины. После осознания центральных эпизодов, остальной клинический материал встал на свои места. [...] Одна из причин, по которой подобные случаи не распознаются, состоит в том, что центральная фигура — маленький ребенок, который не кажется причастным к делу, но именно он дает ключи, объясняющие болезнь или проблему родителей» (1989, с. 235).

Чтобы установить реальность синдрома годовщины, Жозефина Хилгард провела два систематических исследования пациентов, поступивших в две калифорнийские больницы. Речь шла о 8680 больных.

Со своей командой она просмотрела карты и анамнезы всех, кто поступал в больницу в течение девяти месяцев с 1954 по 1957 гг., отбросив карты тех, кому было более пятидесяти лет, страдающих алкоголизмом, органическими поражениями, а также психопатических личностей. Остались 2402 больных (белых), 3/5 из них имели диагноз шизофрения, 1/5 — маниакально-депрессивный психоз, и 1/5 — психоневротики. Среди них отобрали для исследования лишь тех, кто впервые попал в больницу после свадьбы, отцовства/материнства, *потерял родителей в результате смерти в*

¹ Докторантура в области психологии (PhD) при получении стипендии от Национального института психического здоровья (НИПЗ) в 1954 — 1959 гг., за которой следовало обучение медицине.

возрасте от двух до шестнадцати лет при условии, что дата потери родителя могла быть точно установлена в беседе, по документам, журналу учета и больничной картотеке.

Из большого числа поступивших (8680), сокращенного до 2402, после отбора по возрастным ограничениям и наличию детей осталось всего 184 больных, или 8% от общего числа: 37 мужчин и 147 женщин (50% протестантов, 35% католиков, 1% евреев):

«Среди больных-женщин совпадение возраста (синдром годовщины) проявилось у 15 из 65 женщин, потерявших мать, и только у 9 из 82 женщин, потерявших отца [...]. Эти числа достаточны для статистического изучения. [...] По каждой болезни выделили два возраста. Первый — возраст при первом поступлении в больницу, второй — гипотетический возраст синдрома годовщины, т.е. предполагаемый возраст больного (больной), если бы старшему ребенку было столько же, сколько было ему (ей) в момент потери родителя (статистик должен был определить, встречается ли соответствие между этими возрастами чаще, чем при случайном совпадении). Корреляции указывают на то, что о случайности речь идти не может: синдром годовщины проявляется чаще, чем предполагалось, т.е. он статистически значим на уровне 0,03 для женщин, потерявших свою мать (т. е. родителя того же пола).

Итак, синдром годовщины статистически доказан (в случае психотических эпизодов у госпитализированных взрослых женатых (замужних) пациентов)».

К сожалению, количество мужчин, соответствующих этому критерию, слишком мало для статистического анализа. Однако достаточно отметить сходную тенденцию у мужчин, потерявших отца, при этом статистически связь

не является значимой для случаев потери родителя противоположного пола.

Может возникнуть вопрос, чем вызвано это различие между мужчинами и женщинами.

Чтобы ответить на него, Хилгард вернулась к группе больных, госпитализированных в связи с алкоголизмом (930, из них 670 мужчин).

Приняв гипотезу возможного «выбора» между психозом и другими патологическими проблемами у мужчин, а также изучая совпадения возрастов и потери от алкоголизма у взрослых мужчин, Жозефина Хилгард доказала, что «алкоголизм — альтернатива психозу в ответ на чувство конфликта, создаваемое появлением в доме младенца» (Жозефина Хилгард, Марта Ньюман, *Anniversary in Mental Illness, Psychiatry*, 1959; *Evidence For Functional Genesis in Mental Illness: Schizophrenia, Depressive Psychoses and Psycho-neuroses*, *J. Nerv. Dis.* 132: 3—16, 1961).

Один из важных пунктов этого исследования — открытие *синдрома годовщины*, и в дополнение к нему — *двойной годовщины*, или *последовательной годовщины*: мать двоих детей страдает депрессией с психическим эпизодом в тот период, когда у каждого из детей наступает возраст, в котором она сама потеряла мать (например, в случае с больной Мартой М. тринадцати лет).

Напомним, что психическое расстройство с госпитализацией (помещением в закрытое заведение) является статистически значимым с 0,03, если речь идет о дочери, потерявшей мать (умерла или заболела психозом), и только вероятными, если речь идет о потере отца (т.е. чаще встречаются и являются более значимыми случаи расстройств при потере родителя одного с пациентом пола). Для Хилгард тот факт, что психоз реже встречался у мужчин, объясняется тем, что мужчины более гибки в ролевом плане и имеют большие возможности выбора по сравнению с женщинами, стремящимися играть свою роль в обществе и в жизни, и многие мужчины в трудных случаях находят «убежище в бутылке», т.е. в алкоголизме.

Хилгард и Ньюман в двух статьях (1959 и 1961) приводят другие клинические примеры.

Исследования случаев потери матери *из-за психоза* (с помещением в лечебное учреждение) показали то же явление синдрома годовщины: когда дочь достигала возраста, в котором была госпитализирована мать (Hilgard & Fisk, 1960), дочь заболела психотическим расстройством, которое сопровождалось госпитализацией.

«Во взрослом возрасте ясно видна твердая устойчивость психотического ядра, состоящего из разного рода спутанностей и неинтегрированных идентификаций. [...] Когда обстоятельства первой травмы повторились (в то время она уже была матерью, а не дочерью) снова реактивировалась (*triggered*) травма, заложенная в детстве».

Если субъект в определенном возрасте потерял одного из родителей, в момент, когда он достигает «критического возраста», велика вероятность возобновления кризиса с психическим расстройством либо в возрасте годовщины, либо когда одному из его детей будет столько лет, сколько было самому субъекту, когда он потерял родителя своего пола.

Это чаще случается тогда, когда ребенок и родитель занимают одинаковое место среди братьев и сестер и когда семья или сам человек предвидят такой печальный поворот событий: это *сага о психозе* (которая, вероятно, близка к тому, что Робер Розенталь называл «самосбывающимися предсказаниями») и «семейная игра в сходство» и идентификации.

Однако очень многие люди не страдают психозами или неврозами, оттого что в детстве потеряли одного из родителей. Поэтому важно было понять причину проблемы и определить, при каких обстоятельствах смерть родителя (отца или матери) в детстве могла сделать человека уязвимым в период годовщины.

Другие работы Жозефины Хилгард посвящены двум тысячам семей людей в возрасте от девятнадцати до соро-

ка лет. Это была контрольная группа — показатель нормальной группы населения, проживающей по соседству с больницей. Эта группа так называемого нормального населения менее подвержена влиянию синдрома годовщины, чем обследованная группа госпитализированных больных.

Каковы различия между этими двумя типами населения?

«Какие факторы ограждали показательную группу населения [community sample] от серьезных психологических травм? [Среди них не наблюдалось уязвимости к психотическим расстройствам.] Ниже приводятся наиболее существенные из них:

— если брак до смерти одного из родителей был гармоничным и стабильным, это было хорошим предзнаменованием для следующего поколения;

— если оставшийся супруг был достаточно сильным, чтобы сохранить единую, сплоченную семью;

— если в этой опечаленной семье траур выражали и разделяли (открытое выражения горя, оплакивание...) и принимались некоторые меры компенсаторного характера;

— если удалось привлечь и использовать сеть семейной и социальной поддержки, опираясь на возможности местного сообщества».

Многие люди испытывают тоску при приближении или достижении возраста, связанного с периодом важнейшей потери. Жозефина Хилгард называет это «умеренной реакцией годовщины» (*mild anniversaries*).

Она отмечает, что после того, как период (год) уязвимости проходит, люди (выросшие дети), достигшие возраста умершего или госпитализированного родителя, чувствуют себя лучше. Некоторые даже женятся. Она вскользь замечает, что со смертью родителя затрудняется ведение домашних дел, ребенок должен самостоятельно выходить из положения, противостоять множеству трудностей, и *травма может остаться зафиксированной или укоренившейся в бессознательном.*

Это возвращение того, что вытеснялось.

Жозефина Хилгард считает, что роль психотерапевта состоит в том, чтобы предоставить инструмент и обеспечить помощь в моменты совпадения возраста, выявляя трудные моменты, *периоды годовщины*, объединяя прошлое и настоящее, чтобы рана от болезненного воспоминания лучше затянулась.

«Новое состоит в том, что стали выделять специфический синдром, проявляющийся в тот момент, когда совпадают обстоятельства и вновь переживается травма, полученная в раннем возрасте, что может спровоцировать серьезные психические заболевания» (Hilgard J., *The anniversary syndrome as related to late-appearing mental illness in hospitalized patients*, in Silver, eds, *Psychoanalysis and psychosis*, Madison, Ct, Internat'l University Press, 1989, p. 247)².

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Хилгард Жозефина, Ньюман Марта (1961), *Evidence for Functional Genesis in Mental Illness: Schizophrenia, Depressive Psychoses and Psychoneuroses*, J. Nerv. Mental Dis, 11, 12, 13.

Совпадения возраста пациента в момент потери родителя и возраста старшего из детей в момент первого попадания пациента в психиатрическую больницу (из числа женщин, потерявших свою мать между двумя и пятнадцатью годами)		
	Потеря отца	Потеря матери
Выборка	82	65
Полученные совпадения	9	14
Ожидаемые совпадения	10.56	7.08
Стандартная ошибка	2.99	2.57
Нормальная девиация*	-0.35	2.143
Вероятность*	NS	0.032

* Скорректировано по таблицам Линкольна Е. Мозес.

² Я благодарю профессора Эрнеста Р. Хилгарда из Стенфордского университета, призвавшего документы, относящихся к работам его жены, и любезно разрешившего их цитировать.

Совпадения между возрастом пациента в момент потери (смерти) отца и возраста старшего ребенка пациента в момент его первой госпитализации может быть случайным, но при смерти матери их статистическая значимость 0,032.

Следовательно, можно выдвинуть гипотезу о неосознанной идентификации родителей со своими детьми.

О душе женщины

В VI веке женщина была объявлена творением дьявола. Ошибочно считалось, что так постановили на Вселенском соборе в Никее в 325 г. (во время правления Константина), где говорилось о женской душе (см. с. 97 – 98).

По мнению специалистов в области латинского языка, это была ошибка перевода (кстати, исправленная на малом совете в Маконе в 538 г.), вызванная плохим знанием латинского языка. Но искажения, ошибки и предрассудки живучи, поэтому в декабре 1993 г. эти оговорки повторились.

Пример субституционного инцеста, взятый из истории литературы

В XIX веке в Руане дружили две семьи – Лепуатевен и Флобер. Молодой Лепуатевен женится на лучшей подруге молодой мадам Флобер, каждый становится крестным сына другого: хирург Ахилл Флобер (1784 – 1846) становится крестным Альфреда Лепуатевена (1817 – 1849), а Поль-Франсуа Лепуатевен пятью годами позже – крестным Гюстава Флобера (1821 – 1880). Их дети – Альфред Лепуатевен, его сестра Лаура и Гюстав Флобер крепко подружились: мальчики мечтают никогда не расставаться и уехать вместе на Восток, сестренке доверяют все тайны. По различным причинам Альфред в 1846 г. (в год смерти своего отца) в возрасте двадцати девяти лет женится на сестре другого Гюстава – Луизе де Мопассан (сердечный друг Гюстав Флобер чуть не умер от горя), а его сестра Лаура Лепуатевен выходит замуж за другого Гюстава – своего нового зятя Гюста-

ва де Мопассан. Двамя годами позже, в 1849 году Альфред внезапно умирает.

Через год после неожиданной смерти Альфреда Лепуатевена (ему было 32 года) его друг Гюстав Флобер 4 ноября 1849 г. отправляется в Египет с другом (замена?), Максимом Дюкамом, и в то же время у Лауры и ее мужа Гюстава в замке Миромениль появляется сын Ги де Мопассан (1850 — 1893). Вскоре Лаура покидает своего мужа и воспитывает своего сына одна. Подробности можно найти в *«Переписке Гюстава Флобера»* (1887 — 1893); ее предваряют *«Сокровенные воспоминания»* мадам Комманвиль, племянницы, а также исследования Петра Марка Биаззи и его *«Рабочие дневники Флобера»* (Париж, Балланд, 1992).

В связи с *двойным браком брата и сестры*, вероятно, можно говорить о генеалогическом или, скорее, *субституционном инцесте*, к тому же происходит *символическое зачатие в конкретный момент*, важный для брата и сестры, возникают *тройственные отношения замены*: Альфред нежно любит и свою сестру Лауру, и своего друга Гюстава, женится на сестре другого Гюстава, а его сестра выходит замуж за его брата, ее ребенок будет зачат в момент отъезда ее друга Гюстава на Восток с другим другом (путешествие взамен того, что раньше планировалось Альфредом-Гюставом?).

Лаура де Мопассан-Лепуатевен попросит Гюстава Флобера, сердечного друга своего умершего и столь любимого брата Альфреда, стать для ее сына почти отцом, что Флобер и сделает. Гюстав Флобер, ставший известным писателем, учит всему Ги де Мопассана, с 1873 г. вводит двадцатитрехлетнего Мопассана в литературные и светские круги Парижа, представляет Эмилю Золя и вовлекает в число авторов *«Меданских вечеров»*.

В январе 1880 г. тридцатилетний Мопассан публикует *«Пышку»*, Флобер в письме поздравляет его, называет эту вещь шедевром, и даже обращается: *«Мой дорогой сын»*. Немного позже, в пятьдесят девять лет Флобер умирает, тоже внезапно, от воспаления мозга. Он прекрасно спра-

вился со своими творческими задачами и с ролью отца, заменившего родного.

Не будем слишком вдаваться в подробности интимной жизни Флобера, в его признания: «Мадам Бовари — это я», в его потери и сожаления. Будем только констатировать факты.

У Ги де Мопассана будет расстроено здоровье, его жизнь окажется одновременно веселой и трудной. К нему придет известность. От своего дяди Альфреда и друга Гюстава Флобера он перенял любовь к жизни, научился любить ее, как и они, познал плотские радости. Он дорого за это заплатит, в первую очередь ясностью ума и жизнью. Его поместят в психиатрическую лечебницу, вероятно, из-за последствий плохо вылеченного сифилиса, он умрет молодым, в сорок три года, от последствий венерического заболевания.

«Я припоминаю»: Стигматы семейной памяти о не совершенном трауре

Канадский девиз «я припоминаю» может быть символическим для случаев не объявленного траура. Его обнаруживают в виде особых «отметин» — повторяющихся из поколения в поколение несчастных случаев, болезней (когда не считают, что эти события имеют психологический и психосоматический аспект). Он проявляется в кошмарах потомков семей, переживших травму (например, смерть). Эта смерть могла быть либо слишком ужасной, либо могла произойти при невыясненных обстоятельствах (когда человек погиб в море, на поле битвы, в лагерях, был похищен, объявлен пропавшим без вести или не был похоронен и семья все еще ждет его возвращения). Такие кошмары могут переживать и потомки семей, имеющих тайны, связанные с чьей-то смертью. Крики в театре Роя Харта (возгласы солдат, умирающих на поле битвы под Вольфсоном), первичный крик (термин Янова), психодраму или другие формы эмоциональной терапии, вероятно, можно соотнести с

этими случаями, а также со стонами в повторяющихся кошмарах некоторых потомков людей, пропавших без вести или травмированных войной.

Травматизм «ветра пушечных ядер»

В связи с празднованиями памятных дат — окончания войны (1944—1994), пятидесятилетия высадки союзников (6 июня 1944—1994), освобождения узников лагерей, пятидесятилетия мирового развития без больших войн (1945—1995) мы снова стали свидетелями *повторных проявлений ужасной тревоги и кошмаров* у потомков людей, выживших во время газовых атак в Ипре (1915), Вердене (1916), в концлагерях (и даже массового убийства под Седаном 2 сентября 1870 или Революции 1789). Эти картины были столь явственными, будто они сами там присутствовали. У них наблюдались разнообразные проявления: кашель, квази-астма, «мертвенный холод», *напоминающий тревогу приближающейся смерти*, будто смерть касается их своим крылом. Они ощущали *оцепеняющий ветер от пушечного ядра*, которое вот-вот убьет однополчанина.

Когда все это выявляется, обговаривается, *помещается в исторический и семейный контекст* с помощью терапевта, который внимательно слушает, оказывает поддержку и понимает контекст, эти проявления уменьшаются и/или прекращаются у взрослых и даже у детей (четвертого поколения после Вердена).

Мы объясняем подобное явление как нежелаемое и неосознанное наследие травм от *ужасных событий, о которых нельзя говорить*. (Такие травмирующие события, как Хиросима или Верден, массовые убийства армян или пытки, слишком ужасны или пугающи, чтобы о них говорить.) Это *травмы невысказанные*, приводящие в смятение, не «метаболизированные» и затем ставшие не «*помышляемыми*», но они проявляются в виде психосоматических расстройств, *воспоминаний о травмах, перенесенных други-*

ми людьми. Они проходили через фильтры или «просачивались» по капле из поколения в поколение, их надо преодолевать с помощью экспрессивных методов (психотерапия, сны, рисунки, даже пение в виде плачей «lamentos»), помещая в рамки трансгенерационного подхода.

Например, в момент празднования пятидесятилетия высадки союзников в августе — начале сентября у Барбары появились кошмары. Она «видит» неясные фигуры, которые надвигаются на нее. Барбара описывает и рисует разных людей верхом на лошадях, на головах у них что-то вроде горшка, а наверху какая-то «штучка». Я внимательно наблюдаю и говорю: «Прусаки?» Тогда она восклицает с паническим ужасом: «Ой! Уланы!» Проводим «расследование» по ее дальней родне и выясняется, что отец ее деда в шестилетнем возрасте присутствовал при массовых убийствах под Седаном, когда с криками погибали тысячи людей и лошадей... И кошмары исчезают (спустя 125 лет). Мы проигрываем ужасную битву на психодраматическом сеансе. Затем Барбара рисует свои кошмары, мы анализируем ее сны, и ей становится лучше.

У маленькой девочки Натали трех с половиной лет повторяются кошмары. Каждую ночь она с плачем просыпается, задыхаясь (квази-астма). Я опробую рабочую гипотезу и спрашиваю у ее матери (она врач), были ли члены их семьи под Ипром или Верденом. Она отвечает: «Не знаю, как насчет газов, но семья моего дедушки жила возле Ипра». В тот вечер у маленькой девочки не было астматического приступа, но спустя месяц он возобновился. Ее мать рассказала мне об этом, я посоветовала ей предложить девочке все зарисовать. Натали нарисовала «чудовище» — причину своих ночных кошмаров, и это оказался... противогаз (которого она никогда в жизни не видела). Мы начали исследовать историю семьи, и выяснилось, что брат деда подвергался газовой атаке при Ипре, а ее прадед был ранен под Верденом в 1916 г. Когда в семье об этом заговорили, кошмары и кашель прекратились (и больше не возобновлялись, как показала проверка через год). Натали родилась

26 апреля 1991 г. (напоминаем: газовые атаки под Ипром были 22, 25 — 26 апреля 1915 г.).

Инцест и инцест второго типа

Термином «инцест» обычно обозначают запрещенные связи между кровными родственниками (сексуальные или квази-сексуальные): отец — дочь, дед — внучка, дядя — племянница, братья — сестры, мать — сын, иногда свекор — невестка...

Профессор Гилен Девроед, хирург из Шербрука (Канада), использует клинический тест (связанный с работами Арнольда и Дениса) для выявления и лечения травм, вызванных инцестом и *сексуальными злоупотреблениями* (или шока от сексуального домогательства), часто связанных с тяжелейшими запорами (последствия «анизма»).

Франсуаза Эритье в 1994 г. выявила (*Les Deux sœurs et leur mère*, Paris, Odile Jacob) длительную запрещенную семейную связь между лицами, ставшими родственниками в результате брака. По отношению к третьему лицу связь становится квази-инцестом: мужу нельзя иметь отношения с сестрами или матерью жены, а также со второй женой своего отца, так как они «заражены» «женскими флюидами», благодаря им супруги становятся «единой плотью». До недавнего времени христианская Церковь и закон долго запрещали это, хотя это широко практиковалось как в библейские времена (брат был почти обязан жениться на вдове своего брата, напомним, что Иаков женился на двух сестрах, Рашели и Лее), так и в наши дни в провинции и в сельской местности.

Американское и французское гражданское законодательство больше не запрещает браки между бывшими шуринами/невестками или зятями/невестками (хотя в 1994 г. Вуди Аллен поднял проблему, касающуюся его отношений с приемной дочерью бывшей сожительницы). Многие кинофильмы и популярные американские телесериалы, ко-

торые показывали во Франции в 1992 — 1996 гг., затрагивают тему различных браков, в том числе повторных, между кровными и некровными родственниками.

Синдром годовщины

Человеческое существо «имеет слоновью память» — обычаи и привычки в браке, число детей, а часто даже возраст смерти, выбор профессии осознанно передаются из поколения в поколение (межгенерационные связи), об этом говорят. От отца к сыну из поколения в поколение люди часто наследуют профессию: становятся фермерами, инженерами, врачами, преподавателями, нотариусами, булочниками, военными или моряками. Не зная того, люди умирают и женятся в том же возрасте, а иногда в то же время или того же числа. Люди могут осознанно *строить свои планы* на этом соответствии или же действовать *по предсказанию* (неосознанно) в силу «невидимой лояльности по отношению к семье» (и «трансгенерационной передачи»).

Но лишь недавно, лет двадцать тому назад (докторская диссертация Жозефины Хилгард, посвященная психозам у взрослых в США, работы Анн Анселин Шутценбергер по раку (1983), дорожным несчастным случаям и соматическим последствиям военных травм у потомков (1994)) выявили *синдром годовщины* и его влияние на течение болезни (для определенных заболеваний и определенных больных), т.е. телесный психосоматический и сомато-психический аспект (*bodymind*, как обозначает его Эрнест Росси).

Недавние работы констатировали даже случаи кошмаров с почти фотографическим воспроизведением в памяти ужасных, не выразимых словами военных травм в нескольких поколениях у отдельных потомков выживших узников концлагерей (Юдит Кестемберг, Натали Зайде), геноцидов, различных массовых убийств, ужасных войн. Наиболее яркие случаи связаны с потомками людей, пострадавших от газовых атак под Ипром (1915) и Верденом (1916),

в Седане (1870) (Anne Ancelin Schützenberger, 1994, 1995). Эти кошмары сопровождались различными симптомами спазм или воспалений в ротовой полости (кашель, отхаркивание, першение, частые бронхиты, астма...).

Может возникнуть вопрос: как осуществляется этот трансгенерационный переход, неосознанный и невольный, который «отмечает» некоторые периоды и семейно-исторические даты, часто вновь оживляя их в дни годовщин и юбилейных дат.*

Можно было бы вслед за Морено говорить о семейном и групповом со-сознании и семейном и групповом со-бессознательном; о двойственном единстве «мать — неродившийся ребенок» (*in utero*) (М. Тёрёк); об «общей» памяти — между отцом и сыном, дедом и внуком; о со-Я (Ада Абрахам); о «призраке и склепе» (Николя Абрахам и Мария Тёрёк), а, следуя тайнам и не высказанному родителями, — о «невидимой лояльности» (Иван Бузормени-Надь), о взаимопроникновении поколений, взаимопроникновении времени (*time collapse*), о трансгенерационной передаче военных травм и о «помечающих — помеченных» событиях жизни.

Существуют многочисленные клинические подтверждения подобных передач и несколько работ статистического характера (Хилгард). Однако, несмотря на открытие новых нейропередатчиков, пока не выяснено, каковы пути передачи приобретенных черт (неврологические или генетические) и факторы передачи.

Когда людям дают возможность высказаться и помогают разговориться, побуждают рисовать, вновь проигрывать сцены на психодраматических сессиях (в виде маленьких «виньеток»), то таким образом удастся прекратить травмирующее воздействие и траур с помощью символического

* Не путать сознательную межгенерационную передачу с бессознательной идентификацией, бессознательной «невидимой лояльностью семье» и бессознательной трансгенерационной передачей (тайна, нескazanное, сокрытое, умалчиваемое, непомышляемое), часто проявляющееся в виде симптомов.

акта, завершающего неоконченные действия*. Когда понимающий человек — *контейнирующий психотерапевт*** слушает и слышит, у таких пациентов и даже у их детей симптомы часто прекращаются.

Два клинических случая «синдрома годовщины»***

Мириам, или рассказ о материализации семейного бессознательного

Мириам было 13 лет, когда в результате несчастного случая она напоролась на железный прут, которым в Квебеке обрамляют дороги.

Это случилось зимой, незадолго до Рождества. В ожидании почтальона Мириам играла на горках скопившегося снега. Она побежала, поскользнулась, проскочила мимо края горки и упала на один из железных прутьев, стоявших по обеим сторонам дороги.

Прут вмерз в землю. Врачи скорой помощи не могли увезти инородное тело вместе с жертвой, им пришлось снять ее с прута, чтобы увезти в больницу.

Девочке-подростку трудно дышать из-за правостороннего пневмоторакса, в нем стоит дренаж. Она выживает после несчастного случая, хотя в связи с двойным прободением двенадцатиперстной кишки вероятность гибели достигала 50%. На самом деле металлический прут повредил входную и выходную части двенадцатиперстной кишки, вызвал разрыв девственной плевы и перфорацию правой

* Именно это в групповой динамике в рамках школы Курта Левина называют эффектом Зейгарник: взаимосвязи внутренней напряженности при незаконченных действиях (описано в работах Б. Зейгарник [1928]).

** Определение контейнирующий близко к понятию холдинга, введенному Винникоттом для обозначения поддерживающей среды (иными словами, терапевт, способный слушать, слышать, вмещать, не вынося суждений, не вовлекаясь).

*** Выступление профессора Жислена Девроэда — профессора хирургии (Шербрукский университет, факультет медицины, отделение хирургии, (Квебек), Канада, центр Эстри, университетская больница Шербрука, Канада).

части диафрагмы, что и спровоцировало пневмоторакс. Все другие органы целы: мочевой пузырь, матка, раздвоенная от рождения, аорта и полая вена, тонкий кишечник, ободочная кишка, печень, желчевыводящие пути и желудок. Прут прошел в нескольких миллиметрах от этих внутренних органов. Ему даже удалось пройти между прямой кишкой и вагиной, через то виртуальное пространство, которое их разделяет, оба органа казались незатронутыми. Через десять дней после несчастного случая Мириам возвратилась домой.

В последующие недели она была беспокойна, плохо спала, вспоминала разговоры врачей «скорой помощи», которые снимали ее с прута. По просьбе терапевта она стала рисовать происшествие в виде комиксов, чтобы «выявить» предмет своей тревоги невербальным способом. На рисунке, где она накальвается на прут, изображен горящий уличный фонарь, который имеет ярко выраженную фаллическую форму, он эякулирует из своего отверстия черточки света. Подпись к рисунку поясняет, что она наколота на «металлическую хреновину», таково народное название железного прута в Квебеке. Когда девочку снимают, лампа повисает...

Во время несчастного случая отец Мириам, который был явно старше своей жены, держался в стороне. Он редко приходил к девочке в больницу. А ее мать приходила в клинику каждый день и много времени проводила в отделении интенсивной терапии. Она все время раскачивалась. Когда ее спросили, чем это вызвано, Мириам ответила за нее: «Она всегда так!» А мать сказала: «Мириам хотела бы узнать мою самую большую тайну».

Семейная тайна

Выяснилось, что мать Мириам изнасиловали двое мужчин точно в том же возрасте, когда ее дочь проткнула себя прутком. Она никогда ни с кем об этом не говорила.

Мириам сопоставляет это открытие с тем, что пережила сама. Она говорит об ухудшающихся отношениях между

родителями и предсказывает, что они расстанутся. Мириам делает вывод, что изнасилование матери — не единственный случай в семье, подозревая, что и с бабушкой (маминой мамой) случилось подобное несчастье. Ей удалось выяснить, что бабушку в 13 лет изнасиловал мужчина, и в 11 лет тоже. Бабушка, так же, как и мать, никогда об этом не говорила.

Мириам выздоровела физически. Осталась гиперчувствительность промежности, проявляющаяся при любом обследовании, она выходит за рамки обычного и предвещает возможные сексуальные трудности. Она продолжает регулярно приходить в больницу, в хирургическое отделение, чтобы *рассказывать о своей семье*. Начинает проявляться глубокая, замаскированная экзистенциальная депрессия. Мириам осознает, что многое делала так, «как если бы...» и что на людях носила маску.

Ноэлла, или одинокие годовщины со скальпелем

Ноэлла — старая дева, страдающая запорами. Ее госпитализировали, чтобы провести полную колектотомию с реанастомозом прямой кишки и частично решить проблему затрудненного стула. Хирург без энтузиазма отнесся к идее такой операции, но заявил, что иной альтернативы нет. Однако он поинтересовался мнением второго хирурга, и тот заключил, что в данном случае, без сомнения, необходимо психотерапевтическое, а не хирургическое лечение.

Больная категорически отказалась от психотерапии, заявив, что она не сумасшедшая, и предпочитает хирургические методы; ей проводят колектотомию.

Через десять лет она умирает. Все это время ее *каждый год* госпитализировали *незадолго до дня рождения*. Три госпитализации привели к хирургии придатка лизиса. Задним числом выяснилось, что *полную колектотомию ей делали в день ее рождения*.

Проф. Жислен Девроед (13 декабря 1997)

Фрейд, или «Оно говорит с другой сцены»

Фрейд изучал трансформации мысли в зрительные образы: «репрезентативное содержание возникает не посредством мышления, а трансформируется в чувственные образы, которым верят и которые считают живыми (S. Freud, *Interprétation des rêves*, p. 454).

Повторяя фразу Фехнера (*Éléments de Physiques*, 1889, t. II, 520) о снах, которые проходят как бы на другой сцене («Szene»), Фрейд, пытаясь сформулировать, как функционирует бессознательное (Standard Edition, vol 4:48 à *L'Interprétation des rêves*, 1900, trad. fr., p. 455), описывает тонкую работу бессознательного, сравнивая ее с «местом психики», «не локализованным анатомически». Это как бы идеальная (а не реальная) точка микроскопа, где локализуется образ [...], не соответствующая никакой осязаемой части прибора».

Эту «другую сцену» широко комментировали французские психоаналитики: Жак Лакан (личные конспекты лекций в больнице Святой Анны) и его ученики, такие, как Дельрие, Пьер Кауфманн (*L'Apport freudien*, Paris, Bordas, 1993, p. 603), Джойс МакДугалл (*Pour une certaine anormalité*), Октав Маннони (*Clefs pour l'Imaginaire ou l'Autre scène*, Paris, Seuil, 1969, et Points, 1985, 97–99).

Фраза «это говорит с другой сцены» стала классическим объяснением того, почему так трудно описать функционирование бессознательного, которое можно представить как невидимую часть айсберга, управляющую поведением, в то время как сам субъект и его окружение этого не знают.

Синдром годовщины, «столкновение времен» и национальные трансгенерационные травмы в истории

Косово: 28 июня 1389 г. – 28 июня 1914 г. – 28 июня 1989 г.

История и ее чудовищные преступления повторяются, когда память изменяет некоторым политикам и они, игно-

рируя прошлое, сталкивают целые народы и культуры. Есть и другая разновидность руководителей, которые слишком часто предаются воспоминаниям и постоянно оплакивают исторические травмы прошлого («селективный травматизм») или же эксплуатируют их.

История Косово является наглядным тому подтверждением. Это трагический пример «столкновения времен» (*time collapse*), «синдрома годовщины» в политике и развязывания геноцида, как следствие не совершённого траура и «селективности травм» (регулярно напоминаемых).

Вошедшая в историю битва в Косово (1389) весьма значима для понимания того, почему Первая мировая война разразилась в 1914 г., а также для понимания недавних (1989 — 1998) событий — резни и волнений в Косово, Албании, Сербии и бывшей Югославии.

В средние века оттоманцы (мусульмане, турки, пришедшие из средней Азии) и балканские христиане (православные сербы, а также иногда и хорваты, румыны и албанцы) сражались между собой за власть на Балканах и в Центральной Европе.

Битва на Косовом поле длилась десять часов (но до сих пор неясны все исторические аспекты) и закончилась разгромом сербов (православных) и их союзников-христиан мусульманами и турками 28 июня 1389 г. (см.: Vamik Volkan, *Bloodlines*, 1997, I. Kadaré, 1998) (Гипотезы из выступлений доктора В. Волкан и профессора А. Шутценбергер на открытии международного конгресса по групповой психотерапии в Лондоне 26 августа 1998 г.).

Сербский лидер князь Милош Коболлич путем предательства убивает султана Мурада, который, умирая, в отместку приказывает обезглавить своего зятя, сербского князя Лазаря (причисленного с тех пор к лику святых) и более сотни сербов — *28 июня 1389*.

С падением Константинополя (1453), взятого турками (оттоманцы-мусульмане), и закатом «Великой Сербии» косовское поражение становится в некотором смысле символом национального траура и *особой исторической травмой* для

сербов, сопровождаемой культом святого Лазаря с молитвами, песнопениями, святыми образами, ленточками с надписями, а также экспрессивными песнями и легендами, которые рассказывают веками. Все это отмечено «*столкновением времен*», т.е. проживается, как если бы это было вчера.

Когда в очередную годовщину косовского поражения 1389 г. эрцгерцог Франсуа Фердинанд, наследник австро-венгерского трона, приезжает в Сараево, **28 июля 1914 года** его убивает сербский активист (Гаврило Принцип) в отместку за оскорбление Сербии (в Косове *28 июня 1389 г.*, т.е. более 500 лет тому назад!), что приводит к развязыванию Первой мировой войны (1914 — 1918) и миллионам смертей.

28 июня 1948 г. Тито исключают из Коминтерна, он отказывается приносить извинения и 4 июля разрывает отношения с СССР.

28 июня 1989 г. сербский лидер Слободан Милошевич дает указания вернуть в Косово останки святого Лазаря. В своем выступлении по поводу открытия памятника с надписью «1389 — 1989» он напоминает о призыве (святого) принца Лазаря взяться за оружие и восстать против мусульманско-оттоманского ига: «Никогда больше мусульмане не покорят сербов», — что вызовет убийства мусульман в Албании, Косове и Сербии, начиная с 1989 г. и по сегодняшний день (1998 — 1999 гг.). По мнению И. Кадаре, именно в этот день и начался развал Югославии.

28 июня 1992 г. французский президент Франсуа Миттеран приезжает в бывшую Югославию в Сараево, чтобы предпринять (неудачную) миротворческую попытку.

Семейное и групповое со-бессознательное (Дж.Л.Морено).

Социальное и межличностное бессознательное (Эрих Фромм, Карен Хорни, С.Х.Фулкс)

На стыке веков Фрейд описывает *индивидуальное бессознательное*, а затем Юнг открывает *коллективное бессознательное*. Дж.Л. Морено в 1940-х годах говорит о *семейном и групповом со-сознательном и со-бессознательном* (которое члены группы частично разделяют сообща, исходя из совместной групповой жизни).

Эрих Фромм, начиная с 1930 г., говорит о *социальном бессознательном* (основываясь на классических социологических работах Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, Карла Маркса и Роберта Мертона).

Карен Хорни в 1937 г. применяет социологическое и антропологическое понятие социального бессознательного в психотерапевтической клинике. С.Х. Фулкс об этом говорит в 1964 г. (с. 512, *социальное и межличностное бессознательное*) и Д. Винникотт предположительно попал под влияние этого понятия, говоря об «обычной преданной матери» (1965). Эта же идея встречается у многих английских авторов, как и у Джейн Остин (1811).

Похожее понятие встречается у новых юнгианцев в виде «*shared unconscious*» (*разделенное бессознательное* у Зинкина, 1979, *культурное бессознательное* у Этель Спектор-Персон (1992), у Отто Кенберга (1993), у Ирла Хоппера, 1996, и Рене Кэса. Ада Абрахам вводит понятие *со-Я* (единение мать-ребенок до и сразу после рождения), а Рапперт Шелдрик — понятие «морфогенического поля» (общение бессознательного с бессознательным).

Типовая рамка для семейной геносоциогаммы

(для каждого указывают: имя, возраст, дату рождения,

профессию, черты характера [например, работящий, веселый, музыкант и т. д.]

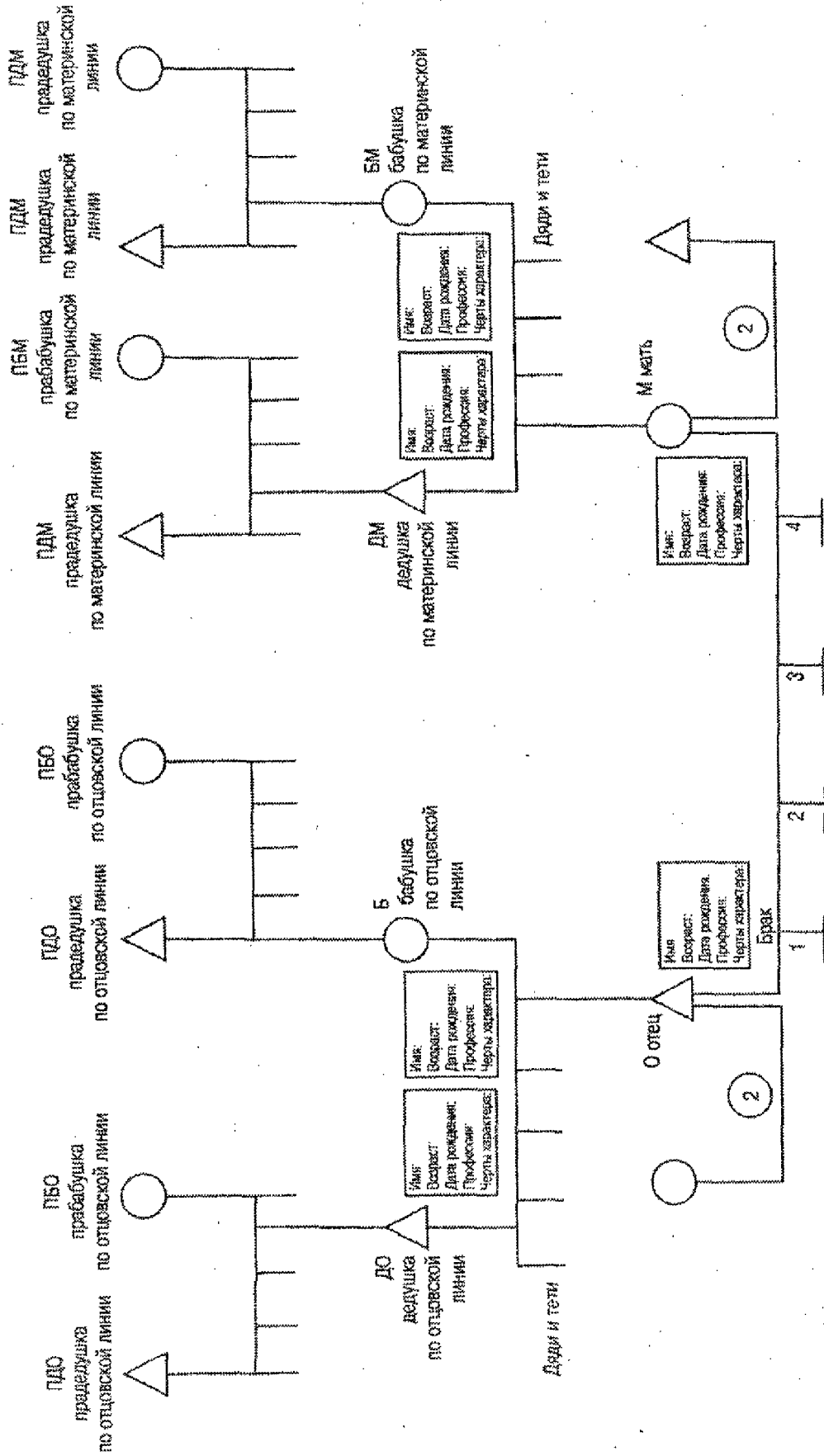

Рис. 12.

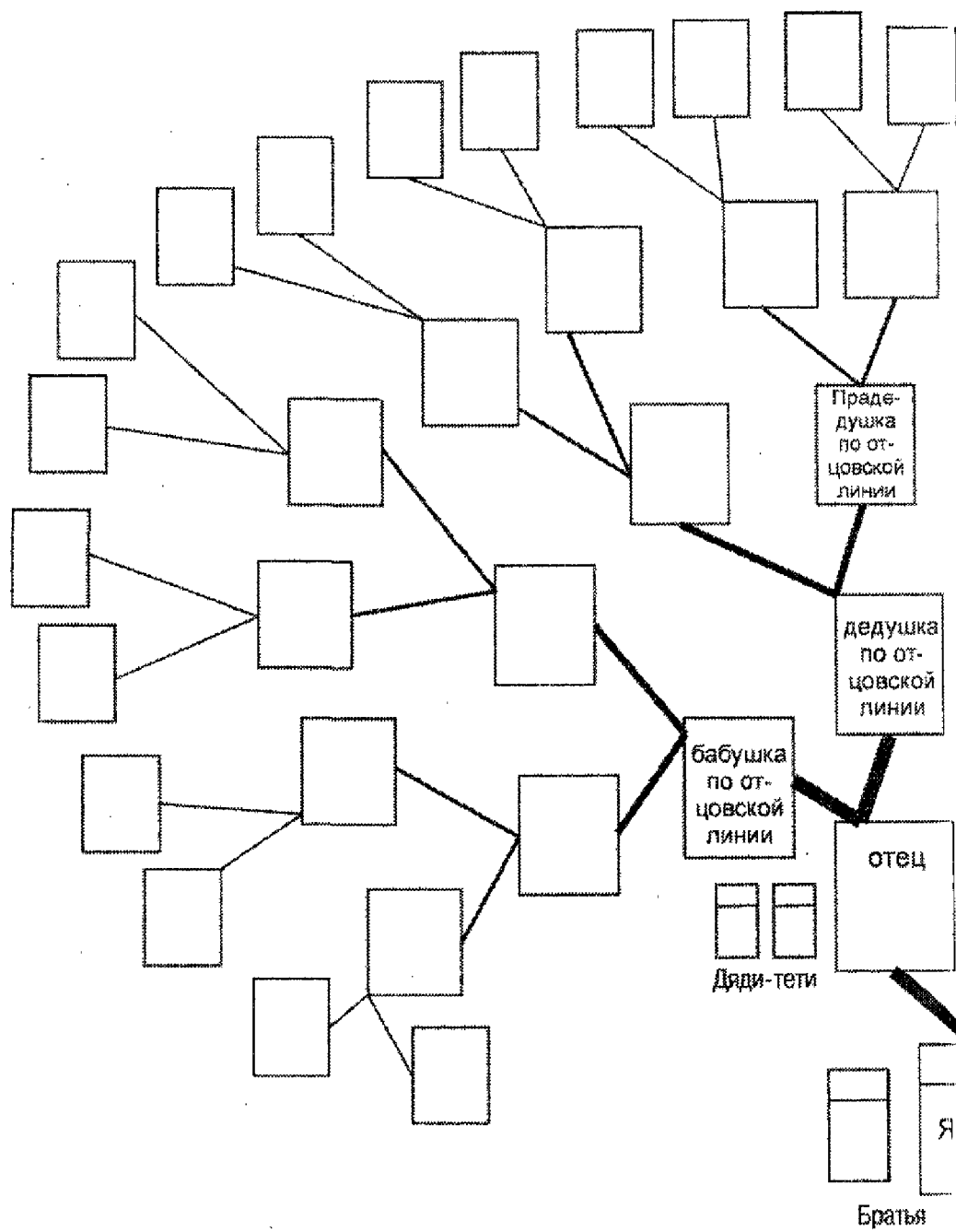
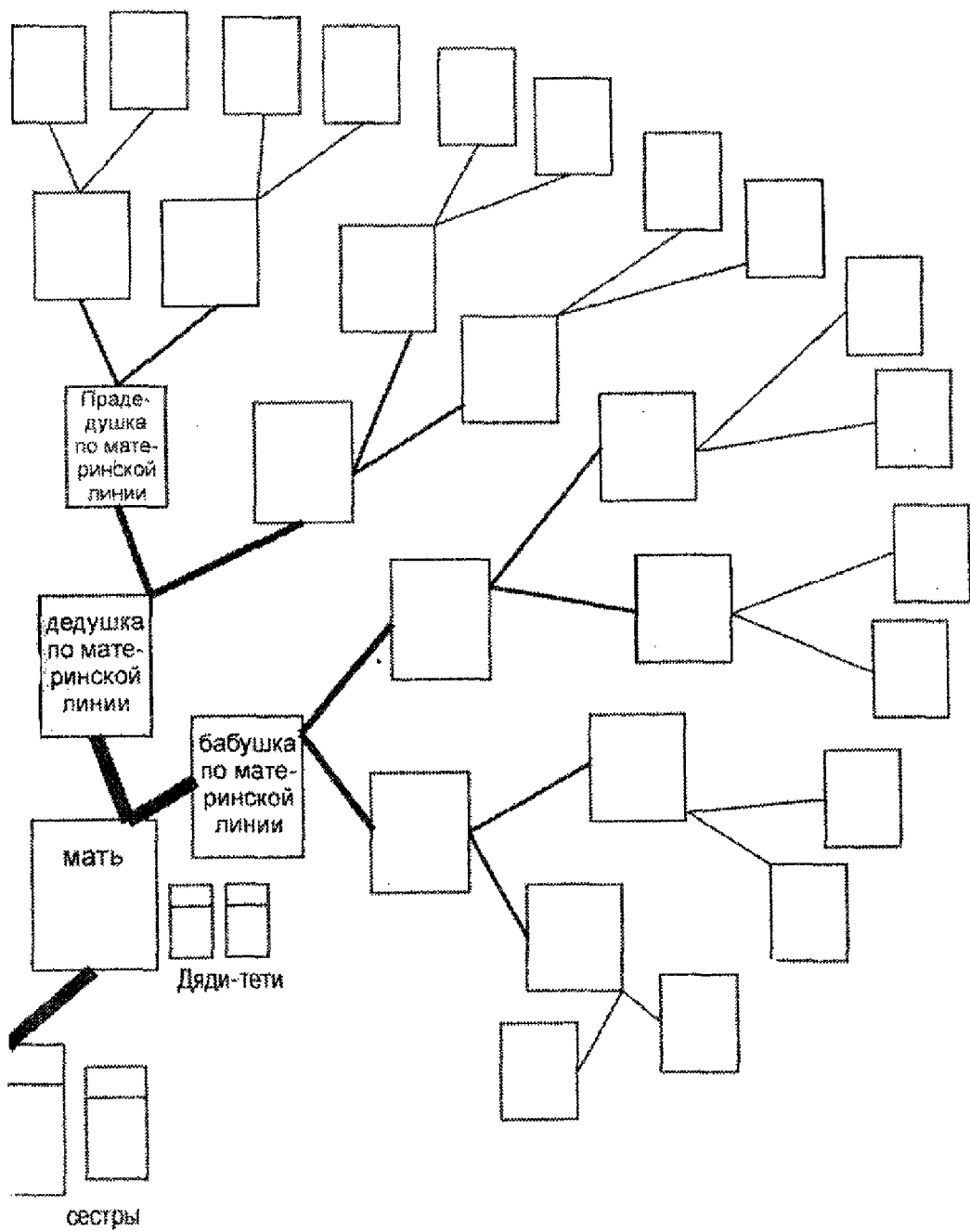

Рис. 11. Типовая рамка для генеалогического дерева (включая братьев и сестер)

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ, относящиеся к приводимым клиническим случаям

1096 — 1099 — 1-й Крестовый поход.

1492 г. — Христофор Колумб (1451 — 1506). Отъезд происходит после Инквизиции, за ним следует изгнание евреев и мавров из Испании (и открытие Америки).

18 марта 1314 г. — Филипп Красивый (1285 — 1314) приказывает сжечь на костре Тамплиеров: Жак де Молей на костре проклинает его, затем начинается Столетняя война за наследование трона между Англией (Эдуард III был его внуком по женской линии) и Францией (Филипп VI (1328 — 1350) Валуа, его племянник по мужской линии). Тогда Франция усиливает «солический закон» (солические франки) первородства у мужчин, и Жанна д'Арк помогает «Славному дофину» короноваться в Реймском соборе в качестве французского короля Карла VII; см. ветвь французских королей: Капетинги, Валуа, Бурбоны, (см. столетие, двухсотлетие, тысячелетие, поминание, месса ежегодная, годовщина, болезни).

28 марта 1888 г. — Международный совет женщин.

21 февраля 1916 г. — начало немецкого наступления под Верденом.

25 февраля 1916 г. — взятие Форта Дуомон (Верден).

15 апреля 1912 г. — гибель «Титаника».

22 — 25 апреля 1915 г. — (газовая атака в Ипре), — ребенок, кошмары, 127 (см. кашлять и харкать, газ, трансгенерационные кошмары, годовщина, квази-астма).

24 апреля 1915 г. — (геноцид армян), (и Галлиполи, Дарданеллы) (см. также Верден, газ).

26 апреля 1986 г. — Чернобыль (утечка на ядерной станции).

6 июня 1944 г. — (высадка союзников в Нормандии) (см. празднование, высадка, кошмары, годовщина пятидесятилетия).

1 мая — рабочие забастовки Чикаго; 1891 в Фурми (60 погибших, в том числе 2 детей).

25 мая 1941 г. — Петен учреждает праздник матерей.

29 мая 1942 г. — желтая звезда для евреев (Франция).

6 июня 1944 г. — высадка союзников в Нормандии (см. празднование, высадка, кошмары; пятидесятилетие, годовщина).

8 июня 1945 г. — капитуляция Германии (начало мира, война 1939-1945).

18 июня 1815 г. — Ватерлоо (разгром Наполеона I).

18 июня 1855 г. — поражение в Малахове (возле Севастополя, Крымская война).

18 июня 1940 г. — воззвание генерала де Голля.

28 июня 1389 г. — битва на Косовом поле, разгром сербов (православных христиан) турками — оттоманами (мусульманами), убийство сербского принца Лазаря (канонизация).

28 июня 1914 г. — эрцгерцог Франсуа Фердинанд, наследник Австро-Венгерской империи, въезжает в Сараево (Косово) в день годовщины исторического поражения сербов в 1389 г., там его убивает сербский активист Гаврило Принцип, что вызывает войну 1914 — 1918 гг.

28 июня 1919 г. — Германия подписывает в Версале мирный договор.

28 июня 1948 г. — Тито исключают из Коминтерна, он отказывается приносить извинения и 04.07.1948 разрывает отношения с СССР.

28 июня 1989 г. — Слободан Милошевич, сербский лидер в бывшей Югославии дает указания вернуть в Косово останки святого Лазаря, делает надпись «1389 — 1989» и напоминает о призыве принца Лазаря взять оружие (что вызовет убийства мусульман в Албании, Косове и Сербии).

28 июня 1992 г. — французский президент Франсуа Миттеран приезжает в Косово, чтобы предпринять попытку (неудачную) остановить кровопролитие.

28 июня 2001 г. Милошевич предстает перед Гаагским международным трибуналом.

4 июля 1776 г. — объявление независимости Америки, затем национальный праздник, а также смерть второго и третьего американских президентов, Джефферсона и Адамса, на пятидесятилетие [4.07.1826].

14 июля 1789 г. — взятие Бастилии (начало Французской революции, затем — национальный праздник).

4 августа 1789 г. — отмена привилегий (ночь на 4 августа).

4 августа 1870 г. — поражение под Виссембургом (война 1870), Прусская армия Бисмарка разбивает МакМагона.

24 августа 1572 г. — день Святого Валентина, массовое убийство гугенотов (протестантов), убийство адмирала Колиньи, 5000 убитых в Париже, Генрих IV остается в живых (24.08.1997 Папа Иоанн Павел II приезжает в Париж, служит мессу для молодежи).

1 — 2 сентября 1870 г. — массовое убийство в Седане (война 1870 г., отречение Наполеона III) (см. кошмары, семейная лояльность, Барбара). Немцы вводят праздник в честь победы в Седане, Sedantage — день Седана.

5 — 10 сентября 1914 г. — битва на Марне.

7 сентября 1812 г. — Наполеон входит в Москву, 14 сентября (и пожар в Москве 12 сентября, начатый по приказу губернатора Растопчина).

11 сентября 1973 г.: военный переворот в Чили со взятием власти Пиночетом и убийством Сальватора Альенде.

11 сентября (вторник) 2001 г.: террористическое нападение с использованием самолетов-камикадзе на башни в Манхеттене. 6000 убитых. Подозрения падают на Бен Ладена.

14 сентября (вторник) 1982 г.: убийство президента Гемаля (Ливан) и расправа христианских вооруженных формирований с жителями Сабры и Шатилы. Израиль и Шарон подвергнуты критике со стороны военного трибунала в Гааге за невмешательство.

19 сентября 1870 г. — осада Парижа прусской армией (см. голод, выборы, смута, Парижская Коммуна, 26 марта-28 мая 1871 г.).

19 октября 1812 г. — начало отступления из России (императора Наполеона I).

24 октября 1916 г. — вновь взят Форт Дуомон (500 000 убитых, раненых, пропавших, непогребенных под Верденом).

24 — 25 октября 1917 г. — Октябрьская революция в Петрограде/Санкт-Петербурге (Русская революция).

18 брюмера года VIII (9 ноября 1799) г. — Наполеон Бонапарт берет власть. Он вернется в Париж 18 декабря 1812 г., чтобы попытаться спасти свой трон.

11 ноября 1918 г. — перемирие (война 1914—1918 гг.).

Ноябрь 1812 г. — войска Наполеона I отступают из России.

14 ноября 1940 г. — разрушение Ковентри истребителями «Фау-1».

22 ноября 1858 г. — смерть Патрика Кеннеди.

22 ноября 1963 г. — убийство президента Джона Кеннеди.

27 ноября 1812 г. — переход через Березину (императором Наполеоном).

6 декабря — (см. Святой Николай).

13 декабря — (Святая Люсия, праздник света, см. календарь).

25 декабря — Рождество.

6 января — праздник королей (королевский пирог-галета).

13/25 января — праздник святой Татьяны, покровительницы Москвы.

21 января 1793 г. — Людовика XVI гильотинируют (передача).

БИБЛИОГРАФИЯ

Abraham Nicolas et Török Maria (1967), *Le Verbier de l'Homme aux Loups*, Paris, Aubier Flammarion.

Abraham Nicolas et Török Maria (1978), *L'écorce et le Noyau*, Paris, Aubier-Flammarion. [Définition de la crypte et du fantôme in *Notules*]. Edit. révisée et complétée 1987, trad. en amér. *The Shell and the Kernell*, U. of Chicago Press, 1994.

Abraham Nicolas (1978), *Le travail du fantôme dans l'inconscient et la loi de nescience*, in *L'Ecorce et le Noyau*, p. 393-474.

Ancelin Schutzenberger Anne

(1966), *Précis de Psychodrame*, Paris, Editions Universitaires, 2e éd., 1970 (рас-продано).

(1971), *La Sociométrie*, Paris, Editions Universitaires.

(1973), *L'Observation*, Paris, Epi.

(1976), *Contribution à l'étude de la communication non verbale*, Paris, Service de publication des thèses, Université de Lille-III et Librairie Champion édit.

(1980), *Corps et identité*, in Pierre Tap et coll., *Identité nouvelle et personnalisation*, Toulouse, Privat, p. 305-312.

(1981), *Le Jeu de rôle*, Paris, ESF, rééd. rev., 1990.

(1984), *Psychodrame, roman familial, génosociogramme et formation*, in *L'Homme et ses potentialités*, Paris, ESF, p. 109-122 (ouvrage collectif).

(1985), *La vie, la mort dans l'imaginaire familial: réflexions et cas cliniques*, in E. Jédi et coll., *Psychose, Famille, Culture*, Paris, L'Harmattan, p. 404-415.

(1985), *Vouloir guérir*, Toulouse, Erès/La Méridienne, Paris, rééd. rév. 1991; rééd. rév. Paris, Epi/La Méridienne, 1993. 7e éd. rev. compl., DDB, 1996 (55000e).

(1985), *Diagnostic et pronostic d'une maladie fatale terminale*, in Guyotat Jean, Fedida Pierre, *Événement et psychopathologie*, p. 124-126.

(1986), *Stress, cancer, liens transgénérationnels*, in *Question de, n spécial Médecines nouvelles et psychologies transpersonnelles*, Paris: Albin Michel. ' 64, mars 1986, p. 77-101.

(1986), *La Psychogénéalogie: Analyse transgénérationnelle et secrets de famille*, cours, Université de Nice, 200 F.

(1986), *Forme européenne inconsciente du chamanisme: la réalisation automatique des prédictions*, in *Transe, chamanisme et possession: Actes des deuxièmes rencontres internationales sur la fête et la communication*, Nice, Serres, p. 81-87.

(1987), *Vouloir guérir*, in *Les Médecines, les psychologies et leurs images de l'homme*, Sainte-Baume (Var), édit. de l'Ouvert.

(1987), *L'inconscient a bonne mémoire*, *Journal des Psychologues*, Marseille, n 48.

(1988), *Le Dit et le non-dit, les secrets de famille et leur influence sur les maladies, les accidents, les morts, les professions, le nombre d'enfants*, Paris, *Le Corps à vivre* (Plaquette, déc. 1988) [repris part. in *Aie, mes aieux!*].

(1994), *Vie transgénérationnelle et maladie*, in *Le Processus de guérison: par-delà la souffrance et la mort*, Les Ateliers de Montréal pour une conscience nouvelle et Publications MNH, 3947 Chabanel, Beauport (Québec), GIE 4M7 Canada.

(1995), L'Enfant de remplacement et l'enfant réparateur. L'enfant remplaçant, souvenir d'un traumatisme qu'on n'a pas vécu in *Le Deuil comme processus de guérison*, Les Ateliers de Montréal pour une conscience nouvelle et Publications MNH, 3947 Chabanel, Beauport (Québec), G1E 4M7 Canada, 166-176.

(1995), Le Cancer en cascade et en ressac, exemple de syndrome d'anniversaire, in *Le Deuil comme processus de guérison*, Les Ateliers de Montréal pour une conscience nouvelle et Publications MNH 3947 Chabanel, Beauport (Québec), G1E 4M7 Canada.

(1996), Transmission de l'angoisse indicible et transgénérationnelle. L'Angoisse d'un traumatisme qu'on n'a pas vécu, in *Mélanges en hommage au professeur Juliette Favez-Boutonier*, Bulletin de psychologie, Paris, Sorbonne, 1996, avril, T. LIX, n° 423.

(1996), La Serendipity. Coïncidences et synchronicité, Publications de la Faculté des Lettres, Arts et Sciences humaines de l'université de Nice (juin), in *Hommages au doyen J.-P. Weiss*, n° 27, p. 61-81. UER Lettres, Carlone, 98, bd Edouard-Herriot, 06200 Nice.

(1996), Phénomènes transgénérationnels et crises de la société et de la famille, in *Ecrits*, Nice, 1996.

(1997), Transgenerational Psychotherapy. Health and Death. Family Links through the Family Tree, *Caduceus*, March, n° 35.

(1999), De génération en génération. Liens transgénérationnels, in *Etre enseignant*, Hommage à Ada Abraham, Montréal (1999, Paris, L'Harmattan).

(1998) Préface à l'ouvrage de Nina Canault, *Comment paye-t-on les fautes de ses ancêtres?* Paris, Desclée de Brouwer.

Ansky S. (1917-1922), *Dybbuk and other Writings* (traduit du russe en anglais), New York, Schocken Books, 1992 [aussi traduction française vers 1960 et thèmes d'un ballet de Béjart].

Antonovsky Aaron (1985), *Health, Stress and Hopping*, San Francisco, Josey Bass.

Antony E. J. & Coder B.J. eds (1987), *The Invulnerable Child*, New York, Guilford.

Anzieu Didier (1968), *La Dynamique des groupes restreints*, Paris, PUF.

Anzieu Didier (1985), *Le Moi-Peau*, Paris, Dunod.

Anzieu Didier (1987), *Les Enveloppes psychiques*, Paris, Dunod.

Aulagnier Pierra (1975), *La Violence de l'interprétation: du pictogramme à l'énoncé* [sur la violence faite à l'enfant par une mère ne le comprenant pas], Paris, PUF (cf. aussi Castoriadis).

Aulagnier Pierra (1975), *Sur le fantasme originaire*, entretien privé, et (1984), *Le droit au secret*, in *L'Apprenti historien et le maître sorcier*, Paris, PUF [et son concept de pictogramme: représentation originaire de la chose corporelle à pré-verbale].

Ausloos Guy (1980), *Secrets de famille*, in *Annales de psychothérapie: changements systémiques en thérapie familiale*, collectif, Paris, ESF, p. 62-80.

Balmory Marie (1975), *L'Homme aux statues*, Freud et la faute cachée du père, Paris, Grasset.

Bandler Richard et Grinder John (1975), *The Structure of Magic*, Palo Alto, Science and Behavior Books. Tr. fr. *Les secrets de la communication*, Montréal, Joe.

Barlett F. C. (1992), *Remembering*, Cambridge, Cambridge University Press.

Bateson Gregory, Jackson Don, Haley J. (1956), *Toward a Theory of Schizophrenia*, *Behavior Science*, 1, p. 251-264.

Bateson Gregory (1972), *Steps to an Ecology of mind*, New York, Dutton. Tr. fr., *Vers une écologie de l'esprit*, Paris, Le Seuil, 1977, 1980.

Benghozi P. (1994), *Porte-la-honte et maillage des contenants généalogiques*, Le Groupe familial en psychothérapie. *Revue de psychothérapie psychanalytique de groupe*, n 22, Paris, Eres.

Bergson Henri (1946), *Matière et Mémoire*, Paris, PUF.

Bernard Jean (1992), *Le Syndrome du colonel Chabert ou le vivant mort*, Paris, Buchet-Chastel.

Berne Eric (1964), *Games People Play*. Tr. fr. *Des jeux et des hommes*, Paris: Stock, 1980.

Berne Eric (1977), *Que dites-vous après avoir dit bonjour?* Paris, Tchou. (trad. de l'amér: *What do you say after you say Hello?* New York, Grove Press).

Berne Eric (1979), *Beyond games and scripts*, morceaux choisis, éd. par C. Steiner.

Bertaud Daniel (1977), *Destin personnel et structure de classe*, Paris, PUF.

Bettelheim Bruno (1969), *La Forteresse vide, l'autisme et la naissance du soi*, tr. fr., Paris, Gallimard (trad. de l'amér.).

Bettelheim Bruno (1969), *Children of the Dream*, London, Thames and Hudson.

Bion W. R. (1958), *On Hallucination*, in *Second Thoughts*, London, Heinemann, rééd. 1967; et (1962) [о контактных барьерах и контейнирующем - контейнируемом], in *Aux Sources de l'expérience*, Paris, PUF.

Bohm David (1980), *La Plénitude de l'Univers*, Monaco, Le Rocher 1987. Tr. fr., *Wholeness and the Implicate order*, London, Routledge & Kegan.

Bollas C. (1987), *The Shadow of the Object*, London, Free Association Press (об архаичной мысли и unthought known, известном непомышляемом, близком к динамическому неосознаваемому).

Boszormenyi-Nagy Ivan et Spark G. M. (1973), *Invisible loyalties*, New York, Harper and Row.

[Cf. thèse sur lui, de M. Heireman, 1989] [Понятие долга, справедливости, семейных счетов, невидимой бессознательной лояльности]

Boszormenyi-Nagy Ivan and Framo J. L., *Psychothérapies familiales, aspects théoriques et pratiques*, Paris, PUF, 1980. Tr. fr.

Bourguignon Odile (1984), *Mort des Enfants et structures familiales*, Paris, PUF.

Bowen Murray (1978), *Family Therapy in Clinical Practice*, New York, Jason, Aronson.

Bowen Murray (1987), *La Différenciation du soi, les triangles et les systèmes émotifs*, Paris, ESF, trad. de l'américain.

Bowlby J. (1969), *Attachements et perte*, tr. fr., Paris, PUF, 1975, vol. I et II.

Brossard A., Cosnier J., et coll. (1984), *La Communication non verbale*, Neuchâtel & Paris, Delachaux-Niestlé. [Textes de base de Condon, Cook, Cosnier, Eckman & Friesen, Frey, Scherer...]

Buber Martin (1957), *I and Thou*, New York: Siwbners. [Tr. fr. in collectif, распродано]

Cannon W. B. (1945), *The Way of an Investigator*, New York, Norton [по поводу научных открытий, сделанных благодаря случаю или serendipity]. Repris dans Barbach Arthur (1965), *Psychological Research, an Introduction*, New York, Random House.

Capra Fritjof (1975), *The Tao of Physics*, Boston, Shambhala, 3e éd., 1991, Tr. fr. *Le Tao de la Physique*, Paris, Tchou.

Carter E. A. et McGoldrick M., eds. (1980), *The Family Life Cycle: a Framework for Family Therapy*, New York: Gardner Press.

Ciavaldini A. (1989), *L'être d'exil ou les traces immémoriales de l'oubli*, in Yahyaoui A. (1989), *Corps, Espace-Temps et traces de l'exil*.

Cohen Lawrence H. Ed. (1988), *Life Events and Psychological Functioning: Theoretical and Methodological Issues*, London, Sage.

Collectif (1987), *Récits de vie et travail social. Cahiers de la Dépendance*, 7. [Без нарисованных генограмм, но с использованием траекторий с трудным жизненным путем.]

Costa de Beauregard Olivier (1963), *Le Second principe de la science du temps*, Paris, Le Seuil [et *Le Temps déployé*, Ed. du Rocher, 1988].

Crouch Michael, Robert Leonard, eds. (1987), *The Family in Medical Practice: A Family System Primer*, New York, Springer.

Cyrulnik Boris (1983), *Mémoire de singe et paroles d'homme*, Paris, Hachette [éthologie humaine et animale, rééd. poche].

Cyrulnik Boris (1989), *Sous le signe du lien*, Paris, Hachette (poche), 1992.

Cyrulnik Boris (1991), *De la parole comme d'une molécule*, Paris, Eshel, et Paris, Seuil (1995) [о человеческой этологии].

Cyrulnik Boris (1991), *La Naissance du sens*, Paris, Hachette.

Davis J. (1984), *The Kennedys: Dynasty an Disaster 1848-1983*, New York, Mc Graw Hill.

Dolto Françoise (1971), *Le Cas Dominique*, Paris, Le Seuil, rééd. Point, 1974.

Dolto Françoise (1985), *La Cause des enfants*, Paris, Laffont (p. 196-197, 287-291, 419-424, 446-448), rééd. poche.

Dolto Françoise (1988), *Inconscient et destin*, Paris, Le Seuil.

Dumas Didier (1985), *L'Ange et le fantôme, introduction à la clinique de l'impensé généalogique*, Paris, Minuit; avec préface de F. Dolto.

Dumas Didier (1985), *Le généalogique dans l'histoire et la pensée freudiennes*, in *Patio, Psychanalyse*, n 4, Paris, L'Eclat, p. 201-218.

Dumas Didier (1989), *Hantise et clinique de l'Autre*, Paris, Aubier.

Dumas Didier (1990), *La sexualité masculine*, Paris, Albin Michel, trad. amér. *Sons, Lovers, Fathers*, New Jersey, Northvale, Jason Aronson, 1997.

Dunbar Florence (1954), *Emotions and Bodily Change: A survey of literature, Psychosomatic Interrelationship, 1910-1953*, New York, Columbia University Press.

Eliade Mircea (1957), *Mythes, Rêves et Mystères*, Paris, Gallimard.

Engel G (1975), *The Death of a Twin: Mourning and Anniversary Reactions; Fragments of 10 Years of Self Analysis*, *Intern. Journ. of Psychoanalysis*, 56 (1), p. 23-140.

Eiger A. (1983), *Un Divan pour la famille*, Paris, Dunod.

Elkaim Mony (1989), *Si tu m'aimes, ne m'aime pas. Pourquoi ne m'aimes-tu pas, toi qui prétend m'aimer? Approche systémique et psychothérapie*, Paris, Seuil.

Elkaim Mony (1999), *Les Thérapies familiales intergénérationnelles*, in Elkaim Mony (dir. pub.), *Panorama des thérapies familiales*, Paris, Seuil.

English Fanita (1969), *Episcrypt and the Hot Potato Game*, *T. A. Bulletin VIII*, oct., 77-82, Tr. fr. 1992, *L'épiscenario et le jeu de la pomme de terre brulante*, in *Aventures*

en Analyse Transactionnelle, Paris, Epi; 1984, p. 199-207 (épuisé). Rééd. in Analyse Transactionnelle et émotions, Paris, Epi, 1992, p. 159-166.

Fedida Pierre & Guyotat Jean et coll. (1986-1987), Actualités Transgénérationnelles en psychopathologie, Paris, Echo Centurion.

Felsman J.K. (1989), Risk and Resiliency in Childhood, in Dugan T.F. et Cooks R. (eds), The Child in our times.

Ferenczi Sandor (1932), Journal clinique (janvier-octobre 1932). Tr. fr. Groupe du Coq Héron, Paris, Payot, 1985, 97.

Ferenczi Sandor (1982), Transfert et introjection, in œuvres complètes, Paris, Payot, t. 1 [mise en mots des expériences relationnelles].

Fischer I. et Hinde R. A. (1949), The Opening of Milk Bottles by Birds, British Birds, 42, p. 347-357.

Forrester Viviane (1983), Vincent Van Gogh ou l'enterrement dans les blés, Paris, Le Seuil.

Foulkes S. H. (1964), Therapeutic Group Analysis, London, Allan and Unwiab. [Sur les forces familiales et sociales et la matrix et le niveau interpersonnel et transpersonnel la psychée étant à la fois organique et sociale.]

Foulkes S.H. (1964), Social or Interpersonal Unconscious, in Therapeutic Group Analysis, London, Allen & Unwin, chap. III, p. 512.

Foulkes S.H. (1971), Guide du psychothérapeute de groupe, Paris, Desclée de Brouwer; Hommes et groupes.

Framo James (1992), Intergenerational Family Therapy, USA.

Framo J.L. (1992), Family-of-Origin Therapy, New York, Brunnel/ Mazel.

Freud Sigmund (1897), Drafts L et M, Collected Papers, Standard Edition, vol. I (1886-1899), et Unpublished papers, p. 248 et 250 et s., London, Hogarth Press, 1966.

Freud Sigmund (1900), L'Interprétation des rêves, Paris, PUF, 1967, 1976 [1976: 415 sur les prénoms-revenants; 455 sur Autre scène].

Freud Sigmund (1909), Le roman familial des névroses, in Névrose, psychose et perversion, Paris, PUF, 1973 [trad. fr.].

Freud Sigmund (1909), L'inquiétante étrangeté, in Freud, Essais de psychanalyse appliquée, Paris, Gallimard, 1971, 185.

Freud Sigmund (1909), Family Romance, in The Complete Psychological Works of Sigmund Freud, London, Hogarth Press, 1953, vol. 5, 487.

Freud Sigmund (1914-1923), Essais de psychanalyse, Paris, PBP. Tr. fr., rééd. 1977, Payot.

Freud Sigmund (1915), Considérations actuelles sur la guerre et la mort, in Essais de psychanalyse, Paris, PBP, 1977.

Freud Sigmund (1917), I, Paris, Payot, 1951.

Freud Sigmund (1917), Deuil et mélancolie, in Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1952, p. 189-222.

Freud Sigmund (1920), Au-delà du principe de plaisir, in Essais de psychanalyse, Paris, PBP., 1951, rééd., Tr. fr. [Sur le jeu de la bobine du petit Ernst Freud et la présence de l'absent.]

Freud Sigmund (1938), Pour introduire le narcissisme, in La Vie sexuelle, Paris, PUF, 1969. Tr. fr.

Freud Sigmund (1939), Moïse et le monothéisme, Paris, Gallimard/Idées, 1948.

Fromm Eric (1962), *The Social Unconscious*, in *Beyond the Chains of Illusion: my Encounter with Marx and Freud*, New York, Simon and Schuster [sur social unconscious quotation].

Garland C. (1980), *The Proceedings of the Survivor Syndrome, Workshop*, London, Institute of Group Analysis.

Gaulejac Vincent de (1987), *La Névrose de classe*, Paris, Hommes et groupes [sur les échecs scolaires et professionnels liés au niveau des parents].

Goffman Ervin (1963), *Stigmate*, tr. fr., Paris, Minuit, 1975, et *Frame Analysis* (analyse cadrée).

Goffman Ervin (1970), *Frame Analysis* [Analyse cadrée], USA.

Green André (1983), *La mère morte*, in *Narcissisme de vie, Narcissisme de Mort*, Paris, Minuit.

Grinder John et Bandler Richard (1983), *Les secrets de la communication*, Montréal, Le Jour, trad. fr. de Frog into Princess.

Groddeck Georg. W. (1923), *Le Livre du Ça (Au Fond de l'Homme, cela)*, Paris, Gallimard, rééd. (Tel Poche), 1973, Tr. fr.

Guir Jean (1983), *Psychosomatique et cancer*, Paris, Points Hors Lignes [несколько геносоциогрaмм детей, больных лейкемией].

Guyotat Jean (1980), *Mort, naissance et filiation, études de psychopathologie sur le lien de filiation*, Paris, Masson.

Guyotat Jean (1980), *Filiation et généalogie*, in *Psychanalyse à l'Université*, tome 5, n 18, mars 1980.

Guyotat Jean (1982), *Recherches psychopathologiques sur les coïncidences mort-naissance*, in *Psychanalyse à l'Université*, n° 27 et n 28, septembre.

Guyotat Jean & Fedida Pierre (1986), *Mémoire, transmission psychique*, in *Psychanalyse à l'Université*, janvier 1986, colloque.

Heireman Magda (1989), *Du côté de chez soi; la Thérapie contextuelle d'Ivan Boszarmenyi-Nagy*, Paris, ESF.

Heireman M. et Igodt P., *L'approche intergénérationnelle: la danse de la loyauté et de l'autonomie. L'éthique relationnelle dans la thérapie et dans la formation*, Cahiers critiques de thérapie familiale et de pratiques de réseaux, Toulouse, Privat, n 12.

Hilgard J. R: (1989), *The Anniversary Syndrome as Related to Late-Appearing Mental Illnesses in Hospitalized Patients*, in Silver, ALS, Ed. *Psychoanalysis and Psychosis*, Madison, CT, Internat'l. University Press.

Holmes T.H. et Masuda M. (1974), *Life Change and Illness Susceptibility*, in B. S. Dohrenwend et al., eds. *Stressful Life Events: their nature and effect*, New York, Wiley.

Hopper Earl (1981), *A Comment on Pr. M. Jahoda Individual and the Group*, in M. Pines and L. Rafaelson, eds., *The Proceedings of the VII International Congress of Group Psychotherapy*, London, Plenum.

Hopper Earl (1996), *The Social Unconscious in Clinical Work*, in *Group*, 20, 1, 7-42 (UK).

Horner Kareen (1937), *The Neurotic Personality of our Time*, Norton, New York [sur social unconscious].

Houzel D. (1985), *L'Evolution du concept d'espace psychique dans l'œuvre de Melanie Klein et de ses successeurs*, in Gammil J. et al., *Melanie Klein aujourd'hui*, Lyon, Cesura.

- Jung Carl Gustav (1988), *Synchronicité et Paracelsica*, Paris, Albin Michel, Tr. fr.
- Kaes R. (1994), *La transmission psychique intergénérationnelle et intragroupale, Penser la famille*, Arles; voir aussi *Thérapie familiale analytique ou psychothérapie, Le Groupe familial en psychothérapie*, Revue de psychothérapie psychanalytique de groupe, n° 22, Paris, Eres.
- Kobasa Suzan et coll. (1982), *The Hardy Personality: Toward a Social Psychology of Stress and Health*, in S. Sullis and G. Sanders, eds., *Social psychology of health and illness*, p. 3-33, Hillsdale, N. J., Erlbaum.
- Lani Martine (1990), *A la recherche de la génération perdue*, Paris, *Le Journal des Psychologues et Hommes et Perspectives [sur les enfants trouvés et/ou placés à la DDASS]*.
- Laplanche J. et Pontalis J.-B. (1985), *Fantasme originaire, fantasme des origines, origines du fantasme*, Paris, Hachette. Textes du xxe s.
- Leclair Serge (1975), *On tue un enfant*, Paris, Le Seuil. Point, n° 126, 1981.
- Legendre Pierre (1985), *L'Inestimable objet de la transmission. Etudes sur le principe généalogique en Occident*, Paris, Fayard; vol. 2: Textes juridiques.
- Malouf Amin (1983), *Les Croisades vues par les Arabes*, Paris, Lattès.
- Martensen-Larsen Oluf (1989), *Familiemonsten, Danmark, Hekla [sur les systèmes familiaux, étude faite sur 15000 cas]*.
- Maslow Abraham (1954), *The Instinctoid Nature of Basic Needs*, in *Journal of Personality*, 22, 340-341.
- Masson Odette (1979), *Aspects théoriques et cliniques systémiques de la transmission intergénérationnelle de la psychopathologie*, in *Psychanalyse à l'Université*, n° 16, T4, p. 653-667.
- Masson Odette (1983), *Les personnes et leurs rôles dans les systèmes familiaux morphostatiques*, *Bulletin de Psychologie*, Paris, Sorbonne, numéro spécial de *Psychologie Clinique*, VI, XXXVI, n° 360.
- May Rollo, Angel Ernest, Ellenberger Henri, E. D. S. (1958), *Existence: a New dimension in Psychiatry and Psychology*, New York, Basic Books, rééd., 1969.
- May Rollo (1950), *The Meaning of Anxiety*, New York, Ronald Press.
- May Rollo (1982), *Le Désir d'être*, Paris, Epi.
- May Rollo (1983), *The Discovery of Being, Writings in Existential Psychology*, New York, Norton, rééd. 1986.
- May Rollo (1988), *Paulus Tillisch as Spiritual Teacher*, New York, Say book [et communications privées, Barcelone: 1976, Formen tor 1978].
- May Rollo (1991), *The Cry for myth*, New York, Norton.
- McGoldrick Monica & Gerson Randy (1985), *Genograms in Family Assessment*, New York, Norton; Tr. fr. *Le Génogramme et entretien familial*, Paris, ESF, 1990.
- Mendel Gérard (1979), *Quand plus rien ne va de soi: apprendre à vivre avec l'incertitude*, Paris, Laffont.
- Miermont J. (1987), *Dictionnaire des thérapies familiales*, Paris, Payot.
- Mijolla Alain de (1981), *Les Visiteurs du Moi*, Paris, Belles Lettres, rééd 1986 [sur Arthur Rimbaud, etc.].
- Miller Alice (1984), *C'est pour ton bien*, Paris, Aubier-Montaigne.
- Miller Alice (1988), *La Connaissance interdite*, Paris, Aubier.
- Minuchin S. (1974), *Families and Family Therapy*, Cambridge, M. A. Harvard University Press. Trad. fr. *Familles et thérapies*, Paris, Ed. Universitaires, 1979.

- Morel Denise (1984), *Cancer et Psychanalyse*, Paris, Belfont.
- Morel Denise (1991), *Qui est vivant?* Paris, Editions Universitaires.
- Moreno J. L. (1934), *Who Shall Survive?* Washington CD, Nervous and Mental Disease Pub. C.
- Moreno J. L. et al. (1939), *Psychodrama and shock therapy*, in *Psychodrama and Group Psychotherapy Monographs*, n° 5.
- Moreno J. L. (1954), *Interpersonal Therapy, Group Psychotherapy and the Function of the Unconscious*, *Group Psychotherapy*, VII, 3-4, 191-204. Repris in *Group Psychotherapy and the Function of Unconscious*, Monograph nr 35, Beacon (N.Y.) Beacon House, 1958 (Conscient commun et inconscient commun, Fondements de la thérapie, repris en fr. in *Psychothérapie de groupe et psychodrame*, pp. 66, 87, 182, sur l'intimité de groupe, proche de la monographie 35.
- Moreno J. L. (1959), *Interpersonal Therapy, Group Psychotherapy and the Function of the Co-unconscious*, in *Psychodrama*, vol. 2, New York, Beacon House (republished. Originally published in 1954-1955. Sur la synchronicité, l'intersubjectivité et le co-inconscient.
- Moreno J. L. (1965), *Psychothérapie de groupe et psychodrame, Introduction théorique et clinique à la socio-analyse*, Paris: PUF, 2e éd rev. 1987, avec historique, trad. de l'all. et de l'amér. (1936 à 1970).
- Moreno J. L. (1985), *Fondements de la Sociométrie*, Paris, PUF.
- Morris Desmond (1978), *La Clé des gestes. Tr. fr. de Man Watching [l'observation précise et éthologique de l'interaction humaine]*, Paris, Grasset, 1979.
- M'Uzan Michel de (1990) [*Travaux sur le thérapeute comme intermédiaire contenant*].
- Nachin Claude (1989), *Le Deuil d'amour*, Paris, Editions Universitaires.
- Nathan N., textes réunis par (1985), *L'Enfant ancêtre*, in *Nouvelle revue d'ethnopsychiatrie*, n 4, déc., Paris, La Pensée Sauvage [sur l'enfant qui part et qui revient, l'enfant Nit Ku Bon, Sénégal].
- Offroy Jean-Gabriel (1993), *Le Choix du prénom*, Marseille, Hommes et Perspectives.
- Pankov Gisela (1969), *L'Homme et sa psychose*, Paris, Aubier-Montaigne [sur le rôle des secrets de famille dans la psychose].
- Penfield W. (1975), *The Mystery of the Mind*, Princeton, Princeton University Press.
- Perrot Jean (1985), *L'Enfant ancêtre*, in *Nouvelle Revue d'Ethnopsychiatrie*, n 4 déc., Paris, La Pensée Sauvage.
- Poe Edgar (1857), *La Lettre volée (Nouvelle)*, Tr. fr., 1965 in *Histoires Extraordinaires*, Paris, Garnier-Flammarion.
- Pribram Karl (1971), *Languages of the Brain*, Englewood Cliffs: Prentice Hall et communications privées (New York, 1989, Cannes 1991).
- Prigogine Ilia et Stengers Isabelle (1988), *Entre le temps et l'éternité*, Paris, Fayard.
- Racamier Paul-Claude (1992), *Le Génie des origines, psychanalyse et psychoses*, Paris, Payot.
- Roberts A. (1989), *Serendipity*, New York, Wiley.
- Rosenthal Robert et Jacobson L. (1971), *Pygmalion à l'école*, Paris, Casterman [l'effet Pygmalion et la réalisation automatique des prédictions dans les relations maître-

élève et sur les résultats scolaires objectifs]; tr. fr. de l'américain *Pygmalion in the Classroom* (d'après l'original).

Rossi Ernest et Cheek David (1988), *Mind-Body Therapy*, New York, Norton. Trad. fr. *Psychobiologie de la guérison; influence de l'esprit sur le corps*, Paris, Hommes et perspectives-D.D.B., 1994.

Ruffiot André et coll., (1981), *La Thérapie familiale psychanalytique*, Paris, Dunod.

Sami Ali M. (1990), *Le corps, l'espace et le temps*, Paris, Dunod.

Satir Virginia (1964), *Conjoint Family Therapy*, Palo Alto, Science and Behavior Books. Tr. fr. *Thérapie du couple et de la famille*, Paris, Epi, 1971 (avec préface de Pierre Fontaine).

Schneider Michel (1980), *Blessures de Mémoire*, Paris, Gallimard.

Segalen Martine (1985), *Quinze générations de Bas-Bretons: Parenté et société dans le pays bigouden-sud*. Paris, PUF.

Segalen M., Zonabend F., Burguière A., Klapisch-Zuber C. (1986), *Histoire de la famille*, 2 t., Paris, Armand Collin, t. 1 préfacé par Claude Lévi-Strauss.

Selous E. (1931), *Thought Transference or What?*, in *Birds*, London, Constable.

Sheldrake Robert (1987), *New Science of Life: Hypothesis of Formative Causation*, London, Paladin Books. [Sur les résonances morphiques: certains événements occurrent (occur-recur) selon l'incidence de certains événements.]

Sheldrake Rupert (1988), *The Presence of the Past*, Tr. fr. *La Mémoire de l'Univers*, Monaco, Editions du Rocher, 1988 [sur champs morphogénétiques].

Siebert Lawrence A. (1983), *The Survivor Personality*, Paper, Western Association of Psychology Convention, April, cité par Siegel, 1989.

Soulé Michel, dir. pub. (1979), *Les Grands-parents dans la dynamique psychique de l'enfant*, Paris, ESF. [Journée de guidance infantile, 1978.]

Soulé Michel, dir. pub. (1984), *On te le dira quand tu seras grand*, in *Le Nouveau Roman familial*, Paris, ESF, p. 110-126.

Stern D.N. (1989), *Le Monde interpersonnel du nourrisson*, Paris, PUF.

Stern D.N. (1991), *Dialogue entre l'intrapsychique et l'interpersonnel: une perspective développementale*, Texte et Contexte dans la communication, de Fivaz-Depeursinge E. (éd.), *Cahiers critiques de thérapie familiale et de pratiques de réseaux*, Toulouse, Privat, n° 13.

Stierlin Helm (1978), *Delegation und Familie*, Francfort, Suhrkamp, 1978.

Sztulman Henri, Barbier André, Cain Jacques dir. (1986), *Les Fantômes originaires*.

Tap Pierre, dir. pub. (1980), *Identité nouvelle et personnalisation*, Toulouse, Privat, et *Identité individuelle et personnalisation* (1979), Toulouse, Privat (collectif).

Tholet Claude (1984), *Tel Père, tel fils*, Paris, Dunod.

Tillich Paul (1952), *The Courage to be*, New Haven, Yale University Press. Cité par Rollo May, Paris, Epi. Tr. fr. *Le Courage d'être*, Paris, Casterman, 1967.

Tisseron Serge (1985), *Tintin chez le psychanalyste*, Paris, Aubier-Archimbaud. Essai sur la création graphique et la mise en scène de ses enjeux dans l'œuvre d'Hergé. Présentation de Didier Anzieu.

Tisseron Serge (1986), *Honte, Affiliation et Généalogie*, in *Les Temps Modernes* (fév.).

Tisseron Serge (1990), *Tintin et les Secrets de famille*, Paris, Séguier. Rééd., Paris, Aubier, 1992.

- Tisseron Serge (1992), *La Honte: psychanalyse d'un lien social*, Paris, Dunod.
- Todd Emmanuel (1990), *L'Invention de l'Europe*, Paris, Le Seuil.
- Toffler Alvin (1974), *Le Choc du futur*, Paris, Denoel (trad. de l'amér.).
- Török Maria (1989), Préface in Nicolas Rand, *Le Cryptage et la vie des œuvres*, Paris, Aubier.
- Toubiana Eric (1988), *L'Héritage et sa psychopathologie*, Paris, PUF.
- Vegh Claudine (1979), *Je ne lui ai pas dit au revoir: des enfants de déportés parlent*, Paris, Gallimard.
- Verdier P., Soulé Michel (1986), *Le Secret sur les origines, problèmes psychologiques*, Paris, ESF.
- Walsh S. (1975), *Living for the Dead? Schizophrenia and three Generations of Family Relations*, American Psychological Association, 38th. ann. meeting, Abstract.
- Watzlawick Paul, Beavin, Jackson (1972). Tr. fr. *Une Logique de la communication*, Paris, Le Seuil, 1982, Point.
- Weber Max (1947), in Talcott Parsons, ed, *The Theory of Social and Economic Organization*, New York, Oxford University Press [sur le social unconscious, citant Marx, Durckheim].
- Winkin Yves (1981), *La Nouvelle Communication*, Paris, Le Seuil [articles de Bateson, Birdwhistell, Goffman, Hall, Jackson, Scheflen, Sigman, Watzlawick; des textes fondamentaux sur la communication non verbale], rééd. 1984.
- Winnicott D. W. (1951–1953), *Objets et phénomènes transitionnels*, in *De la pédiatrie à la psychanalyse*, Paris, Payot, 109–125.
- Winnicott D. W. (1957), *L'Enfant et le monde extérieur*, tr. fr., Paris, Payot, rééd. 1975 [chap. sur le holding].
- Winnicott D. (1965), *The Maturational Process and the Facilitating Environment*, New York, International University Press [sur le holding].
- Winnicott D. W. (1971), *Rôle de miroir de la mère et de la famille dans le développement de l'enfant*, in *Jeu et réalité*, Paris, Gallimard, 1953–1963.
- Zeigarnik Bluma (1928), sur les tâches achevées et inachevées, *Deutsche Psychologische Fohrshung* [travaux sous la direction de Kurt Lewin].
- Zinkin L. (1979), *The Collective and the Personal*, *Journal of Analytic Psychology*, 24, 3, 227–250 (un jungien) [sur le shared unconscious].
- Zuili Nadine et Nachin Claude (1983), *Le travail du fantôme au sein de l'inconscient et de la clinique psychosomatique à propos du psoriasis*, in *Ann. Med. Psy*, Paris, 141, 9, p. 1022–1028.

О тяжелейших заболеваниях

- Ader Robert (1981), *Psycho-neuro-immunology*, New York, Academic Press, rééd. revue et compl., 1991, Ader et all.
- Ancelin Schutzenberger Anne (1984), *Retrouver des raisons de vivre et d'espérer, le malade cancéreux soigné comme un homme total*, *Symbiose*, n spécial sur les médecines douces.
- Ancelin Schutzenberger Anne (1985), *Vouloir guérir, l'aide au malade atteint d'un cancer*, Toulouse, Erès-La Méridienne, Paris, 4e éd. rev. augm. 1991, rééd. rev. augm., 1993, Paris, DDB-La Méridienne, 1996.

Ancelin Schutzenberger Anne (1991), *The Drama of the Seriously Ill Patient: Fifteen Years Experience of Psychodrama and Cancer*, in *Psychodrama: inspiration and technique*, Paul Holmes et Marcia Karp, eds, Routledge/Tavistock, Londres et New York, 203-205.

Ariès Philippe, Dolto Françoise, Raimbault Ginette, Schwartzberg Léon, Marty F. (1983), *La Mort en face*, Toulouse, Privat.

Barash Marc Ian (1993), *The Healing Path*, N. Y. Arkana Penguin.

Cousins Norman (1989), *La Biologie de l'espoir*, Paris, Le Seuil, 1991. Tr. fr. Head First: *The Biology of Hope*, New York, Norton.

Kubler Ross Elisabeth (1976), *La Mort, dernière étape de la croissance*, Ottawa, Ed. Québec-Amérique, Monaco, Le Rocher.

Kubler Ross Elisabeth (1984), *Vivre avec la mort et les mourants*, Genève, Tricorné.

LeShan Lawrence (1977), *You can Fight for your Life*, New York: Evans. Tr. fr., *Vous pouvez lutter pour votre vie*, Paris Laffont, 1989 (d'après l'original).

Orr Emda et Westman Mina (1990), *Does Hardiness Moderate stress and How?: A review*, in Rosenbaum Michael, éd. (1990), *Learned Resourcefulness : on coping skills, self controle, and adaptative behavior*, New York, Springer.

Raimbault Ginette (1975), *L'Enfant et la mort*, Toulouse, Privat.

Raimbault Ginette (1982), *Clinique du réel*, Paris, Le Seuil.

Siegel Bernie (1986), *L'Amour, la Médecine, les Miracles*, Paris, Laffont, 1989. Trad. de l'américain, *Love, Medecine and Miracles*, New York, Dutton Rééd., 1991, J'ai Lu.

Siegel Bernie (1989), *Messages de vie*, Paris, Laffont 1991. Trad. de l'américain Pence, *Love and Healing*, New York, Harper and Row.

Simonton Carl, Matthews Stephanie, Creighton James (1982), *Guérir envers et contre tout*, Paris, Epi, trad. de l'américain, *Getting well again*. Préf. de Jacques Bréhant. Introd. d'Anne Ancelin Schutzenberger.

Simonton Matthews Stephanie, avec Robert L. Shook (1991), *La famille, son malade et le cancer: coopérer pour vivre et pour guérir*, Paris, Epi.

Spiegel David (1993), *Living beyond Limits*, New York, Times Books.

Tavernier Monique (1991), *Les Soins palliatif*, Paris, PUF, *Que sais-je?*

Yahyaoui Abdel Ssalen, dir. pub. (1989), *Le corps, Espace-Temps et traces de l'exil; incidences cliniques*, Grenoble, APAM/La Pensée Sauvage.

O genealogических исследованиях

Beaucarnot Jean-Louis (1981), *Drôles d'ancêtres: Histoires extraordinaires de généalogies*, Paris, Trévisé.

Beaucarnot Jean-Louis (1988), *Les Noms de famille et leurs secrets*, Paris, Laffont, Rééd. Poche.

Clément Marie (1984), *Le Guide Marabout de la Généalogie*, Bruxelles, Marabout.

Dauzat A. (1970), *Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France*, Paris, Larousse.

Dauzat A. (1977), *Les Noms de famille en France*, Paris, Guenegaud.

Dupâquier J. (1987), *Le Temps des Jules*, Paris, Christian [ouvrage statistique sur les fréquences des prénoms en France au XIXe siècle].

Gautier Valérie (1994), ABC de généalogie, Paris, Grancher [façons de procéder].

Léger Jacques-Alain (1982), Autoportrait au Loup, Paris, Flammarion (15-16) [Souvenirs d'un enfant de remplacement dont la mère, enceinte de lui, a tenté de se suicider] (cité in Alain de Mijolla, 1981, p. 85-86).

Passage Yves Du (1986), Mes aïeux, quelle histoire: Guide pratique de la généalogie pour tous, Paris, Hachette.

Passage Yves Du (1989), La Généalogie pour tous: à la recherche de ses racines, Paris, Hachette.

Fédération Française de Généalogie 2, rue Achille-Luchaire, 75014 Paris [avec liste d'associations].

CARAN (Centre d'accueil et de recherche des archives nationales), 11, rue des Quatre-Fils, 75003 Paris.

Bibliothèque généalogique, 3, rue de Turbigo, 75001 Paris.

Amicale des généalogistes, B. P. 52, 75261 Paris Cedex 06.

Centre de documentation des Mormons, 64, rue de Romainville, 75019 Paris, et Salt Lake City, Utah, USA.

Centre d'entraide généalogique, 76, avenue Foch, Montry.

Centre et cercles (départementaux) de généalogie [dans les principales villes, et centres de régions et provinces: Strasbourg, Nice, Albi, Metz, Evreux, Grenoble...].

Centre de généalogie protestante, 54, rue des Saints-Pères, 75007 Paris.

Centre généalogique de Paris, 17, rue de Mesnil, 75116 Paris.

Cercle d'entraide généalogique, 119, rue de Clignancourt, 75018 Paris.

Chambre syndicale des généalogistes familiaux, 74, rue des Saints-Pères, 75006 Paris.

Institut généalogique Drouin. Canadiens provenant de France (XVIIe, XVIIIe, XIXe s.). Montréal, 4184, rue Saint-Denis, Canada.

Association généalogique des Indes françaises, 34, rue Emile-Lehel, 75017 Paris [Réunion, Ile Maurice, Pondichery, Antilles, Louisiane].

Association d'entraide de la noblesse française, 9, rue Richepanse, 75008 Paris.

Dépôt d'archives (départementales).

Романы, новеллы, театральные пьесы,

автобиографии, размышления

Anet Claude (1929), Ariane, jeune fille russe, Paris, Grasset.

Balzac Honoré de (1832), Le Colonel Chabert, in œuvres complètes, Paris.

Beddock Francine (1988), L'Héritage de l'oubli: de Freud à Claude Lanzmann, Nice, L'édition, Transes, 1991 [Réflexions sur le film La Shoa et l'Holocauste].

Bernard Jean (1992), Le Syndrome du colonel Chabert ou le vivant mort, Paris, Buchet-Chastel.

Binet Marie (1999), Noir comment?, Paris, Au Même Titre édition.

Dolto Françoise (1986), Enfances, Paris, Le Seuil, Point, 1988.

Duperey Anny (1992), Le Voile noir, Paris, Le Seuil.

Fynn (1974), Anna and Mister God. Tr. fr. Anna et Mister God, Paris, Le Seuil, (1976).

- Goethe, *Ses mémoires et sa vie, Vérité et poésie, I*, Paris, Le Signe, 1979, 34-35.
- Haley Alex (1977), *Roots*, Londres, Picador. Tr. fr. *Racines*, Paris, Le Seuil, 1976.
- Hoff Benjamin (1946), *The Tao of Poo*, New York, Dutton 1982, rééd. Penguin.
- Montaigne Michel de (1595), *Les Essais*, Texte établi et annoté par A. Thibaudet, Paris, NRF, La Pléiade, 1938; rééd., 1940 et 1976, Paris, Gallimard, 1962, La Pléiade: 187, 1963/1992.
- Platon (427-347), *Er le Pamphylien in La République. X 614*. Paris, Gallimard, 1950, rééd. La Pléiade, 1989, I, 1231 et s.
- Reverat Gwen (1952), *Period Piece: A Cambridge Childhood*, London et Boston, Faber, rééd. 1987 [sur la famille Darwin].
- Semprun Jorge (1994), *L'écriture ou la vie*, Paris, Gallimard, rééd., Folio, 1996.
- Stéphane Roger (1986), *Autour de Montaigne*, Paris, Stock.
- Tournier A. (19..), *La Commémoration*, in *Medianoche*, Paris.
- Clairier C., Léger, Gauch A. M., Traiblin M., Clavier Y. (1992), *Objectif calcul: Nouveau programme de maths CE2*, Paris, Hatier [avec modèle d'arbre généalogique fait et à faire par les élèves, p. 34].
- Ben Jeloul Tahar et al. (1994), *Raconte-moi la vie*, Paris, Disney-Hachette-Lire. [Sur Verdun: La bouche pleine de terre, Eric Orsena.]
- Collectif (1998), *Paroles de poilus. Lettres et carnets du front, 1914-1918*, Paris, Libro-Radio-France. Préface de Jean-Pierre Guéno.

Фильмы

Lelouch Claude, *Les uns et les autres et plusieurs films, 1980-1997*.

Библиографические дополнения

- Abraham Ada (1994), *Le co-soi, ou le synthésisme primaire*, in René Kaes, dir. pub., *Les voies de la psyché: hommage à Didier Anzieu*, Paris, Dunod, p. 326-340.
- Ancelin Schutzenberger Anne, Abraham Ada, Alvez Sanchez Aldo et Geoffroy Yannick (1978), *Essai d'une analyse pluridimensionnelle du soi*, *Annales de la Faculté des Lettres & Sciences Humaines de l'Université de Nice*, n 31, *Psychologie sociale clinique*, p. 27-67.
- Ancelin Schutzenberger Anne (1994), *Vie transgénérationnelle et maladie*, in *Le Processus de guérison, par-delà la souffrance et la mort*, Les Ateliers de Montréal, MNH, 3947 Chabanel, Beauport, G1E4M7 Québec, Canada, 57-70.
- Ancelin Schutzenberger Anne (1995), *L'enfant de remplacement*, in *Le Deuil comme processus de guérison*, Montréal, MNH.
- Ancelin Schutzenberger Anne, série d'articles sur la transmission transgénérationnelle de traumatismes de guerre (1997-1999).
- Ancelin Schutzenberger Anne (1998), *About psychodrama and Epilogue*, in Karp, Holmes and Bradshaw Tavon (eds) (1998), *Handbook of Psychodrama*, Routledge, New York and London, 1998.
- Ancelin Schutzenberger Anne (1999), *Héritage familial inconscient, stigmates de traumatismes familiaux*, in Calgar Huguette, éd., *être enseignant, un métier impossible? Hommage à Ada Abraham*, Paris-L'Harmattan, 225-267.

Ancelin Schutzenberger Anne (1999), La maladie gravissime et ses retombées sur la famille: choc traumatique, poids du secret, et syndrome d'anniversaire, in Actes 2e journée régionale de soins palliatifs de Bourges, 19 novembre 1999.

Ancelin Schutzenberger Anne (1999), Health and Death, Hidden links through the family tree, in Peter-Felix Kellerman and Kate Hudgins eds (2000), Trauma and psychodrama, London and New York, Jessica Kingsley (in print) (sous presse).

Anzieu Didier, Tisseron Serge et al. (1993), Les Contenants de la pensée, Paris, Dunod.

Assoun Jacques (1994), Questions d'enfance, Les Contrebandiers de la mémoire, Paris, Syros.

Beaurepaire R. de (1998), Les mémoires traumatiques de Rachel Yehuda, in Depression, n 10, janv.-avril.

Blanchard François (1995), Pour un autre regard sur la démence, Gérontologie et société [utilisation du géosociogramme pour remodeler la mémoire chez les malades très âgés], n 72, p. 156-166.

Brown G.W. and Harris T. (1988), Depression in Life Events and Illness, New York, Guilford Press.

Bydlowsky Monique (1996), La Dette de vie, Paris, PUF.

Carlier Emile (1995), Mort pas encore, Société archéologique du Nord [sur Verdun], Douai.

Cotle Thomas (1995), Enfants prisonniers d'un secret de famille, Paris, Laffont.

Couvert Barbara (1997), Introduction au secret de famille, DEA de sociologie du pouvoir, université de Paris-VII, 78 f. (en prép., Paris, DDB, 2000).

Cyrulnick Boris (1993), Les Nourritures affectives, Paris, Odile Jacob.

Cyrulnick Boris (1997), L'Enfermement du monde, Paris, Odile Jacob.

Cyrulnick Boris, dir. pub. (1998), Ces enfants qui tiennent le coup, Paris, Hommes et perspectives [avec Michel Le May, et al.].

Cyrulnick Boris (1999), Un merveilleux malheur, Paris, Odile Jacob.

Delassus Claire (1993), Le Secret ou l'intelligence interdite, Paris, Hommes et Perspectives, Préface Jean-Pierre Chartier.

Devroede Ghislain and Ancelin Schutzenberger Anne (1999-2000), On family trauma repetitions of sex abuse and gastric problems, (1999, in preparation).

Dumas Didier (1999), Sans père et sans parole, Paris, Hachette Littérature.

Eiger Alberto (1997), Le générationnel, Approche en thérapie familiale psychanalytique, Paris, Dunod.

Gaulejac Vincent de (1996), Les Sources de la honte, Paris, DDB.

Gaulejac Vincent de et Taboada Leonetti Isabel (1994), La Lutte des places, Insertion et Désinsertion, Paris, DDB et Hommes et perspectives.

Ginestet-Delbreuil Suzanne (1998), La terreur de penser [psycho-somatique], Paris.

Héritier Françoise (1994), Les Deux sœurs et la mère, Paris: Odile Jacob.

Hudgins Kate and Drucker K. (1998), The Containing double as part of the therapeutic spiral Model for treating trauma survivors, in The International Journal of Action Methods, skill training and role playing, no 51, 63-74.

Kadaré Ismael (1998), Trois chants funèbres pour le Kosovo, Paris, Fayard.

Van Ijzendoorn H., Juffer F., Dyyvestyn M.G. (1995), Breaking the intergenerational cycle of insecure attachment: a review, in *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 36,2:225-248.

Kaes René, Dir. pub., et Haydée Faimberg (1993), *Transmission de la vie psychique entre générations*, Paris, Dunod.

Kernberg Otto (1993), The Couple's Constructive and Destructive Superego Functions, *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 41, 653-677 [sur les shared superego functions à dans les couples].

Larroche Michel (1994), *Mes cellules se souviennent...?* Paris, Tredaniel.

Lavallée Guy (1993), La boucle contenant et subjectivante de la vision, in Anzieu et al., *Les Contenants de pensée*, Paris, Dunod, p. 87-126.

Legrand Michel (1993), *L'Approche biographique*, Paris, Epi.

McGoldrick Monica (1994), *You Can Go Home again*, New York, Norton [sur génogrammes reconstitués de célébrités].

Marty Pierre (1980), *L'Ordre psychosomatique*, Paris, Payot.

Mercier Evelyne-Sarah, Dir. pub. (1993), *La Mort Transfigurée*, Paris, Ass. Intern. for Near Death Studies, IANDS, France.

Miller Alice (1981-1986), *L'Enfant sous terreur*, Paris, Aubier.

Minc Alain (1993), *Le Nouveau Moyen Age*, Paris, Gallimard.

Muxel Anne (1996), *Individu et mémoire familiale*, Paris, Nathan.

Nachin Claude (1993), *Les Fantômes de l'âme. A propos des héritages psychiques*, Paris, L'Armattan.

Nardone Giorgio, Watzlawick Paul (1993), *L'Art du changement*, Paris, L'Esprit du temps.

Nathan Tobie (1994), *L'Influence qui guérit*, Paris: Odile Jacob.

Racamier Paul-Claude (1995), *L'Inceste et l'incestuel* Paris, Les Editions du Collège.

Roberts A. (1989), *Serendipity*, New York, Wiley.

Rollo May (1995), *The courage to be (Le courage d'être)*, entretien personnel et citations dans toute son œuvre.

Sogyal Rimpotché, éd. (1993), *Le Livre tibétain de la vie et de la mort*, Paris, La Table Ronde (trad. du tibétain et de l'amér.).

Soulé Michel et al., *Origines, identités, destinées: que dire à un enfant qui s'inquiète de son origine?* (Journée annuelle du Centre de guidance infantile, mars 1995, Paris), Paris, ESF. [Jeanine Noel, *Que dire à un enfant qui s'inquiète de son origine?*, p. 111-120. Rémy Puyello, *Jouer à être grand*, Léo, Lucien, p. 121-133.]

Stierlin H. (1977), *Le premier entretien familial*, Paris, Delarge, tr. fr. 1979.

Sutter Jean (1995), *L'anticipation dans l'impasse dépressive*, in *L'anticipation, clef du temps du déprimé*, collection scientifique Survector.

Tisseron Serge, Török Maria, Rand Nicolas et al. (1995), *Le Psychisme à l'épreuve des générations*, Clinique du fantôme, Paris, Dunod.

Tisseron Serge (1996), *Secrets de famille, mode d'emploi*, Paris, Ramsey.

Vigouroux François (1993), *Le Secret de famille*, Paris, PUF.

Vincent Jean-Didier (1997), *La Chair et le Diable*, Paris, Odile Jacob.

Volkan Vamik (1997), *Bloodlines: from Ethnic Pride to Ethnic Terrorism*, N. Y., New York, Farrar, Strauss & Giroux (December).

Webster Harriet (1993), Pour en finir avec les secrets de famille: ces vérités qui sont bonnes à dire, Paris, Le Jour.

Yehuda Rachel (1995), Low urinary cortisol excretion in holocaust survivors with post traumatic stress disorders, in American Journal of Psychiatry, n° 152, 982-986.

Zajide Nathalie (1993), Souffle sur tous ces morts et qu'ils vivent! La transmission du traumatisme chez les enfants de l'extermination nazie. Préface Tobie Nathan, Paris, La Pensée Sauvage (rééd.).

Zajide Nathalie (1995), Enfants de survivants, Paris, Odile Jacob.

Журналы

Collectif (1992), Le Secret, Connexions, n 60, ERES.

Collectif (1994), Le groupe familial en psychothérapie, Revue de psychothérapie psychanalytique de groupe, n 22 [congrès de mars 1994, Paris].

Collectif (1993), Les Contenants de pensée, Paris, Dunod [Didier Anzieu, La fonction contenante et la peau, du moi et de la pensée: conteneur, contenant, contenir, p. 15-40].

Collectif (1975), Du secret, Nouvelle Revue de Psychanalyse, n 14. Le Groupe familial (1991), Confidence et secret, n 132, juillet.

Groupal (Paris),

(1994), Les Fixations précoces et leur devenir, 10.

(1995), Deuils dans la famille, 1.

Collectif GREPS (1986), Le Phénomène psychosomatique et la psychanalyse, in Analytica, Paris, Editions Navarin.

Rencontres cliniques d'Arles (1985). Evelyne Grandjon, Jean Guyotat.

Dialogue [éditée par l'Association Française des Centres de Consultation Conjugale (AFCCC), 44, rue Danton, Galerie Damoiselles, 94270 Kremlin-Bicêtre. Tél. 01 46.70.88. 44]

(1980) Les secrets de famille, n° 70.

(1984) Mythes familiaux, n 84.

(1985) Héritages et filiations, n 89.

(1985) Généalogie et fantômes, n 90.

(1986) Les rites familiaux, n 91.

(1987) La présence de l'absent, n 98.

(1988) Détruire ceux que l'on aime, n 99.

(1988) Le dialogue et le secret, n 100.

(1990) Dettes et cadeaux dans la famille, n 110.

(1991) Loyautés familiales et désir d'enfant, n 111.

(1992) Le sacrifice dans la famille, n 116.

(1994) Construire la parenté, n 126.

(1995) Rites et marques de passage, n 127.

(1995) L'adoption, une nouvelle naissance, n 133

(1996) Couples et secrets de famille, n 134.

Анн Анселин Шутценбергер – одна из самых ярких фигур в современной психотерапии. Почетный профессор университета Ниццы, директор лаборатории социальной и клинической психологии, психотерапевт, групп-аналитик, психодраматист с мировым именем, автор многих известных работ – вот лишь некоторые пункты ее «послужного списка». Ее клинический опыт включает в себя работу с самыми «трудными» клиентами – больными раком, жертвами природных и социальных катастроф. Семинары А. Шутценбергер собирают большие аудитории во всех странах мира.

Каждый из нас является звеном в цепи поколений, и порой нам приходится, к собственному удивлению, «оплачивать долги» наших предков. Эта своеобразная «невидимая преданность» подталкивает нас к неосознанному повторению радостных или печальных событий, которые происходили ранее в нашей семье. Мы менее свободны, чем полагаем, но у нас есть возможность отвоевать свободу и избежать роковых повторений в семейной истории, поняв сложные хитросплетения в собственной семье.

Эта книга выдержала во Франции 15 изданий. Она является результатом двадцатилетней научной деятельности и клинической практики Анн Анселин Шутценбергер. Случаи, которые она приводит, по драматизму, «эмоциональному накалу» и таинственности превосходят самые смелые фантазии авторов готических романов. Иногда они шокируют, иногда пронзают острой болью и всегда напоминают о том, что каждый из нас является частью общей для всех истории и даже самые отдаленные события гораздо ближе к отдельному человеку, чем можно себе представить.

Исследовательский и терапевтический аспект книги представляет обоснования тех явлений, с которыми автор работает с помощью своего метода – *трансгенерационной психогенеалогической концептуальной терапии*. Один из основных его «инструментов» – *геносоциограмма* – позволяет распутать сложный клубок семейных историй, выявить связи между поколениями и прервать цепь бессознательных повторений, чтобы человек мог осознать собственное предназначение и использовать свой шанс в жизни.

ISBN 5-89939-051-4

9 785899 390517

ИНСТИТУТ ПСИХОТЕРАПИИ

✉ 123060 Москва-60, а/я 67

☎/факс: (095) 188-1932,

(095) 247-8572

